

Е. А. Мельникова

Древняя Русь и Скандинавия

Избранные труды

Университет Дмитрия Пожарского

Елена Мельникова

**Древняя Русь и Скандинавия:
Избранные труды**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2011

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

Мельникова Е. А.

Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды /
Е. А. Мельникова — «Русский фонд содействия
образованию и науке», 2011

ISBN 978-5-91244-073-1

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к юбилею доктора исторических наук, заведующего центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН Елены Александровны Мельниковой. В сборник вошли статьи, написанные Е.А. Мельниковой индивидуально и в соавторстве с В.Я. Петрухиным и Т.А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях. Для историков, филологов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, для исследователей истории Древней Руси.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

ISBN 978-5-91244-073-1

© Мельникова Е. А., 2011
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2011

Содержание

От редакторов	8
Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой	9
Часть I	12
К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)	12
Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)	27
Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства	37
Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии)	54
Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)	61
Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен»	75
Формирование территории Древнерусского государства в конце IX – начале X в.	77
Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати	82
«Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси	86
Образование Древнерусского государства: состояние проблемы	92
Часть II	98
Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.)	98
Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг»	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Елена Мельникова

Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of World History
DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Elena A. Melnikova

Old Rus' and Scandinavia
Selected Papers

Edited by Galina V. Glazyrina and Tatjana N. Jackson

Dmitriy Pozharskiy University Moscow 2011

Под редакцией Г. В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Издание подготовлено в рамках работы над проектом «Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза (Компаративное исследование)» программы секции истории ОИФИ «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» и проектом «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

© Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., составление, 2011

© Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, текст, 2011

© Институт всеобщей истории РАН, 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

© Иванов Е.Г., дизайн макета, верстка, 2011

В оформлении обложки использован инициал Евангелия апракос (РГАДА. Ф. 381 (Сии. тип.) № 7. Л. 162, XIII в., Новгород)

От редакторов

Тридцать три года разделяют выход в свет двух очень важных для отечественной исторической науки книг, имеющих одинаковое название: «Древняя Русь и Скандинавия». Более ранняя представляет собой издание архивных материалов погибшей во время Ленинградской блокады первой советской скандинавистки, Елены Александровны Рыдзевской¹. Этой публикацией фактически открывался ежегодник «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» – детище нашего учителя Владимира Терентьевича Пашуто. С самого основания созданного им в Институте истории СССР АН СССР Сектора научным сотрудником, бессменным помощником В.Т. Пашуто, а ныне и руководителем Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН – восприемника сектора В. Т. Пашуто – была и остается филолог и историк, англосаксонист, скандинавист и русист Елена Александровна Мельникова, в чью честь подготовлен настоящий сборник.

В нарушение канонов такого жанра юбилейных сборников, как «Избранные труды» («Heine Schriften», «Collected papers»), данное собрание статей осуществлено не самим автором, а ее коллегами и друзьями, осознающими «наступающее на статьи забвение»², непреходящую значимость произведений «малого жанра», созданных Е. А. Мельниковой на протяжении ее научной карьеры, и, наконец, целостность этого материала, содержащего глубокое изучение процессов становления государства на Руси и той роли, которую – «в качестве наемников-князей, воинов, купцов, дипломатов» – сыграли скандинавы «в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства»³.

Мы включили в сборник не только моно-статьи, но и работы, написанные Е. А. Мельниковой в соавторстве с В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной. Статьи организованы в четыре тематических раздела, освещающих процессы образования ранних государств в Северной и Северо-Восточной Европе и роль скандинавов в образовании Древнерусского государства; происхождение названия «русь» и формирование династии Рюриковичей; роль скандинавов в жизни Древнерусского государства; место Древней Руси на международных путях.

Хотим поблагодарить оказавших нам большую помощь в подготовке сборника к печати Т. В. Гимона, А. В. Подосинова и А. С. Щавелева.

Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон

¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Материалы и исследования // ДГ. 1978 год. М., 1978.

² Это меткое выражение использует А. Я. Гуревич в предисловии к своим избранным статьям: Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 5.

³ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // IV Сканд. конф. М., 1968. Ч. I. С. 176–177.

Древняя Русь и Скандинавия в трудах Е. А. Мельниковой

Е. А. Мельникова – ведущий в отечественной науке и признанный мировым ученым сообществом исследователь русско-скандинавских отношений в раннесредневековый период. Путь к этой проблематике, включавшей вечный и «проклятый» вопрос российской истории – «варяжский вопрос», не был простым для начинающего ученого, увлеченного совсем иными и не менее замечательными темами. Как филолог Е. А. Мельникова занималась англо-саксонским эпосом – поражающим воображение творением раннесредневековой культуры; любимой темы она не оставила, ей была посвящена популярная книга «Меч и лира» (М., 1987). Выбор магистрального для научной жизни Е. А. Мельниковой направления был связан с актуальными потребностями отечественной исторической – и, шире, гуманитарной – науки, сформулированными в начале 1970-х гг. В.Т. Пашуто: для понимания русской истории нужно было знать «внешние» источники, специфику их языка – нужны были специалисты-филологи, которых стал приглашать В. Т. Пашуто для создания Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР».

Е. А. Мельниковой как скандинависту пришлось тогда заняться практически неведомой для отечественной историографии категорией памятников – руническими надписями. При обсуждении первых итогов исследования в нашем ученом мире не обошлось без недоумений. Лапидарные надписи меморативного или «бытового» характера не имели прямого отношения к кардинальным вопросам российской историографии и хронологически отстояли более чем на столетие от эпохи «призвания варягов». После издания книги «Скандинавские рунические надписи» – первого выпуска Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (М., 1977) – стало ясно, сколько новой информации содержит руническая эпиграфика: в надписях содержались уникальные данные по исторической ономастике, сведения о трансконтинентальных контактах, известия, характеризующие как макро-, так и микроисторию. Столь же очевидной стала необходимость комплексного – междисциплинарного – подхода к источникам: эпиграфика, данные саг, летописей и археологии оказывались часто в «дополнительном распределении» в отношении проблем, интересующих историка. Особую роль здесь играла археология, дающая все новые и обширные материалы, в том числе по рунической эпиграфике. Естественным стало тесное сотрудничество Е. А. Мельниковой с сообществом археологов – как с авторами новых находок рунических надписей, так и с коллективами, занимающимися проблематикой «норманнских» древностей: в первую очередь с участниками археологических семинаров Ленинградского университета (Г. С. Лебедев, И. В. Дубов и др.) и МГУ (Д. А. Авдусин, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина и др.).

Не менее значимым стало содружество со скандинавскими коллегами, как рунологами, так и археологами и историками, особенно когда отпали официозные препоны для совместной работы и возникли совместные проекты – инициатором многих из них стал шведский археолог Ингмар Янссон. В 1980 г. Е. А. Мельникову избрали членом Шведской академии.

Изучение древностей Восточной и Северной Европы в широком контексте привело Е. А. Мельникову и ее коллег к пониманию того, что традиционное отношение к русско-скандинавским связям как к однонаправленному воздействию выходцев из Скандинавии на развитие Руси нуждается в пересмотре. Восточная и Северная Европа в раннем средневековье была единым этнокультурным регионом – массовый материал и лексические заимствования свидетельствуют об интенсивном взаимодействии «Востока» и «Севера». В 1980-е гг. появилась серия статей Е. А. Мельниковой (в том числе с соавторами), посвященных «восточным» влияниям в культуре раннесредневековой Скандинавии.

В последний период советской историографии (1980-е гг.) мыслящие историки интенсивно искали возможности новых подходов для решения «традиционных» проблем. Когда В. Т. Пашуто предложил издать перевод книги польского академика Х. Ловмянского «Русь и норманны» (польское издание вышло в 1959 г.), это было воспринято Е. А. Мельниковой с энтузиазмом, ибо издание предполагало комментарии и, стало быть, давало возможность продемонстрировать новые подходы и новые материалы по «старым» проблемам. Комментарии, отражавшие состояние норманнской проблемы на середину 1980-х гг., составили едва ли не половину русского издания книги Ловмянского: в них был затронут и запретный для официальной советской историографии вопрос о происхождении имени «русь». Тогда давние филологические реконструкции, возводящие это имя к обозначению «гребцов» – дружины, идущей в поход на гребных судах, обрели исторический контекст: археологический материал свидетельствовал, что лодки скандинавы использовали не только в прикладных целях – без них не обходился и погребальный обряд. Дружинное значение имени «русь» позволило правильно понять и ранние летописные тексты – с варяжскими князьями был призван не неизвестный скандинавский народ, а дружина. Жупел «реакционной норманнской теории» оставался, однако, самодовлеющим в официальной историографии: статья о названии «русь» несколько лет лежала в портфеле «Вопросов истории» и вышла лишь в 1989 г. Столь же сложной оказалась и судьба статьи о названии «варяг», отклоненной журналом «История СССР»: мне запомнилось заключение рецензента, обвинявшего авторов в том, что они довелись «топорной работе летописца». Статья увидела свет уже в постсоветский период в журнале «Славяноведение» (1994 г.).

Тем временем Е. А. Мельникова продолжала работу над «Сводом», которую ей пришлось возглавить после смерти В.Т. Пашуто: в 1986 г. вышел ее очередной авторский выпуск, посвященный древнескандинавским географическим сочинениям. Интерес Е. А. Мельниковой к исторической географии не был и не мог быть сугубо прикладным – информация об окраине мира, содержащаяся в ранних географических сочинениях, предполагала не просто соотнесение с современными картами: необходимо было учитывать «образ мира», ту сложившуюся в ментальности людей средневековья модель, которая оказалась в центре внимания «новой» исторической науки второй половины XX в. В 1990 г. Е. А. Мельникова защитила докторскую диссертацию «Представления о Земле в общественной мысли Западной и Восточной Европы в средние века», а в 1998 г. опубликовала книгу «Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века».

Так формировалось перспективное направление в источниковедении, рассматривающее источники сквозь призму «общественной мысли» средневековья; это относилось и к проблемам начальной русской истории, в том числе к феномену «призвания варягов». В работах 1990-х–2000-х гг. развиваются и обосновываются на сравнительном европейском материале идеи о договорных отношениях – «ряде» между племенными образованиями севера Восточной Европы и дружинами скандинавской «руси», который отразился в летописной легенде о призвании варягов. Место этих «дружинных» структур и отношений в типологии раннесредневековых государств – еще одна важная тема, разрабатываемая Е. А. Мельниковой.

Развитие направления, порывающего с антинорманистскими стереотипами номенклатурной науки и опирающегося на междисциплинарное исследование и углубленное понимание источников, не могло не вызвать раздражения пребывающих у власти адептов этих стереотипов. В этой среде были сделаны попытки реанимации донаучных стереотипов в духе средневекового «Сказания о князьях Владимирских», возводящих Рюрика к родичу самого Августа Прусу, кабинетных этимологий М. В. Ломоносова и С. А. Геденова, соотносящих Пруссию и Русь, вагров и варягов ит.п.: в основе «методики» этих опусов, естественно, оказывается не «образ мира», а «образ врага». Попытка возрождения застарелых

историографических схем встретила достойную отповедь Е. А. Мельниковой и ее коллег. Полемика новых «антинорманистов» с оппонентами сводилась к попыткам ошельмовать их и к использованию традиционных номенклатурных методов – Сектор истории древнейших государств вынужден был под давлением А. Н. Сахарова покинуть Институт российской истории. Новый выпуск «Свода», посвященный корпусу рунических надписей, Е. А. Мельникова издала в 2001 г. уже под грифом не только Института российской истории, но и под грифом приютившего сектор Института всеобщей истории, возглавляемого А. О. Чубарьяном, где традиции комплексного источниковедения были продолжены, где ежегодно проводятся Чтения памяти В.Т. Пашуто («Восточная Европа в древности и средневековье»). Под редакцией Е. А. Мельниковой продолжается и издание ежегодников «Древнейшие государства Восточной Европы», без которых немислимо развитие отечественной медиевистики.

Новый этап развития судьбоносной для Е. А. Мельниковой темы «Древняя Русь и Скандинавия» требует новых усилий по расширению источниковой базы: многое было сделано в книге «Скандинавские рунические надписи – новые находки и интерпретации», включающей анализ граффити на монетах и предметах из раскопок. Но вещи с граффити – лишь малая часть огромного корпуса находок предметов скандинавского происхождения, обнаруженных от Прибалтики до Западной Сибири. Е.А. Мельникова стала инициатором подготовки свода скандинавских древностей в Восточной Европе. Это колоссальное предприятие требует немалых средств и усилий большого числа специалистов, авторов раскопок, музейных работников, разобщенных в пределах новых политических образований, однако авторитет и энергия Елены Александровны позволяют надеяться на успех и дальнейшие научные свершения.

В. Я. Петрухин

Часть I

Образование государства

К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)

Е. А. Мельникова

Проблемы перехода от родового к классовому обществу, от племенной организации к государственной приобрели в мировой науке новое освещение в 1960-1970-е гг., когда они стали одним из основных предметов социальной антропологии⁴. Исследования обществ, переживавших переход к классовому строю, европейских (средиземноморских в гомеровский период и германских в первые века н. э.) и неевропейских (африканских, индейских, полинезийских в XIX–XX вв.) позволили выделить некоторые универсалии, определить последовательные этапы процесса и создать типологию социальных и политических структур переходного периода.

Не прошли эти вопросы мимо внимания и отечественных исследователей. Острые дискуссии 1960-х гг. о путях возникновения государства и его характере на ранних этапах⁵ заложили основы для дальнейшего и более систематического изучения пред- и раннегосударственных образований отечественными историками, политологами, философами. Особенно большой вклад был внесен этнологами, широко опиравшимися на международную историографию и существенно продвинувшими общетеоретическую разработку проблемы⁶.

Однако в конкретно-исторических исследованиях, прежде всего в области изучения Древнерусского государства, продолжает довлеть схема, выработанная в 1930-1950-е гг. на основе ленинской интерпретации марксистской теории классов и государства. Жесткая формационная схема и понимание государства как репрессивной в первую очередь структуры привели к невозможности адекватно охарактеризовать социально-политический строй доклассовых обществ в Восточной и Северной Европе, типологическое сходство развития которых неоднократно отмечалось в отечественной литературе⁷. Отсюда в значительной степени проистекает чрезвычайно широкий временной диапазон (от VIII до XIII в.), к которому различные исследователи относят образование Древнерусского и древнескандинавских государств. Если исходить из бытующего в отечественной историографии определения государства как аппарата для подавления большинства в интересах меньшинства, то, действительно, более обоснованными выглядят «поздние» датировки, которые учитывают

⁴ См.: Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979; Handbook of Method in Cultural Anthropology / R. Naroll and R. Cohen. L.; N.Y., 1973; Handbook of Social and Cultural Anthropology / J. Honig-mann. Chicago, 1973; Encyclopedia of Anthropology / D.E. Hunter and Ph. Whitten. N.Y.; L., 1976.

⁵ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974; и др.

⁶ См.: От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.

⁷ См., в частности: *Шаскольский И. П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 95–99; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

наличие оформившихся классов и крупного частного землевладения – одного из основных показателей феодализма. Вместе с тем у большинства исследователей не вызывает сомнения существование в этих регионах по меньшей мере в X–XI вв. государственных образований, относимых ими к «раннеклассовым», «раннефеодальным», «варварским».

Другим результатом последовательного применения сложившейся в советской историографии концепции было установление прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. В рамках этой концепции государство может возникнуть лишь тогда, когда сложилось или по меньшей мере формируется классовое общество; оно не может существовать вне рабовладельческой или феодальной, т. е. первой классовой, формации. Поскольку государства последующего времени в восточнославянском, германском, скандинавском регионах являются феодальными, то элементы феодализма, по мнению большинства исследователей, должны проявляться с момента зарождения государственности. Сам же период, предшествовавший образованию феодального государства, обозначается как «варварский», «дофеодальный», «предфеодальный», «полупатриархально-полуфеодальный» – терминами, которые, как справедливо отметил Л. В. Черепнин, не несут позитивного содержания и не дают сущностной характеристики периода⁸.

Даже выделение особого «переходного» периода между первобытнообщинным и феодальным строем у славян вызывало возражения, поскольку это означало бы признание существования межформационных периодов⁹. Переходные стадии, согласно Л. В. Черепнину, «не меняют единства процесса общественного развития и не должны нарушать формационного принципа его членения»¹⁰. Поэтому ради сохранения «чистоты» схемы переходные периоды должны включаться в какую-либо из формаций – в случае с Древнерусским государством в феодальную; ведь как бы ни определять государство, очевидно, что на Руси оно существует в конце IX, не говоря уже о X в. Более того, в конце X в. это единое, охватывающее огромную территорию государство – «империя Рюриковичей», которое не могло возникнуть в одночасье. И поэтому усилия многих историков 1960–1980-х гг. (Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто) были направлены на поиски следов феодальных отношений в X, IX вв. и даже ранее, чтобы обосновать феодальную сущность складывающегося государства.

Тем не менее убедительные результаты достигнуты не были. Признание определяющим признаком феодализма существование государственной или частновотчинной собственности на землю, ставящей непосредственного производителя в зависимость от собственника земли и позволяющей отчуждать прибавочный продукт методами внеэкономического принуждения, ставило непреодолимые препятствия. Л. В. Черепнин не мог не признать, что княжеское индивидуальное землевладение возникает во второй половине XI в., вотчина же – в XII в.¹¹ (Этим же примерно временем, концом XI в., датирует появление княжеского домена в Новгородской земле В. Л. Янин¹²). Однако верховная государственная собственность на землю, по мнению Л. В. Черепнина, формируется гораздо раньше. Ее существование он прослеживает в X в., а А. А. Горский – уже с начала X в. в формах окняжения территорий племен, с которых в виде даней и собирается «феодальная рента»¹³.

⁸ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 145.

⁹ См. историографию вопроса и обоснование существования такого периода: Горский А. А. О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // С А. 1988. № 2. С. 116–131.

¹⁰ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 145.

¹¹ Там же. С. 155, 157–159.

¹² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 241–249.

¹³ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 31–32.

Однако источники не дают никаких оснований говорить о том, что отчуждение прибавочного продукта в это время основывается на верховной собственности на землю. Ведь и в племенном обществе вождь, жрец и другие держатели определенных социальных статусов, в функции которых входило поддержание жизнедеятельности общества, имеют право на некую долю прибавочного продукта, сбор которого осуществляется принудительно и подчас в сходных формах, в том числе в форме полюдя.

Свидетельством того, что частная собственность на землю в X в. и в начале XI в. еще не сложилась, является, на мой взгляд, отсутствие земельных пожалований церкви, которая повсеместно была едва ли не первым получателем земельных дарений. Вероятно, неотчуждаемостью общинных земель (а не только византийскими традициями) можно объяснить, что до середины XI в. церковь существует лишь на десятину¹⁴.

«Окняжение» земель, т. е. присоединение к ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского великого князя, отнюдь не означает одновременного и автоматического перехода к князю верховной собственности на землю, которая еще долгое время может оставаться собственностью племени. Один из начальных этапов этого длительного процесса, кажется, можно усмотреть в рассказе «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 975 г. об убийстве Люта Свенельдича¹⁵.

Не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения и отчуждение прибавочного продукта как таковое, даже в относительно развитых и упорядоченных формах полюдя. Оно возникает при первобытнообщинном строе в связи с функциональной дифференциацией (выделение вождей, жрецов и др.) и укрепляется с возникновением социальной дифференциации общества. И потому сам факт его существования не может служить доказательством развития феодальных отношений.

Все это, как кажется, дает однозначный ответ и на вопрос о возникновении общественных классов. До сложения государственной собственности на землю (предполагая вслед за Л. В. Черепниным, что она формируется ранее индивидуальной), реализуемой – на ранних этапах – как коллективная собственность социальных верхов, социальные группы (страты, сословия) различаются по их отношению к продукту производства, но не к средству производства (к земле при феодализме), и в этом их принципиальное отличие от классов. Верховная власть уже при племенном строе обретает преимущественное право на перераспределение прибавочного продукта и его присвоение, отчуждая все большую его часть для собственного потребления. В современной терминологии это стратифицированное, но отнюдь не классовое общество. Лишь по мере становления частной собственности на землю социальная стратификация перерастает в классовую. Как показывают исследования, на Руси это происходит после середины XI в., в Дании – в XII в., в Швеции – в XII–XIII вв.

Не случайно именно середина XI – начало XII в. рассматриваются большинством историков как рубеж, после которого только и можно говорить о сколько-нибудь оформившихся феодальных отношениях на Руси. Предшествующее, с IX в., время Л. В. Черепнин выделяет как период «генезиса феодализма», но первые зародыши феодальных отношений реально прослеживаются им лишь с последних десятилетий X в.¹⁶ Единственным исключением, повторяю, является существование государства, что, собственно, и заставляет проецировать позднейшие явления на IX–X вв.

Но так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации? Исходя из общепринятого в отечественной исто-

¹⁴ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–90.

¹⁵ Котляр Н. Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154.

¹⁶ Черепнин Л. В. Спорные вопросы. С. 165.

риографии определения государства, о котором говорилось выше, безусловно да. Однако в современной международной науке понимание государства и его функций существенно иное. В отличие от В. И. Ленина, К. Маркс выдвигал на первый план не репрессивную функцию государства, вытекающую из его классового характера, а «выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества»¹⁷. Именно эта, организующая функция государства легла в основу его определения в социальной антропологии: государство рассматривается как система, обеспечивающая жизнедеятельность общества как единого политического организма. Отсюда основными признаками государства считаются: наличие отчужденной от народа власти, функции которой выполняются особой системой органов и учреждений; наличие права, закрепляющего систему норм, которые обеспечивают функционирование общества; наличие территории, на которую распространяется государственная власть. Государство, таким образом, понимается в первую очередь как институционально оформленная социально-политическая система, обеспечивающая функционирование общества¹⁸. К этим признакам подчас добавляется наличие постоянно функционирующей системы налогообложения¹⁹, что, впрочем, естественно вытекает из необходимости содержания институтов власти. Разумеется, указанные признаки отмечают уже сложившееся государство. В процессе его формирования они не обязательно развиваются синхронно и могут в различных исторических условиях изменять свое значение.

Изучение путей и предпосылок возникновения государства позволило выявить наиболее важные факторы, стимулировавшие этот процесс. Для «вторичных»²⁰ государственных образований, к которым принадлежат и Древнерусское, и древнескандинавские, возникавшие в условиях контактов с более ранними и уже сложившимися государствами, их выделяется несколько. С одной стороны, это внутренние предпосылки, создаваемые производим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества; с другой – внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле²¹. Как правило, признается необходимым сочетание внутренних и внешних условий, дополняющих друг друга. Было показано, что попытки объяснить развитие государственности в том или ином обществе лишь каким-то одним фактором ведут к одностороннему преувеличению его роли и опровергаются сравнительным материалом, а также более глубоким изучением данного общества. Так, выдвижение внутреннего экономического развития как номинирующего условия для возникновения процессов образования государства входит в противоречие с существованием ряда обществ, где возможности увеличения прибавочного продукта не только не привели к становлению развитого стратифицированного общества и государства, но не использовались вообще, и общество ограничивалось простым воспроизводством. Повышенная военная активность – повсеместный спутник процессов образования государства – также не ведет автоматически к его возникновению²². Лишь совокупность различных факторов, как внутренних, так и внешних, создает необходимые условия для формирования государственных структур.

Процесс их становления, изученный этнологами и социоантропологами на материале большого числа древних и современных обществ, охватывает несколько этапов соци-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

¹⁸ Service E.R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N.Y., 1975. P. XII–XIII; см. также: Cohen R. Introduction // *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution* / R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978. P. 1–21.

¹⁹ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // *История первобытного общества*. С. 245–246.

²⁰ Rice B.J. *Secondary State Formation: An Explanatory Model* // *Origins of the State*. P. 161–186.

²¹ Service E. R. *Classical and Modern Theories of the Origins of Government* // *Origins of the State*. P. 21–34.

²² Carneiro R.L. *A Theory of the Origin of the State* // *Science*. 1970. Vol. CLXIX. N 3947. P. 733–738.

ально-политического развития от эгалитарного (первобытнообщинного) и ранжированного к стратифицированному и, наконец, классовому общественному устройству, каждому из которых соответствует определенная потестарно-политическая структура²³ от главы рода (общины) до государства.

Основным показателем социального развития общества служит степень функциональной дифференциации, возникающей значительно раньше социальной и имущественной²⁴. Ее формирование определяет становление «ранжированного», по М. Фриду, или «племенного», по Э. Сервису, общества, которое характеризуется тем, что «число статусов повышенной ценности ограничено так, что далеко не все, обладающие способностью занимать данный статус, имеют его»²⁵. Именно в рамках ранжированного общества зарождаются первые потестарные и потестарно-политические структуры.

Они основаны на двух организационных принципах: ранжировании индивидуальных статусов внутри местной общины и на регионально централизованной организации местных общин, ранее, в эгалитарном обществе – доминирующей социальной единицы. Внутриобщинная дифференциация, возникающая еще в эгалитарном обществе, в результате которой выделяется вождь, уступает место соподчиненности территориальных образований различного уровня: местных, областных, региональных, которой соответствует иерархия вождей, местных, областных и т. д., которые каждый на своем уровне выполняют общие социальные, политические, экономические и религиозные функции, обеспечивающие жизнь общества. Права и обязанности вождей одного уровня идентичны, но расширяются в масштабах при переходе на следующий уровень – в отличие от государственной организации, где властные функции правителей различных уровней отличаются не столько количественно, сколько качественно²⁶. Общим для потестарно-политических структур ранжированного общества является то, что они возникают в процессе разложения эгалитарного строя на основе производящего хозяйства (земледелия и/или скотоводства). Они имеют своим назначением перераспределение избыточного продукта, поддержание экономических и социальных структур, сложившихся в обществе, организацию общественного труда (строительство укреплений, погребальных монументов, трудоемкие виды хозяйственной деятельности). При этом первому отводится основополагающая роль: доступ к перераспределению общественного продукта обеспечивает выделение и укрепление института вождей и формирование племенной аристократии, а создание системы перераспределения является основой для будущего формирования аппарата государственного управления. Поэтому формирование потестарно-политических структур находится в тесной связи с системой распределения и перераспределения общественного продукта²⁷. В ранжированном обществе политическое устройство отличается выделением центральной власти, обособленным от массы населения, стоящей над внутриобщинным управлением и сосредоточивающей выполнение перечисленных функций, в первую очередь контроль над распределением избыточного продукта.

Эти еще догосударственные потестарно-политические структуры получили в социальной антропологии наименование *chiefdom* «вождество»²⁸ в соответствии с их политическим устройством, в котором главную роль играет институт вождя. По определению Э. Сервиса,

²³ Fried M. The Evolution of Political Society. N.Y., 1967; *Idem*. On the Evolution of Social Stratification and the State // Culture in History. Essays in honour of P. Radin. N.Y., 1960. P. 713–731; Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N.Y., 1971; The Evolution of Social Systems / J. Friedman, M. J. Rowlands. L., 1978.

²⁴ Черных Е. Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. С. 250.

²⁵ Fried M. The Evolution. P. 109.

²⁶ Earle T. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. Ann Arbor, 1978. P. 3.

²⁷ Service E. R. Origins. P. 74–75; Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies. Boston, 1968.

²⁸ Впервые термин был предложен К. Обергом (*Oberg K. Indian Tribes of Northern Matto Grosso*. Washington, 1953).

это «промежуточная форма, вырастающая из эгалитарного общества и предшествующая всем известным примитивным государствам». Она отличается централизованным управлением и наследственным иерархическим статусом. Политическая организация повсеместно представляет собой теократию, а форма подчинения власти приобретает вид религиозного подчинения жрецу-вождю²⁹. Такой политический строй, как показали исследования различных обществ, является универсальным, переживаемым всеми народами в период разложения родоплеменного строя, в том числе теми, которые впоследствии не создали государства. Он стадийно предшествует как рабовладельческим, так и феодальным государствам³⁰.

В рамках вожеств получение избыточного продукта достигалось тремя основными путями: увеличением производительности труда (наиболее трудоемкий и малоэффективный в ближайшей перспективе), участием в обмене и торговле, военной деятельностью. Очевидные преимущества последней, позволявшей – в случае удачи – максимально быстро и безболезненно с точки зрения общества-завоевателя наращивать прибавочный продукт, обусловили повсеместное возрастание военной активности при переходе от вожеств к государству³¹. Ведущее место войны дало основание Л. Моргану назвать ряд последовательных этапов, включая ранние государственные образования, эпохой военной демократии – термином, широко принятым в отечественной историографии, но неточным и ограниченным³², что давно уже заставило отказаться от него как зарубежных исследователей, так и отечественных этнологов. Образовавшиеся уже в вожествах потестарные структуры носили по преимуществу военный характер: по функциональным истокам статус вождя предполагал в первую очередь руководство военной деятельностью – при существовании других элитарных статусов, старейшин, жрецов и др. Концентрация власти в руках вождей вела к еще большей «военизации» политических институтов, поскольку общество было ориентировано на военный способ добывания прибавочного продукта.

Формируясь в рамках единого этносоциального организма – племени, вожество имело тенденции к распространению и включению в свой состав других племен на основе конфедерации, завоевания или подчинения в форме обложения данью, что в любом случае сопровождалось значительным увеличением прибавочного продукта. В этих условиях неравенство социальных статусов в доступе к использованию и присвоению избыточного продукта вызывало нарастание социальной и имущественной (в дополнение к функциональной) дифференциации, закрепление которой в иерархии статусов характеризует следующий этап общественного развития – стратифицированное общество³³. Его важнейшими отличиями от предшествующего этапа были сложение дифференцированного контроля над экономикой и соответствующая дифференцированность власти. В стратифицированном обществе происходит усложнение потестарных структур и их иерархизация, расширение и концентрация функций центральной власти. Все эти процессы в конечном результате приводят к формированию государства как социально-политической системы, регулирующей жизнедеятельность общества³⁴. По словам М. Фрида, «раз существует стратификация, то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось»³⁵.

²⁹ Service E. R. *Origins*. P. 15–16.

³⁰ Ibid.; см. также: *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology* / T. Earle. Cambridge, 1991.

³¹ Carneiro R. L. *Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion* // *Origins of the State*. P. 205–224; Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности. С. 212–216; Turney-High H. *Primitive War. Its Practice and Concepts*. Columbia Univ., 1971; *The Anthropology of War* / J. Haas. Cambridge, 1990.

³² См.: Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классовообразования // ВИ. 1968. № 12. С. 87–97.

³³ Fried M. *The Evolution*. P. 185–186.

³⁴ Хазанов А. М. «Военная демократия».

³⁵ Fried M. *The Evolution*. P. 185; см. также: *Idem*. *The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First?* // *Origins of*

При переходе к государственной организации общества резко возрастает роль центральной власти. Она сохраняет все основные функции предшествующего времени, но упорядочивает и дифференцирует их. Наряду с перераспределением возникает организованный сбор прибавочного продукта (в форме фиксированных даней). Важной функцией государства становится охрана складывающейся территории, на которую распространяется его власть.

Важнейшим явлением социального устройства общества становится выделение и обособление профессионального военного слоя, не связанного не только с общинной, но и с этнополитической (племенной) организацией. Расслоение внутри него ведет к образованию военной аристократии, частично сливающейся, частично теснящей родоплеменную знать, которая в силу ее связей с отдельными группировками внутри общества и вытекающих отсюда центробежных тенденций противостоит центральной власти³⁶.

Основной особенностью политической системы зарождающегося государства является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией – дружиной. Она образует органы управления центральной власти, еще примитивные и слабо расчлененные: осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение, частично через контроль над внешней торговлей; управление; выполняет чисто военные функции: подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану территории, на которую распространяется центральная власть, а также организацию походов, носящих как завоевательный, так и грабительский характер. Именно основополагающая роль дружины (или аналогичной ей военной организации) определяет особенности политического строя и потестарных структур, а также весь облик зарождающегося государства. Это дало основание ряду англо-американских социантропологов назвать такой тип государства «военным» (*military*), но представляется, что более уместным является его определение как «дружинного» государства.

Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства. В то же время способ производства включает различные уклады: патриархальный с родовыми и территориальными общинами, рабовладельческий (патриархальное рабство), зародыши феодального. Нерасчлененность различных укладов, представляющая многообразие возможностей дальнейшего развития, определяет отмеченный этнологами универсализм этой, древнейшей, формы государства, которую в разное время переживали все народы, образовавшие позднее как рабовладельческие, так и феодальные государства.

Таким образом, переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе – с государственным политическим устройством – является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы. Вместе с тем конкретные формы, в которых протекал этот переход в различных регионах мира, существенно различались в первую очередь в зависимости от соотношения основных факторов, стимулировавших развитие общества: природных условий, определявших возможности интенсификации хозяйственной деятельности; воздействия более развитых обществ; перспективности внешней экспансии и вообще военной активности; условий для широкого обмена, а затем и крупномасштабной торговли.

В формировании ранних («варварских») германских государств, наряду с ростом производящего хозяйства, особая роль принадлежала войне. В ходе военных завоеваний в Гал-

the State. P. 49–68.

³⁶ Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности. С. 231–235; Он же. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 124–146.

лии и Британии разрушались внутриобщинные связи, резко усиливалась имущественная и социальная дифференциация, усложнялись и крепили потестарные структуры, роль которых неуклонно возрастала³⁷. Немалое значение для германского общества имели и его непосредственные контакты с Римской империей: значительная часть территории, на которой в V–VII вв. возникали первые германские государственные образования, или входила в состав Римской империи (Северная Италия), или была романизирована.

Среди других германских народов, прежде всего северных, как принято считать ныне, война не играла столь значительной роли (хотя археологические материалы, например клады оружия, и указывают на высокую военную активность скандинавских племен). Практически отсутствует и влияние средиземноморской цивилизации к северу от римского лимеса³⁸. Однако уже с середины I тысячелетия до н. э. Ютландия вовлекается в постепенно нарастающий по объему обмен с Центральной Европой, который длительное время носит престижный характер: в обмен на янтарь местная знать получает предметы роскоши – изделия из бронзы и, реже, золота, стекло и т. п. Усиление обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, ведут к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций – области Гудме на о. Фюн, Стивнс на о. Зеландия, на юго-западном побережье Ютландии – и образованию в них специфических торгово-ремесленных поселений уже в IV–VI вв.: Луннеборг в Гудме, Данкирке и позднее Рибе в Юго-Западной Ютландии³⁹.

Показательно, что во всех случаях первоначально возникает не изолированное, не связанное с округой поселение с особыми функциями (торговой, ремесленной), являющееся резиденцией знати, а небольшая область, в которой характер деятельности населения отличен от окружающих территорий, в которой отмечается скопление знати (археологически выражающееся в наличии здесь элитных некрополей, кладов и т. п.) и в которой вырастает ряд взаимосвязанных поселений – одно из них впоследствии занимает в области ведущее место и становится протогородом. Находки в этих областях свидетельствуют, что в конце первой половины – середине I тысячелетия н. э. здесь сосредоточивается балтийская и североморская торговля с Центральной и Западной Европой. Они являются конечными пунктами и важнейшими местами перераспределения ценностей крупных торговых путей. И именно с исключительно интенсивной торговой деятельностью исследователи связывают быстрое становление древнедатского государства: предполагают, что уже в середине I тысячелетия н. э. на территории будущей Дании существует ряд мелких предгосударственных объединений⁴⁰.

Позднее, в VI в., в Восточной Балтике (на восточном побережье Швеции) образуется второй центр балтийской торговли, являвшийся новым завершением центрально- и западноевропейских магистралей, ранее оканчивавшихся на датских островах. Сложение этого отрезка пути знаменуется появлением поселения в Экеторпе на о. Эланд в V–VII вв., а затем становлением и расцветом торгово-ремесленных центров на оз. Меларен – Хельгё и Бирки⁴¹. Одновременно здесь начинаются и более активные процессы социально-политического развития.

³⁷ Неусыхин А. И. Военные союзы германских племен около начала н. э. // Уч. зап. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 1. С. 390–412.

³⁸ Hedeager L. A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0-400 A.D.) and the Question of Roman-Germanic Exchange // Studies in Scandinavian Prehistory and Early History. Aarhus, 1978. Vol. I. P. 191–216.

³⁹ Hedeager L. Fra stamme til stat – samfundsorganisation og forandring i Danmarks jernalder. Kdbenhavn, 1988; Gudmeproblemer / H. Thrane. Odense, 1987.

⁴⁰ Fra stamme til stat. H0vdingesamfund og kongemagt. H0jbjerg, 1991. B. 2; Jensen J. The Prehistory of Denmark. L., 1982; Hedeager L. Danernes Land: fra ca. ar 200 f. Kr. – ca. 700 e. Kr. Copenhagen, 1988.

⁴¹ Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. Visby, 1985.

Уже в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.) в Средней Швеции, Свеаланде, отмечается глубокая стратификация общества: выделение не только наследственного нобилитета, но и военного («дружинного») слоя, а также формирование территориально-политических образований⁴². Узловой регион в сети дальней торговли, Свеаланд, где практически отсутствуют следы средиземноморских влияний⁴³, а военная активность имеет ограниченный характер, претерпевает ускорение в своем социально-политическом развитии, приводящее к возникновению предгосударственных образований⁴⁴.

Важно отметить, что возможности производящего хозяйства в Свеаланде, более высокие, нежели в других областях Швеции (Сконе в это время входит в сферу датского влияния), были тем не менее недостаточно велики, чтобы обеспечить интенсивное развитие региона⁴⁵. Сельскохозяйственное производство предоставляло средства лишь для поддержания жизни местного населения. Однако природные ресурсы давали Свеаланду возможность участвовать в международной торговле. Главным предметом, позволившим местной знати включиться в систему балтийского и европейского обмена и торговли и, более того, притянуть к региону сеть коммуникаций, было железо. Большие запасы и высокое качество руды на севере Упланда делали Свеаланд основным поставщиком этого важнейшего сырья по меньшей мере для балтийского региона. «Железный путь» связывал север Свеаланда с оз. Меларен и служил основой для внутренней системы коммуникаций, консолидируя округ⁴⁶.

Третьим регионом севера Европы, где процессы образования государства происходили во второй половине I тысячелетия н. э., был Северо-Запад Восточной Европы, примыкавший к Восточной Балтике. Согласно существующей историографической традиции, основанной по преимуществу на летописном описании ситуации в Северо-Западной Руси в середине – второй половине IX в. в так называемой легенде (а точнее – сказании) о призвании варягов, здесь в середине IX в. имеется межплеменное объединение, включающее словен, кривичей, чудь, мерю и, возможно, весь. Это объединение получило условное наименование «северной конфедерации племен» или «северного союза племен»⁴⁷. В. Т. Пашуто и И. П. Шаскольский характеризовали его как территориально-политическое предгосударственное образование («союз племен» или «союз племенных княжений»), возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен; оно возникло в борьбе с «северной опасностью» – набегами скандинавских викингов.

Крайне скудные и в значительной степени спорные сведения, содержащиеся в ранних редакциях сказания, не дают возможности подробно охарактеризовать социальный строй, политическое устройство, экономические предпосылки возникновения этого образования, и оно и поныне остается в значительной степени загадочным. Особенно темны причины и пути его зарождения.

Хотя в отечественной исторической науке первостепенное (если не единственно важное) место в процессах образования государства отводилось внутреннему развитию общества – интенсивному производящему хозяйству, в данном случае ни один из исследователей «северной конфедерации» не пытался обосновать возникновение здесь очага государственности успехами экономического развития региона. И это вполне понятно. Местное финское

⁴² Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framvaxt. Uppsala, 1988.

⁴³ Lund Hansen V. Romischer Import im Norden. Kpbhavn, 1987.

⁴⁴ Arwidsson G. Viking Society in Central Sweden. Traditions, Organization and Economy // The Vikings. Proceedings of the Symposium. Uppsala, 1978. P. 25–34.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Iron and Man in Prehistoric Sweden / H. Clarke. Stockholm, 1979.

⁴⁷ Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–114; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

население не знало ни скотоводства, ни земледелия, и производящее хозяйство было принесено сюда лишь в ходе славянской колонизации, незадолго до отмечаемого летописями существования «конфедерации». Природные особенности региона, климат, сильная лесистость, незначительное количество плодородных почв⁴⁸ отнюдь не способствовали интенсивному росту земледелия. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. Приток новопоселенцев, очевидно, указывает на то, что хозяйственные возможности региона были достаточны для поддержания их жизни, но быстрое социальное развитие общества требовало совершенно иного объема прибавочного продукта, причем получаемого регулярно и длительное время. Недостаток природных возможностей для значительного увеличения производства продуктов потребления обусловил низкую плотность населения не только в период славянской колонизации региона, но и много позднее⁴⁹. Лишь на некоторых участках концентрация населения была существенно выше средней, но причины этого явления, видимо, лежали не только и не столько в более благоприятных для земледелия условиях, хотя и они, бесспорно, играли определенную роль.

В свете новейших археологических материалов трудно согласиться и с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» могла быть угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить. Археологические данные скорее рисуют картину мирного сосуществования всех трех этнических групп⁵⁰.

Тем не менее, невзирая на скудность природных ресурсов, северо-западный регион действительно переживает быстрое развитие начиная с середины – конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений торгово-ремесленного характера, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен. Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом через Неву, Ладогу и Волгу.

Роль Балтийско-Волжского пути как трансъевропейской магистрали и его значение для экономического развития Восточной Европы и Скандинавии, прежде всего в связи с распространением арабского серебра, отмечались и исследовались неоднократно⁵¹. В теории В.О. Ключевского торговля в целом (в том числе и по Волжскому пути) рассматривалась как основополагающий фактор в развитии городов и «городовых областей» и тем самым как существенная предпосылка зарождения государственности на Руси⁵². Однако советская историография отказалась от теории Ключевского, хотя констатация значения торговли для

⁴⁸ Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3. С. 3–19; Курьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. М., 1959. № 65. С. 306–362.

⁴⁹ Жекулин В. С. Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. Всесоюз. географии, о-ва. 1972. № 1. С. 21–29.

⁵⁰ Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence / JBS. 1982. Vol. XIII, N 3. P. 267–295.

⁵¹ Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983; Виллинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Леонтьев А. Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. М., 1986. Вып. 183. С. 3–9.

⁵² Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 143–150.

экономического развития общества является общим местом. Но конкретные механизмы этого влияния – особенно в период становления государственности – остаются малоизученными. Более того, традиционное и справедливое для более позднего времени отнесение торговли лишь к сфере экономики не позволяет выяснить в полном объеме ее место в жизни племенного и постплеменного общества, в том числе в социально-политических процессах на Северо-Западе Восточной Европы. Между тем очевидно, что проблема заслуживает значительно большего внимания как в конкретно-историческом, так и в более общем теоретическом плане.

Исследования К. Поляного и других представителей экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли в экономическом и социальном развитии ранних обществ и особенно обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному⁵³. Среди выводов, наиболее важных для рассматриваемых регионов, надо отметить следующие. Во-первых, имеются принципиальные различия в воздействии на общество разных форм обмена и торговли: внутренних, совершаемых в пределах замкнутой социальной системы, и внешних, между различными общественными коллективами (родами, племенами и племенными объединениями, ранними государствами). Наиболее интенсивное и разноплановое воздействие на развитие общества оказывают внешние обмен и торговля. При этом степень их влияния увеличивается при вовлечении большего числа обществ, особенно стоящих на разных ступенях развития. Во-вторых, в отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь небольшую часть общества – формирующуюся знать – и практически не затрагивают более широкие слои населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулируют их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех его представителей, которые осуществляют контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества.

Однако далеко не во всех регионах мира и не во всех обществах торговля может рассматриваться как один из важных факторов социального и политического развития. Хотя обмен и торговля являются одним из повсеместно распространенных видов деятельности, лишь в отдельных регионах создавались условия для становления крупномасштабной дальней торговли, вовлекающей в сферу ее действия ряд обществ. Выше уже указывалось на первостепенную роль войны в становлении ранних германских государств Западной Европы и Англии, хотя все германские племена этого региона в той или иной степени были вовлечены в торговлю с Римской империей и между собой. Но эта форма деятельности не имела кардинального значения для их развития: крупные торговые магистрали (по Рейну, Роне и др.) складываются (или, существуя с римского времени, восстанавливаются) уже после формирования ранних германских государств. Принципиально иную роль обмен и торговля играли в становлении датского общества, включившегося в систему торговых связей Центральной Европы с бронзового века. Таким образом, этот вид деятельности мог служить предпосылкой для ускорения социально-политического развития лишь там, где в силу природных условий или иных причин устанавливались протяженные линии торговых коммуникаций и где, соответственно, в сфере торговли участвовал ряд политически невзаимосвязанных обществ.

⁵³ Polanyi K. *Primitive, Archaic, and Modern Economies* / G. Dalton. Boston, 1968; *Trade and Market in the Early Empires* / K. Polanyi. Glencoe, 1957; Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // С А. 1957. Вып. XX VII. С. 14–28.

Значение протяженных торговых путей далеко выходило за область торговли. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. д.⁵⁴. Путь обрастал сложной системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в самой торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своего функционирования, т. е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону, тяготеющую к нему.

В этой зоне протекание ряда экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и самого нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой – вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых ею поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах крупных торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связи с торговой магистралью.

Балтийско-Волжский путь возник не как самостоятельная магистраль, но как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Пути из Центральной Европы и с побережья Северного моря сходились в Южной Ютландии и на датских островах, откуда начинался балтийский участок пути, достигший к VI–VII вв. Свеаланда. Существовавшие в предшествующую эпоху эпизодические контакты между

Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья⁵⁵ создавали естественную почву для дальнейшего продвижения торгового пути в этом направлении. Становление Старой Ладоги исследователи справедливо связывают с ростом балтийской торговли, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные связи с Южной Ютландией, а через нее и с Фризией⁵⁶. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладоги – единственного предгородского центра на Северо-Западе Восточной Европы VIII – первой половины IX в. – говорит о том, что в это время Ладога была не просто одним из центров балтийской торговли, но узловым пунктом, завершавшим начинавшийся в Южной Ютландии балтийский отрезок крупнейшей торговой магистрали.

На протяжении IX в. освоение восточноевропейского отрезка пути с выходом на Волгу фиксируется возникновением торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этниче-

⁵⁴ Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; *Idem*. Trade, Market and Money in the European Early Middle Ages // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117.

⁵⁵ Ambrosiani B. Das Malargebiet und Baltikum während der Spätbronzezeit und der älteren Eisenzeit // Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum. Stockholm, 1985. S. 61–66.

⁵⁶ Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 24–25; Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 59–60.

ский компонент⁵⁷. Практически все известные ныне поселения Северо-Запада IX в. располагаются на реках и озерах, образывавших магистраль, или на ее ответвлениях; таковы Ладога, «Рюриково» Городище, Крутик у Белоозера, Сарское городище, позднее – древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское, Тимерево и др.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть, допускавшая множество маршрутов на отдельных участках пути, способствовала формированию вокруг него особенно обширной зоны, захватывавшей земли вдоль Меты и Молоти, Свири и Паши с выходами непосредственно на Верхнюю Волгу или на Белое озеро. Также разнообразны были и пути к западу от Ильменя: по Шел они, Великой, Чудскому озеру и др. Топография отдельных находок скандинавских древностей и изолированных комплексов на Северо-Западе согласуется с общим очертанием этой зоны.

Ее важной особенностью было то, что она включала территории ряда племен разной этнической принадлежности: финских (чуди, мери, веси) и славянских (кривичи, словене). Древнейшие торгово-ремесленные поселения вдоль этого пути располагаются на земле каждого из племен: Старая Ладога – в земле чуди, Псков – кривичей, «Рюриково» Городище – словен, Крутик – веси, Сарское городище – мери – и несут неоспоримые следы присутствия местного, финского или славянского, наряду со скандинавским, населения. Отмечая соотношение поселений с племенными территориями, исследователи в то же время не склонны считать их племенными центрами: на них отсутствуют признаки, характерные для последних, в частности, культовые комплексы, связанные с сакральными функциями племенных центров⁵⁸.

Эти особенности ранних поселений на Балтийско-Волжском пути – их расположение, указывающее на связь как с самим путем, так и с племенными территориями; полиэтничность; специфический характер, – как представляется, отражают отмеченные выше процессы, связанные с функционированием Балтийско-Волжского пути. Они возникают как стоянки для купцов и места торговли и обмена, которые притягивали к себе местную знать, заставляя ее сосредотачиваться в этих пунктах. Тем более что природные условия региона – наличие пушного зверя и ценных продуктов лесных промыслов, меда и воска – предоставляли племенному нобилитету реальную возможность участвовать в торговле.

Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Реконструируемые социально-политические процессы происходили в до-письменную эпоху, для которой основным источником являются археологические данные, в целом малоинформативные в этом аспекте. Однако предположение о кардинальной роли для общественного развития племен, населявших зону крупномасштабной дальней торговли на восточноевропейском отрезке, как представляется, находит подтверждение в двух группах письменных источников. Во-первых, в скудных сообщениях древнерусских летописей, касающихся событий второй половины IX в. (в основном в сказании о призвании варягов). Во-вторых, в более подробных известиях в восходящих к источникам IX в. рассказах арабских писателей X в., в первую очередь в повествовании об «острове» (стране) русов у Ибн Русте

⁵⁷ Седов В. В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

⁵⁸ Там же. С. 104, 105.

(первая половина X в.) и дополненном по другим источникам переложении того же рассказа в «Худуд ал-Алам» (ок. 982 г.). Большинство исследователей традиционно считают, что «остров» (страну) русов следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень⁵⁹.

Как Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам», так и другие арабские авторы X в., повествующие о русах (в сообщении о трех видах русов – ал-Истахри и Ибн Хаукаль; о купцах-русах – ал-Факих и др.), обращают основное внимание на торговую деятельность населения этого региона.

Разумеется, именно она представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные общей повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями. «И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям», – пишет Ибн Русте⁶⁰. Основными предметами торговли называются пушнина и рабы.

Торговую деятельность русов арабские авторы ставят в прямую связь с эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов (Ибн Русте и др.): «Они (русы) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают»⁶¹. Это насильственное изъятие продуктов потребления: «Всегда 100–200 из них русов ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание» (Гардизи, ок. 920 г.)⁶². Наконец, это более упорядоченный сбор дани в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории, что прямо сопоставляется с полюдьем⁶³. Отголоски сбора дани в северо-западном регионе присутствуют также в сказании о призвании варягов. Взимание дани с местного населения приписывается в нем скандинавам-варягам. Однако изображение даннических отношений, вероятно, является попыткой осмыслить связи между «находниками»-варягами и местным населением как отношения господства-подчинения и описать их в категориях, близких летописцу: внешней формой проявления зависимости была выплата дани, о чем неоднократно писал составитель ПВЛ. В действительности же, сколько-нибудь регулярный сбор дани варягами представляется совершенно невозможным: он требовал бы существования достаточно разветвленного аппарата управления. И в более освоенных скандинавами районах Восточной Балтики «дани» представляли собой нерегулярные откупы от грабежей, а не постоянную подать. Несравненно более вероятно, что сбор дани осуществлялся местной племенной знатью внутри каждого из племен, часть же этой дани поступала в торговлю по Балтийско-Волжскому пути, осуществляемую в значительной степени скандинавами.

Наряду с общей констатацией значения торговли для Северо-Запада Восточной Европы, арабские авторы уделяют значительное внимание ее организации, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей⁶⁴. Более того, Ибн Русте и автор «Худуд ал-Алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью: это и выплата правителю «страны русов» десятины от торговой прибыли (ср., однако, рассказы Ибн Хордадбега о десятине, выплачиваемой купцами русов царю Рума – Византии и

⁵⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и русах // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 402–403.

⁶⁰ Там же. С. 397.

⁶¹ Там же. То же у Гардизи (Там же. С. 399).

⁶² Там же. С. 405.

⁶³ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22–26.

⁶⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 387, 397.

правителю хазар), и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества⁶⁵. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова» русов и отражают действительное положение дел, то это – важное свидетельство развитых торговых отношений, в которых активное участие принимает центральная власть и которые уже оформлены правовыми нормами. Однако косвенным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в сказании о призвании условия ряда⁶⁶ указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывающей различные сферы жизни.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры. Наконец, благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33)

⁶⁵ Там же. С. 399.

⁶⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект)

Е. А. Мельникова

Возникновение Древнерусского государства подавляющее большинство современных историков связывает с объединением двух ранне- (или пред-) государственных образований: северного с центром в Ладоге и южного с центром в Киеве, скандинавским вождем Олегом (< *Helgi*), родичем или «воеводой» Рюрика, захватившим Киев в 882 г.⁶⁷, что положило начало «собираанию» восточнославянских земель вокруг Киева⁶⁸. Этому событию предшествовало более или менее длительное существование нескольких предгосударственных объединений восточных славян, называемых «союзами племен», «племенными княжениями»⁶⁹, «славиниями» – термин Константина Багрянородного⁷⁰, среди которых выделяются Ладожско-Ильменский, Среднеднепровский, возможно, Поволжско-Ростовский, Полоцкий регионы. В каждом из них на важнейших водных путях появляются «погосты» – торгово-ремесленные центры с административными функциями⁷¹, на которых отмечается концентрация скандинавских древностей⁷² и смешение северных и местных культурных традиций. Не случайно поэтому в исторической науке господствует представление о значительной роли скандинавов в процессах образования Древнерусского государства, хотя степень и формы их участия – предмет серьезных обсуждений. Представляется, что рассмотрение этой проблемы в общеевропейском контексте – в связи с возникновением скандинавских «государств» в Англии и Франции – может пролить дополнительный свет на процессы интеграции скандинавов в восточнославянское общество.

Коротко остановлюсь сначала на предыстории и исходных условиях, в которых начались викингские походы на Западе и на Востоке.

Первые вторжения скандинавских народов как в Британию, так и в Восточную Европу (Прибалтику) начинаются в V в., хотя спорадические контакты существовали в обоих регионах и ранее. В первой половине V в. англ и юты – племена, населявшие юг Ютландского п-ова, вместе с континентальными саксами переселяются на Британские острова⁷³. В это же время появляются первые колонии скандинавов на территории современных Калининградской обл. РФ (Вишнево), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна)⁷⁴. Нападения викингов на восточное побережье Англии с конца VIII в.⁷⁵, равно как и набеги на северное побережье Франкской империи⁷⁶, явились новой волной скандинавской экспансии, никоим

⁶⁷ Эти даты, как и вся хронология «Повести временных лет», для IX–X вв. условны.

⁶⁸ Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; Новосельцев А. П. Древняя Русь // История России. М., 1998. Т. 1. С. 56–94.

⁶⁹ Пауто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1968. С. 11–127; Пауто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103–114; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 55–67.

⁷⁰ См.: Горский А. А. Русь. С. 20–35.

⁷¹ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

⁷² Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

⁷³ Higham N. J. Rome, Britain, and the Anglo-Saxons. L., 1992; Sawyer P. H. From Roman Britain to Norman England. L., 1978.

⁷⁴ Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17, 402, 408–409.

⁷⁵ Общий обзор см.: Loyn Я. R. The Vikings in Britain. N. Y., 1977.

⁷⁶ Общий обзор см.: Wallace-Hadrill J. M. The Vikings in Francia. Reading, 1975; Renaud J. Les Vikings en France. Rennes,

образом не связанной с событиями V в. Продвижение же скандинавов на восток, начавшись в V в., не останавливалось, постепенно расширяясь в масштабах и охватывая новые территории. Скандинавы стали проникать вглубь Восточной Европы существенно раньше эпохи викингов и еще до начала славянской колонизации Северо-Запада. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладожского озера⁷⁷, одновременные поселения открыты на о. Сааремаа⁷⁸. Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая, как представляется, была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток в это время. Таким образом, предыстория начавшихся в конце VIII в. викингских походов в Западной и Восточной Европе была различна.

Различны были и географические условия в том и другом регионах. Побережье Англии было открыто для неожиданных, молниеносных нападений с моря, и богатые поселения и монастыри представляли легкую и практически безопасную добычу для викингов. Берега Восточной Балтики также могли быть и, безусловно, бывали объектом нападений, однако скандинавские поселения, пусть и расположенные на некотором отдалении от моря, препятствовали широкомасштабным грабёжам. В глубине же территории отрядам викингов приходилось преодолевать речные мели и пороги, что исключало внезапность нападения. Поэтому сами географические условия диктовали различные стратегии в каждом из регионов.

Последним, но едва ли не самым главным различием, влиявшим на деятельность викингов в Западной и Восточной Европе, было развитие местного общества. Раздел Франкской империи Карла Великого по Верденскому миру 843 г. существенно ослабил военную мощь выделившегося Западнофранкского королевства, политическое единство которого вскоре также оказалось под угрозой из-за борьбы за главенство сыновей Карла Лысого и их потомков. Тем не менее Западная Франция представляла собой сложившееся государство с развитой вассальной системой, прочной церковной организацией, высокой культурой, хотя эпоха Каролингского Возрождения уже завершалась. На рубеже VIII–IX вв. в Британии существовало несколько королевств: Уэссекс, Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия, которые ожесточенно боролись между собой, пытаясь подчинить себе другие королевства. Это были раннесредневековые государства с четко определившейся социальной иерархией, поддерживаемой законодательством, с эффективным аппаратом управления различных уровней. Христианство уже давно стало официальной религией, а церковная организация имела более или менее устоявшуюся структуру. Англо-саксонская культура, соединившая латинскую ученость с германскими традициями, процветала, равно как и литература на древнеанглийском языке.

Принципиально иными были общества, с которыми столкнулись викинги в Восточной Европе. Земли Северо-Запада Восточной Европы населяли финские племена с примитивным непроизводящим хозяйством, крайне слабой социальной дифференциацией и немногочисленными постоянными поселениями. Уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен – земледельцев и скотоводов – также был еще довольно низким: погребальные памятники не обнаруживают сколько-нибудь отчетливых следов выделения и обособления знати.

Таковы предпосылки, определившие формы деятельности викингов в каждом из регионов, равно как и результаты их взаимодействия с местными обществами.

2000.

⁷⁷ Kivikoski E. Svenskar i osterled under 500-talet // Finskt Museum. Helsingfors, 1939. S. 15.⁷⁸ Седов В. В. Финно-угры и балты. С. 15–16.

Первый этап скандинавской экспансии на Запад до 870-х гг.⁷⁹ характеризовался грабительскими набегами, усиливавшимися по частоте, территориальному размаху, количеству участников. Каролингская империя впервые испытала разбойничьи набеги данов уже в 770-780-х гг. Первые столкновения англо-саксов с викингами засвидетельствованы в 787 (под 789) и 793 гг. Последнее – разгром монастыря Св. Кутберта на о. Линдисфарн у побережья Нортумбрии – долгое время служило датой начала эпохи викингов. Отдельные, не связанные между собой нападения быстро переросли в крупные, хорошо организованные экспедиции, действовавшие как на континенте, так и на Британских островах, а также в Ирландии. Главной целью викингов – данов или норвежцев – была военная добыча, и на протяжении первой половины IX в. они опустошили большинство городов, расположенных на берегах Северного моря и Ла-Манша. Некоторые из отрядов начали оставаться на зимовки на островах, чаще всего в устьях крупных рек (первая такая зимовка засвидетельствована на о. Танет в 850 г.). Период изолированных набегов закончился в Англии в 865 г., когда на восточном побережье высадилось «большое войско язычников» и после нескольких лет грабежей в Восточной Англии, Нортумбрии и Мерсии начало оседать на завоеванных землях, открыв новый этап в истории эпохи викингов – этап завоеваний новых земель и их колонизации.

В Восточной Европе ранний этап проникновения скандинавов вглубь территории связан не с пиратскими нападениями, но с освоением Балтийско-Волжского пути. О присутствии скандинавов на Северо-Западе Восточной Европы свидетельствует основание Ладоги (*Aldeigjuborg* исландских саг) уже в 730-е гг. В Ладоге и ладожской округе найдены клады восточных дирхемов, датируемые 780-ми гг. На монетах Петергофского клада (начало IX в.) процарапаны скандинавские руны – слова и отдельные знаки⁸⁰, что указывает на активное участие скандинавов в поступлении арабского серебра на европейский север и распространение их деятельности в это время не только на ладожский регион, но и на значительно более обширные территории, вероятно, вплоть до Волжской Булгарии.

На протяжении VIII – первой половины IX в. скандинавы осваивают трансконтинентальный Балтийско-Волжский путь. Он возникает как продолжение системы балтийских коммуникаций на восток⁸¹ и проходит по Финскому заливу через Неву и Ладожское озеро, разветвляясь далее на юг (по Волхову, Ильменю, Мете) и восток (по Сяси, Ояти и др.) и достигая верховьев Волги. Благодаря чрезвычайно разветвленной речной системе, допускавшей множество маршрутов на Волгу, Балтийско-Волжский путь на его северо-западном отрезке охватывал огромную территорию, населенную различными финскими племенами и продвинувшимися сюда славянами. Главной вехой формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных поселений – таких, как Ладога в нескольких километрах вверх по Волхову, Городище под Новгородом (Рюриково), которое возникло в середине IX в. как военный опорный пункт и контролировало вторую по значению развилку путей от оз. Ильмень. Последующие этапы освоения пути связаны с основанием Сарского городища и Тимерёвского поселения. Наиболее отдаленный от Балтики регион – вятский (у поворота Волги на юг) – отмечен концентрацией кладов арабского серебра IX в.

Образование трансконтинентального торгового пути имело, по меньшей мере, два серьезных последствия для местных племенных обществ. С одной стороны, путь, точнее,

⁷⁹ Я следую здесь принятой периодизации эпохи викингов, предложенной Т. Кендриком (*Kendrick T.D. A History of the Vikings*. Methuen, 1930.). Ей близко соответствует периодизация, основанная на археологических материалах (*Graham-Campbell J. Viking Artifacts*. L., 1980).

⁸⁰ Мельникова Е.А. СРН ННИ. С. 115–119.

⁸¹ Мельникова Е. А. Западная Балтика в формировании системы коммуникаций Балтийского региона к эпохе викингов // Великий Волжский путь. Казань, 2004. Ч. II. С. 18–29; Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

богатства, проходившие по нему, вовлекали племенную верхушку в торговлю и в ее обеспечение. Некрополи у торгово-ремесленных поселений свидетельствуют о концентрации здесь знати местных племен. Существует лишь один собственно «скандинавский» могильник в Восточной Европе – в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных погребальных традиций.

С другой стороны, доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен (или части племен), которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати, наконец, обеспечивал близость ее интересов к интересам скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов. Более того, именно местная знать имела наиболее естественный и легкий доступ к этим ресурсам.

Обеспечение безопасности плаваний по рекам, особенно в местах, сложных для навигации (пороги, отмели и т. п.), или волоков и торговой деятельности, равно как создание инфраструктуры пути, в первую очередь стоянок для ремонта судов, пополнения припасов и, по возможности, получения новых товаров, являлось первоочередной задачей, без решения которой нормальное функционирование пути было бы невозможно. Уже на начальном этапе освоения Балтийско-Волжского пути основание поселений в узловых пунктах северо-западного, ближайшего к Балтике, отрезка – в Ладоге и на «Рюриковом» Городище— позволяло скандинавам установить контроль над движением по важнейшей магистрали, ведущей на Волгу, – Волхову с его многочисленными порогами. К 860-м гг. были установлены и более или менее устойчивые связи с местными элитами этого региона: отголоском этих связей является сообщение «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) о дани, которую взымали с местных племен «варяги-находники»⁸². Как участие в торговле и ее обеспечении, так и даннические (?) отношения со скандинавами консолидировали местную знать. Тем самым к 860-м гг. в Поволховье и Приильменье формируется особый регион вдоль Балтийско-Волжского пути, экономически ориентированный на дальнюю торговлю.

Второй этап экспансии викингов характеризуется массовой миграцией скандинавов и колонизацией новых земель (в том числе островов Атлантического океана). Сначала в Англии после 865 г., а через несколько десятилетий и во Франции скандинавские грабители начинают селиться по преимуществу среди местного населения, поскольку возможности внутренней колонизации были, в основном, исчерпаны⁸³. На протяжении последующего полувека беспощадные морские разбойники постепенно превращаются в мирных земледельцев. В Восточной Европе, напротив, следов массовой земледельческой колонизации скандинавов практически нет. Немногочисленные, рассеянные на больших расстояниях отдельные находки скандинавских предметов, как правило, неподалеку от водных путей, могут быть и результатом торговли, и временного, случайного и недолгого пребывания какого-нибудь торговца «в глубинке». Могли быть, разумеется, и отдельные скандинавы, решившие поселиться на новом месте: одним из этих немногих был, вероятно, Азгут, живший в третьей четверти XI в. неподалеку от оз. Селигер⁸⁴. По самому характеру своей деятельности скандинавы в Восточной Европе тяготели к торгово-ремесленным центрам, а позднее – к городам. Именно в них, в IX в. – в первых, а в X в. – во вторых, концентрируются скандинавские древности.

⁸² ПВЛ-1996. С. 12.

⁸³ Cultures in Contact. Scandinavian Settlement in England in the 9th and 10th Centuries/ L.M. Hardley & J.D. Richards. Turnout, 2000.

⁸⁴ Берестяная грамота № 526 (НГБ. VII. С. 124–127; Мельникова Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15).

Но сколь бы ни были различны модели расселения скандинавов, и на Западе, и на Востоке вставал вопрос о формах взаимодействия пришельцев с местным населением и их регламентации. Путь решения этого вопроса оказался общим для обоих регионов – это был путь установления договорных отношений между предводителями вингских отрядов и местными правителями. Попытки «цивилизовать» северных варваров с помощью специальных соглашений восходят ко временам Карла Великого. Он был первым известным нам европейским правителем, попытавшимся на рубеже VIII и IX вв. заключить мирный договор с Готфредом, конунгом Хедебю на юге Ютландского п-ова, дабы обеспечить безопасность союзных ему славянских племен. Такой мир был заключен уже с преемником Готфреда в 811 г.⁸⁵, но желаемых Карлом результатов он не принес. Ни этот, ни последующие договоры, ни наделение датских нобилей ленами не помешали бурному нарастанию викингских набегов, которые достигли своего пика на континенте в середине IX в., когда даны разорили Гамбург (845 г.), Дорестада (864 г.), несколько раз осаждали Париж (845, 856–857 гг. и др.).

Лишь ближе к концу IX в. заключение соглашений с расселяющимися викингами становится более или менее эффективной мерой мирного урегулирования отношений с ними. Известны четыре таких договора. Древнейший из них, если принимать условную дату ПВЛ, послужил ядром сказания о призвании варяжских князей, возникшего, вероятно, вскоре после самих событий и включенного в текст летописи (Начальный свод) не позднее 1090-х гг.⁸⁶. Два договора уэссекского короля Альфреда Великого с предводителем датского войска в Англии Гутрумом были заключены: первый – в Ведморе в 878 г., непосредственно после разгрома датчан при Эдингтоне, второй – между 878 и 890 гг. Первый упоминается Ассером в «Жизнеописании Альфреда Великого», текст второго сохранился полностью на древнеанглийском и латинском языках⁸⁷. Четвертый договор был заключен Карлом Простоватым в 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт с Роллоном (Хрольвом), вождем отряда викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены; договор упомянут в грамоте Карла от 14 марта 918 г., жалующей Роллону земли в долине Сены «за защиту государства» (*pro tutela regni*)⁸⁸, а также рядом норманнских хронистов, в первую очередь Дудоном Сен-Кантенским⁸⁹. Хотя эти договоры были заключены при разных обстоятельствах, они содержат сходные условия.

Во-первых, все они легитимизируют уже произошедшее расселение викингов на определенной, как правило оговоренной в договоре, территории. Летописец перечисляет города (в ту пору еще не существовавшие, но знаменующие для него соответствующие племенные территории), где Рюрик посадил своих мужей. Второй договор Альфреда с Гутрумом в первом же пункте четко определяет границы расселения данов: «Первое – относительно наших границ: вверх по Темзе и затем вверх по Ли и вдоль Ли к ее истокам...»⁹⁰. По Сен-Клерскому договору Роллон получил в лен Руан и его окрестности, но последующие грамоты и договоры (924 г. и др.) существенно расширили земельные владения его потомков, включив в них Котантен и Авранш. В результате этих договоров возникли новые территориальнополитические образования: на Руси – раннегосударственное объединение племен в западной

⁸⁵ Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Historia animata*. Памяти О. И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38.

⁸⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229.

⁸⁷ Asser. *Vita Ælfrediregis Angul Saxonum*. Cap. 56 (Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources / S. Keynes, M. Lapidge. L., 1983). Древнеанглийский текст договора Альфреда и Гутрума см.: Liebermann F. *Die Gesetze der Angel-Saxen*. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 128–135. См. о договорах: Kershaw P. *The Alfred-Guthrum Treaty* // *Cultures in Contact*.

⁸⁸ *Recueil des actes de Charles III le Simple, Roi de France* / Ph. Lauer. 1940. T. I. P. 211.

⁸⁹ *Dudon de Saint-Quentin*. *Historia Normannorum* / J. Lair. Caen, 1865.

⁹⁰ Davis R. H. C. Alfred and Guthrum's Frontier // *EHR*. 1982. Vol. 97. No. 385. P. 803–810.

части Балтийско-Волжского пути (в Ладожско-Ильменском регионе) с центром в Ладоге, в Англии – Область датского права (Де-нло)⁹¹, во Франции – герцогство Нормандия⁹².

Во-вторых, во всех договорах, хотя и в разной форме, проявляется стремление местной власти инкорпорировать скандинавов в свое общество. Главным условием соглашения в Ведморе, как рассказывает Ассер, было принятие Гутрумом и его приближенными христианства, причем крестным отцом Гутрума должен был стать сам Альфред. Через несколько недель Гутрум был крещен. По сообщению Дудона, одним из главных условий французского договора было крещение Роллона и его дружинников и принесение им присяги верности Карлу, т. е. включение осевших скандинавов в систему вассалитета. Ряд с Рюриком – в условиях язычества обеих сторон – предусматривал соблюдение варяжским правителем местных обычаев и норм права.

В-третьих, договоры регулировали отношения новопоселенцев с местным населением. В древнерусском ряде варягов обязывали придерживаться местных обычаев. В договоре Альфреда и Гутрума не только устанавливаются равные вергельды за убийство англо-сакса и дана, но и специальный раздел (ст. 5) определяет правила, которых должны придерживаться англо-саксы и даны при общении между собой.

В-четвертых, предполагалось, даже если это не оговаривалось специально (как в древнерусском ряде и в договоре Альфреда и Гутрума), что расселившиеся по договору скандинавы будут в дальнейшем противостоять набегам новых скандинавских отрядов⁹³.

В целом результаты этих соглашений были примерно одинаковы: скандинавы постепенно интегрировались в местные общества, хотя процессы интеграции протекали по-разному и с разной скоростью. Условия договора Карла с Роллоном автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского общества и устраняли культурные (в первую очередь, конфессиональные) различия. Нормандское герцогство изначально являлось частью Франкской империи, на которую формально распространялись (другой вопрос, как они выполнялись) все имперские порядки.

Никаких уступок скандинавам ни в социальной, ни в политической, ни в культурной сферах не предусматривалось ни этим договором, ни последующими жалованными грамотами французских королей герцогам нормандским. Следствием «официальной» интеграции скандинавов явилась их полная ассимиляция на протяжении менее полутора столетий: норманны Вильгельма Завоевателя, потомка Роллона, высадившиеся в Англии в 1066 г., не имели ничего общего со своими скандинавскими предками, но являлись носителями французской социально-политической системы, французской культуры и даже французского языка. Расселение скандинавов оставило мало следов в местной культуре, как материальных (известно крайне небольшое число скандинавских погребений), так и языковых (количество скандинавских по происхождению лексем исчисляется единицами, а важнейший из «скандинавских» топонимов – название самой области расселения, «Нормандия»)⁹⁴. Интеграция скандинавов во Франции была, таким образом, односторонним и стремительным процессом, не оставившим следов в местной культуре.

Несмотря на близость положений договора Альфреда с Гутрумом и Сен-Клерского договора, между ними было принципиальное различие: Карл рассматривал норманнов исключительно как своих вассалов и регулировал отношения между центральной властью и

⁹¹ Hart C. The Danelaw. L., 1992.

⁹² Bates D. Normandy before 1066. L., 1982; Musset L. Naissance de la Normandie. Toulouse,

⁹³ Это условие далеко не всегда соблюдалось: так, Роллон действительно больше не опустошал владений Карла Простоватого, но активно участвовал в набеге на земли вассалов Карла, находившихся с ним во враждебных отношениях. Даны, расселившиеся в Восточной Англии и Нортумбрии, оказывали посильную помощь своим соотечественникам, нападавшим на Англию после 890 г.

⁹⁴ Fellows Jensen G. Scandinavian Names and Viking Settlement in Normandy // *Namn och Bygd*. 1988. Arg. 76. P. 113–138.

служилыми наемниками; английский же договор – это договор между партнерами, призванный установить мир и регламентировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями (хотя и потерпевшими поражение в борьбе с Альфредом). Результатом этого договора стало возникновение самостоятельного, независимого от Уэссекса государственного образования — Области датского права (Денло), которое просуществовало всего около 50 лет, но специфика которого признавалась всеми последующими английскими королями вплоть до Кнута Великого и Вильгельма Завоевателя⁹⁵.

Верховная власть в Денло, а затем в Нортумбрии до конца X в. принадлежала скандинавским (датским, с середины X в. – норвежским) правителям. В Денло было введено отличное от англо-саксонского административное деление: по образцу древнескандинавских округов, имевших свой тинг (общее собрание свободных для решения законодательных, судебных и иных общезначимых вопросов, включая утверждение нового конунга), были созданы административные округа, получившие наименование *wapentak* (др. – исл. *vapnatak*), букв. «взятие оружия», с судом низшей инстанции. Как и в Скандинавии, где существовала иерархия тингов (окружной, областной и общеземельный тинги), устанавливается трехступенчатая система судебных органов. Другой, также древнескандинавский принцип административного деления – на трети – лег в основу формирования административных округов в Йоркшире и Линкольншире. Почти без изменений в Денло была принята не только скандинавская система судопроизводства, но и скандинавское право, непосредственным субъектом которого было все свободное население (англо-саксы вошли в сферу действия этого права)⁹⁶. Вместе с тем норманны быстро усвоили многие элементы организации древнеанглийского общества, в первую очередь связанные с функционированием государства: налоговую систему, административные институты и пр. Тем самым, Денло как государственное образование носило ярко выраженный синтезный характер, унаследовав значительную часть структурирующих государство институтов от англо-саксов, но внеся в них многочисленные изменения и дополнив или заменив некоторые из них скандинавскими. Эти особенности социально-политической организации Денло оставались нетронутыми вплоть до конца XI в.

Наиболее ярким свидетельством культурного взаимодействия англо-саксов и норманнов является английский язык, в котором около 10 % словарного состава представляют скандинавские заимствования эпохи викингов. Среди заимствованных лексем – правовые и социальные термины, хозяйственные и бытовые обозначения, топографические термины и т. п.⁹⁷. Велико было влияние и англо-саксонской культуры на культуру Скандинавии, в том числе и на ее христианизацию.

Таким образом, взаимодействие между скандинавами и англо-саксами привело к синтезу обоих сообществ при доминировании английской культуры и последующей ассимиляции скандинавов.

Договор с Рюриком институционализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путем и заложил основы для возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы. Однако и местная знать, очевидно, обладала властными функциями: этому способствовала общность ее интересов и интересов скандинавов. При этом фактиче-

⁹⁵ Stenton F. M. *The Danes in England*. Oxford, 1969; Richards J. D. *Viking Age England*. Charleston, 2000; Sawyer P. *Scandinavians and the English in the Viking Age*. Cambridge, 1995; Vikings and Danelaw / J. Graham-Campbell et al. Oxford, 2001.

⁹⁶ Fenger O. *The Danelaw and the Danish Law: Anglo-Saxon Legal Relations during the Viking Period* // *Scandinavian Studies in Law*. 1972. Vol. 16. P. 83–96; Kristensen A. K. G. *Danelaw Institutions and Danish Society in the Viking Age* // *MS*. 1975. Vol. 8. P. 27–85.

⁹⁷ Geipel J. *The Viking Legacy. The Scandinavian Influence on the English and Gaelic Languages*. Newton Abbot, 1971; Kishbye N. *Vikingerne i England. Sprogliche spor*. Aarhus, 1982.

ски скандинавской по происхождению была лишь относительно немногочисленная военная элита.

Почти полное отсутствие синхронных письменных источников (древнерусские летописи отражают переосмысленную летописцем конца XI – начала XII в. устную историческую традицию) не позволяет детально восстановить политическую структуру и характер этого образования. Лишь сохранившиеся в восточных источниках X в. описания, восходящие ко второй половине IX в., содержат некоторые далеко не полные и, видимо, односторонние (в силу интересов и культурных традиций восточных писателей) указания на его политический строй. В них представлено общество, разделенное на две страты, которые арабские писатели обозначают отэтнонимическими названиями: «ар-рус» и «ас-сакалиба». Первые – это военная элита, которая собирает дань с ас-сакалиба и реализует полученные ценности в торговле с арабами. Вторые – мирные земледельцы. Восточные писатели подчеркивают «военизированность» общественного строя ар-рус, во главе которых находится по существу военный вождь, осуществляющий также судопроизводство и другие функции центральной власти, и его подчиненность целям дальней торговли (сбор даней, захват пленных для последующей продажи). Важной особенностью этого «государства» является отсутствие какой-либо связи ар-рус с земельными владениями: арабские писатели обращают специальное внимание на то, что движимость является единственным имуществом даже знатных членов общества.

В этих «сторонних» и кратких описаниях отчетливо видны принципиальные отличия политического образования на Северо-Западе Восточной Европы как от скандинавских «государств» Западной Европы, где основой их формирования была земледельческая колонизация, так и от ранних государств в самой Скандинавии, в которых необходимым условием социального полноправия человека было владение наследственным участком земли (одалем), а торговля составляла одно из важных, но далеко не основных занятий населения. Пожалуй, единственным действительно сходным было лишь положение главы раннегосударственных образований в Восточно-Европейском и Западно-Европейском регионах: правителя с доминирующей военной функцией (военные успехи конунга были неперенным условием сохранения им своего статуса), но выполняющего и все остальные функции государственного управления с помощью личной дружины.

Поэтому, хотя возникновение государственного образования вдоль Балтийско-Волжского пути стимулировалось торговой деятельностью скандинавов, оно не воспроизводило сложившихся в скандинавских странах структур: его появление, равно как и социально-политическое устройство, диктовалось, прежде всего, его экономической основой – дальней торговлей. Особенности данного государственного образования определялись предпосылками его возникновения и задачами, которые оно должно было решать. И те и другие не имели прямых аналогий ни в скандинавском, ни в финском, ни в славянском обществах, и потому формирование в нем государственных институтов шло особым, иным, нежели в Англии, путем.

Если во Франции герцогство Нормандия было первым и последним политическим образованием скандинавов, то в Англии и на Руси процесс государственной консолидации следующих волн скандинавов продолжился и в X в. С самого начала этого столетия начинается завоевание норвежцами северо-западной Англии и юго-западной Шотландии, которое завершается в 919 г. захватом Йорка и образованием в Нортумбрии норвежского королевства⁹⁸. Оно просуществовало до 954 г., когда английский король Эадред изгнал из Йорка Эйрика Кровавая Секира и восстановил английский контроль над этой областью. Таким

⁹⁸ The Archaeology of York / P.Y. Addyman. York, 1976; Viking Age York and the North/ R. A. Hall. L., 1978.

образом, и Денло, и норвежское королевство просуществовали недолго и были, каждое в свою очередь, поглощены английским государством. Однако они оставили глубокий след в политическом и социальном устройстве англо-саксонской Англии и в ее культуре.

Аналогичным образом Рюрик был не единственным вождем викингских отрядов, обосновавшимся в Восточной Европе. ПВЛ коротко упоминает о некоем Туры (< *Pórir*), основателе города Турова, и рассказывает о расправе Владимира с полоцким князем «и-заморья» Рогволодом (< *Rögnvaldr*) и его семьей. Но наиболее важным для формирования Древнерусского государства стало вокняжение в 882 г. (дата условна) в Киеве еще одного выходца с Севера, которого летописцы связывают с Рюриком родством или службой, – Олега. Пришедший, по преданию, из Ладожско-Ильменского региона вместе с сыном Рюрика Игорем, Олег объединил северный и среднеднепровский центры государственности и тем самым заложил основы Древнерусского государства. Хотя в Среднем Поднепровье господствовало производящее хозяйство и раннегосударственное образование возникло здесь, по крайней мере, за несколько десятилетий до появления Олега⁹⁹, мотивация перемещения на юг и образ действий военной элиты скандинавского происхождения мало отличались от Ладожско-Ильменского региона. Главным стимулом освоения Днепровского пути была возможность сбыта полученных с подчиненных славянских племен даней в Византии, что стало особенно актуальным в конце IX–X в., когда Хазария сильно осложнила торговлю по Балтийско-Волжскому пути. Деятельность же киевской военной верхушки – росов – и в середине X в., судя по ее описанию византийским императором Константином Багрянородным, чрезвычайно напоминала изображенный восточными писателями образ действий ар-рус в IX в. И те и другие не имеют земельной собственности, представляют собой военизированное сообщество, управляемое вождями (по Константину, «архонтами»), среди которых выделяется «великий князь» (в качестве такового Константин упоминает Игоря), собирают дань со славянских племен, характеризующихся Константином как «пактиоты», т. е. союзники росов, и реализуют ее в системе международной торговли в Константинополе¹⁰⁰. Обеспечению регулярной торговли служили и заключаемые росами договоры с Византией (911 и 944 гг.). Как кажется, на юг, в Среднее Поднепровье, были первоначально перенесены те принципы политической и социальной организации общества, которые родились и оформились в Ладожско-Ильменском регионе.

Однако политическая ситуация в Среднем Поднепровье принципиально отличалась от Ладожской. С одной стороны, здесь существовал ряд крупных, соперничавших за господство политических образований – древлян, северян и др. Подчинение их Киеву было важной задачей центральной власти, решение которой заняло более половины столетия и осуществлялось, в том числе, и насильственными методами. С другой стороны, существовала постоянная угроза со стороны степных кочевников. И то и другое требовало сохранения военной организации, более того, ее реорганизации на постоянной основе и выделения отдельных отрядов для осуществления контроля на подчиняемых землях. Такая реорганизация не могла происходить лишь за счет вновь прибывавших с севера скандинавов. К середине X в. уже очевидно включение славян и финнов в состав военной верхушки киевского общества. В договоре Игоря 944 г. в числе «послов» князей «земли русской» и «купцов» названы лица, носившие прибалтийско-финские и славянские имена. О включении славян в высшую элиту свидетельствует имя одного из воевод Святослава – Претича, организовавшего в 968 г. оборону Киева от печенегов. Более того, и сам правящий в Киеве род понемногу воспринимает славянские имена, т. е. обнаруживает явную тенденцию к культурной интеграции в славянское общество. К концу X в. скандинавы, осевшие в Восточной Европе в IX – начале X в.

⁹⁹ Горский А. А. Русь. С. 54–64.

¹⁰⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989.

и образовавшие новую военную элиту Древнерусского государства, и вновь прибывающие скандинавы – наемники и купцы – составляли уже две различные культурные группы, носившие разные наименования. Первые называются летописцем «русью» и воспринимаются им как «свои». Вторые – «варягами», которые изображаются летописцами конца XI – начала XII в. как враждебные и опасные иноземцы, которых можно использовать как наемников, но которым нельзя доверять¹⁰¹.

В противоположность крестьянской колонизации Англии, которая оставила множество следов в социальных и политических структурах английского государства, равно как и в культуре англо-саксов, скандинавы в Восточной Европе, участвуя в процессах образования Древнерусского государства – в разной форме на разных этапах, – не оказали существенного влияния на его дальнейшее развитие. Первоначальные формы ранней государственности не были привнесены в Восточную Европу извне, они формировались под влиянием местных условий. Образовав новую военную элиту, которая концентрировала военные и административные функции, скандинавы с самого начала вынуждены были взаимодействовать с местной племенной знатью и включаться в новую инокультурную среду. Ярчайшим свидетельством этого является отмечаемый Константином Багрянородным билингвизм росов и незначительное количество скандинавских лексических заимствований в древнерусском языке, сопоставимое с числом слов, пришедших в древнескандинавские языки из Восточной Европы¹⁰². Инкорпорирование скандинавской по происхождению элиты в славянское общество осуществлялось в процессе постоянных и тесных контактов со славянской знатью и завершилось ассимиляцией скандинавов, осевших в древнерусских городах и воспринявших местную культуру.

(Впервые опубликовано: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже (труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб., 2009. С. 89–100)

¹⁰¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

¹⁰² Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства

Е. А. Мельникова

В название статьи вынесен едва ли не самый дискуссионный вопрос истории Древней Руси, отягощенный не только и не столько скудостью и отрывочностью информации письменных источников, сложностью сопряжения лингвистических данных с историческими, сколько идеологическими, политическими и эмоциональными соображениями¹⁰³. Не вдаваясь в перипетии более чем двухвековых споров – их истории посвящена обширная литература¹⁰⁴, – надо отметить его актуальность и в настоящее время.

С одной стороны, в последние десятилетия XX в. был накоплен огромный новый археологический материал: открыты неизвестные ранее памятники¹⁰⁵, обстоятельно исследованы комплексы, известные, но мало до того изученные¹⁰⁶; введен в науку огромный корпус нумизматических материалов¹⁰⁷; критически изданы многочисленные известия зарубежных письменных источников по истории Руси, информация которых подвергнута обстоятельному анализу с применением современных методов источниковедения¹⁰⁸. Наконец, начат пересмотр устоявшихся в советское время представлений о развитии восточнославянского общества, путях образования и характере Древнерусского государства¹⁰⁹. Надо подчеркнуть, что все эти новейшие материалы – и в этом их особая ценность – не втиснуты в прокрустово ложе «норманнского вопроса», а демонстрируют широкую картину взаимодействия разноэтничных народов на пространствах Восточной Европы времени зарождения и становления Древней Руси.

С другой стороны, в XXI в. был реанимирован «антинорманизм» образца середины XIX в. – в той его форме, которая была выдвинута М.В. Ломоносовым и развита С. А. Геденовым¹¹⁰, немедленно подверглась резкой критике его современников как не соответствующая научному уровню того времени¹¹¹, находилась в забвении на протяжении почти ста лет,

¹⁰³ Шаскольский И. П. Антинорманизм и судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 35–51; Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

¹⁰⁴ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985; Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

¹⁰⁵ Например, городище в Супрутах в Тульской обл., Любшанское городище около Старой Ладogi, поселения Поволховья и Поозерья, многие «малые» города Древней Руси и мн. др.

¹⁰⁶ В том числе такие знаменитые в контексте «норманнского вопроса» памятники, как Гнёздово (Д. А. Авдусин, Т. А. Пушкина), Новгородское (Рюриково) городище (Е.Н. Носов), Тимерево (И. В. Дубов, В.Н. Седых), Шестовица (В.П. Коваленко) и др.

¹⁰⁷ Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1982; Noonan Th. Ninth century Dirhem Hoards from North West Russia and the Southeastern Baltic // JBS. 1982. Vol. XIII. № 3. P. 220–244; Idem. Dirhems from Early Medieval Russia // JRSNS. 1984/1985. No. 17. P. 8–12.

¹⁰⁸ Издания свода «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы» (до 1993 г. – «Древнейшие источники по истории народов СССР») и хрестоматия «Древняя Русь в свете зарубежных источников» / Т.Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2009–2010. Т. I–V. Библиографию свода см. в последнем изданном томе: Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006 [На сегодня последний том – Подосинов А. В., Скржинская М.В. Римские географы: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. – Прим. ред.]. Общий обзор информации зарубежных источников о Восточной Европе см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е. А. Мельникова. М., 1999.

¹⁰⁹ См.: ВЕДС. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992; ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, 1995; Он же. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 13–412; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; и др.

¹¹⁰ Геденов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Т. I–II (переиздание с предисл. и коммент. В. В. Фомина. М., 2004).

¹¹¹ См. рецензии на труды С. А. Геденова: Погдин М. Геденов и его система о происхождении варягов и Руси //

возрождена А. Г. Кузьминым в 1970-е¹¹² и ныне поднята на щит его учениками и последователями¹¹³. Подмена скандинавов прибалтийскими славянами – на основании, прежде всего, так наз. народных этимологий (типа *варяги* = *вагры*), западнославянских влияний на язык и материальную культуру северо-западных областей Древней Руси (при этом западные славяне смешиваются с поморскими) и крайне немногочисленных следов поморских славян в археологическом материале – наивная (в рамках научного дискурса) попытка «славянизировать» отечественную историю. Она, как и антинорманизм прошлого, сужает исследовательское пространство, сводя его все к тем же «этимологическим» и «этническим» вопросам¹¹⁴.

Между тем, в последние десятилетия XX в. произошло существенное расширение контекста, в котором рассматривались ранние русско-скандинавские отношения. С одной стороны, начали учитываться взаимодействия как славян, так и скандинавов с прибалтийско-финскими и финскими племенами Верхнего Поволжья и междуречья Оки и Волги¹¹⁵. С другой стороны, была предложена концепция циркумбалтийской цивилизации¹¹⁶, в рамках которой русско-скандинавские контакты перестали рассматриваться как двусторонне замкнутые: они предстали в перекрестных связях с другими народами Балтийского региона¹¹⁷, в том числе с поморскими славянами¹¹⁸. Новые перспективы открывает и западноевропейский контекст – сопоставление деятельности скандинавов на Руси и в странах Западной Европы: в Англии, Ирландии, Франции¹¹⁹.

Таким образом, и накопление нового материала, и состояние новейшей историографии диктует необходимость возвращения к вопросам, связанным с местом скандинавов в истории образования и становления Древнерусского государства.

Записки АН. 1864. Т. 6. № 2. Приложение; *Первольф О. О.* Варяги, Русь и Балтийские Славяне // ЖМНП. 1877. Ч. 192. В рецензиях одновременно отмечалась продуктивность критики норманизма у С. А. Гедеонова; и действительно, она вызвала оживление исследований русско-скандинавских отношений «норманистами» (см.: *Мошин В. А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Roc. X. S. 363–367).

¹¹² Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55. Впрочем, несколькими годами позже А. Г. Кузьмин счел, что «варяги» были кельтами (*Он же*. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83), и лишь затем окончательно утвердился в поморско-славянском происхождении варягов.

¹¹³ Сборник Русского исторического общества. «Антинорманизм» / Редколлегия: В. В. Дегоев, В. А. Захаров, А. Т. Кузьмин, И. А. Настенко, О. М. Рапов, В. В. Фомин, Ю. В. Яшнев. М., 2003 (См. рец.: *Котляр П. Ф.* В тоске по утраченному времени // *Средневековая Русь*. М., 2007. Вып. 7); *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. О методах работы современных антинорманистов см.: *Мельникова Е. А.* Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // *Родина*. 2009. № 3. С. 56–58; № 5. С. 55–57.

¹¹⁴ Наиболее тревожащий современных «антинорманистов» вопрос – славянское vs. скандинавское происхождение слова «варяг». О крайней ограниченности исследовательской проблематики в области русско-скандинавских связей, навязанной антинорманизмом, см.: *Мельникова Е. А.* Тени забытых предков // *Родина*. 1997. № 10. С. 17–20.

¹¹⁵ См. работы В. А. Назаренко, О. И. Богуславского о Западном и Южном Приладожье и карелах, И. В. Дубова о Ярославском Поволжье, С. И. Кочуркиной о Юго-Восточном Приладожье и карелах, А. Е. Леонтьева о Сарском городище и мери, Е. А. Рябины о мери и мн. др.

¹¹⁶ Идея тесной связи всех народов, населявших берега Балтийского моря, лежала в основе коллективного труда, авторами которого были немецкие, польские, русские, финские и скандинавские археологи: *Wikinger und Slawen* / J. Herrmann. В., 1982 (пер. на рус. яз.: *Славяне и скандинавы* / Пер. Г. С. Лебедева под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986). Позднее Г. С. Лебедев подробно сформулировал и разработал ее: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985 (переиздание: СПб., 2005).

¹¹⁷ См.: *Славяне и скандинавы*; *Muller-Wille M.* Die Ostseegebiete während des frühen Mittelalters. Kiel, 1989; *Duczko W.* Wiking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.

¹¹⁸ Именно эта почти не исследованная проблема, а не попытки доказать, что варяги есть славяне, является одной из важных и новых исследовательских задач отечественной науки. Относительно изучены археологические следы связей поморских славян с Данией и Южной Швецией (трудами польских, немецких, скандинавских археологов), матримониальные связи датской и упсальской династий правителей с правящими родами вендов и ободритов (см.: *Успенский Ф. Б.* Скандинавы – Варяги – Русь. М., 2002).

¹¹⁹ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; *Мельникова Е. А.* Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции // Россия и Британия на путях к взаимопониманию. Сб. докладов англо-русского симпозиума. М., 2010. С. 403–416.

* * *

Спорадические контакты Скандинавии и Восточной Прибалтики (и далее на восток вплоть до Камы) существовали уже в неолите. Однако перманентные связи этих регионов устанавливаются в середине I тыс. н. э., когда в результате миграций из перенаселенных областей Восточной Скандинавии¹²⁰ появляются первые колонии скандинавов на территории современных Литвы (Кауп), Латвии (Гробине), Эстонии (Прооза в черте Таллинна, на о. Сааремаа)¹²¹. Немаловажное значение играла и торговля с местным населением, о чем свидетельствуют материалы Каупа (Вишнева), само название которого происходит от др. – сканд. *kaiṛ* «покупать; торг»¹²². Материалы исследованных памятников указывают на доминирование мирных взаимоотношений новопоселенцев с местным населением.

Важным этапом в продвижении скандинавов в Восточную Прибалтику и далее вглубь Восточной Европы стало освоение свейми Аландских о-вов – мостика из Средней Швеции к берегам Финского залива¹²³. После заселения Аландов корабли могли не выходить в открытое море, а плыть вдоль шхер Шведского Архипелага, Аландских островов и берегов Финского залива. Это существенно облегчило связи в северо-восточной части Балтики, сделав Невско-Ладужский маршрут наиболее удобным для плаваний в Восточную Европу.

Начавшееся в VI в. – задолго до начала эпохи викингов и до славянской колонизации Северо-Запада – продвижение скандинавов на восток уже не прекращалось, постепенно расширяясь и охватывая все новые территории. Следы временных стоянок скандинавов VI–VII вв. обнаружены на о. Тютерс в Финском заливе и на о. Риеккала у северного побережья Ладужского озера¹²⁴, одновременные поселения открыты на о. Сааремаа. Стоянки, как полагают, принадлежали охотникам на пушного зверя или скупщикам пушнины, которая была главным стимулом для продвижения скандинавов на восток¹²⁵. Однако добыча мехов в это время, видимо, удовлетворяла по преимуществу потребности внутрискандинавского рынка: система коммуникаций Балтийского региона была еще мало связана с Североморской торговой сетью¹²⁶.

Именно в этот период на территории прибалтийско-финских племен возникает сохранившееся до сих пор как обозначение Швеции именование скандинавов словом *Ruotsi* / *Rootsi*, производным от др. – сканд. **Rōps(-menn, -karlar)* – композита, употреблявшегося по

¹²⁰ Одним из таких исчерпавших ресурсы внутренней колонизации регионов был Готланд – память об этой ситуации сохранила «Сага о гутах», написанная в XIV в. В ней воспроизводится предание о нескольких волнах выселения с Готланда в Восточную и Южную Прибалтику, одна из которых предположительно датируется именно этим временем. См.: Сага о гутах / Пер. с древнегютского и коммент. С. Д. Ковалевского // СВ. 1975. Вып. 38. С. 307–311. О хронологии «Саги о гутах» см.: Nerman B. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

¹²¹ Кулаков В. И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989; Он же. История Пруссии до 1283 года. М., 2003; Nermann B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958; Дезмант К. Предметы скандинавского происхождения среди вещевого материала каменного могильника Прооза среднего железного века (Y–YI вв.) // IX Сканд. конф. Тарту, 1982. Ч. 1. С. 178–179; Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 15, 17.

¹²² Предметами обмена служили железные изделия, оружие, украшения (со стороны скандинавов) и продукты сельского хозяйства, кожи и т. п. (со стороны местного населения).

¹²³ Кальмер Ю. Археологические древности Руси // Stratum plus. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 153–157.

¹²⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1981. S. 19–20; Седов В. В. Финно-угры и балты. С. 45.

¹²⁵ Ср.: Callmer J. Verbindungen zwischen Ostskandinavien, Finnland und Baltikum vor der Wikingerzeit und das Rus'-Problem // JfGO. 1986. Bd. 34. S. 357–369.

¹²⁶ Мельникова Е. А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // ДГ. 2009 год. М., 2010. Так, крупный торговый центр на юго-западе Ютландского п-ова Рибе имел в VI–VII вв. тесные связи с Фризией и через нее с Англией, но материалы раскопок говорят о его слабых контактах с Балтикой: Bencard M. Excavations 1970–1976. Esbjerg, 1990.

отношению к гребцам и воинам, участникам походов на гребных судах¹²⁷. Профессиональное наименование было переосмыслено как этноним, чему способствовала относительная этническая однородность пришельцев: подавляющее их большинство было выходцами из Свеаланда.

* * *

Эпоха викингов¹²⁸ внесла принципиальные изменения в масштабы и характер деятельности скандинавов в Восточной Европе. Берега Восточной Балтики стали объектом нападений викингских отрядов¹²⁹. Началось продвижение норманнов на восток, цели и характер которого диктовались местными условиями. Во-первых, географические особенности Северо-Запада – плавание по рекам с мелями и порогами – не способствовали викингским набегам, успешность которых в значительной степени зависела от их внезапности. Да и возможная добыча была несопоставима с той, на которую викинги могли рассчитывать в Западной Европе. Поэтому грабеж местного населения не являлся, как на Западе, стимулом для экспансии. Во-вторых, северо-западные земли не были привлекательны и с точки зрения сельскохозяйственной колонизации, которая началась на Западе Европы со второй половины IX в.: бедные, малоплодородные почвы даже в поймах рек, заболоченность, густые лесные массивы оставляли мало возможностей для земледелия¹³⁰.

Единственным действительно привлекательным предметом на востоке была пушнина, добыча которой – охотой или обменом с местным населением – была уже давно налажена. Установление регулярных контактов со странами Западной Европы¹³¹ и выход к крупнейшим торговым магистралям и портам североморского региона и Ла-Манша требовали суще-

¹²⁷ См. подробнее: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Эволюция названия *русь* в процессе становления Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38. Отмечу, что изобретение паруса скандинавами датируется V–VI вв., но каботажные плавание и плавание по рекам осуществлялись и позже на гребных судах. См.: Nylén E. Technologie des Schiffbaus und Veränderung der Hafenanlagen // Przegląd Archeologiczny. 1987. Т. 34. S. 283–288.

¹²⁸ По новейшим данным, ее начало датируется 730-ми гг.

¹²⁹ В королевских сагах упоминаются летние набеги на земли Восточной Прибалтики (чаще всего на Эстланд и Курланд) почти всех конунгов Свеаланда и Вика (Южная Норвегия) вплоть до первых десятилетий XI в., а также данничество эстов, ливов и куршей, которое, однако, вряд ли можно рассматривать как сколько-нибудь устойчивое подчинение восточно-балтийских племен; скорее это были разовые поборы: неслучайно «подчиняют себе и облагают данью» то или иное племя многие конунги Упсалы – каждый раз как бы заново. См.: Джаксон Т. Н. ИКС-1993.

¹³⁰ Кирьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле. X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362; Жекулин В. С. Сельскохозяйственная освоенность ландшафтов Новгородского края в XII–XIV вв. // Изв. ВГО. 1972. № 1. С. 21–29; Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 3–19. И в более позднее время, в XII–XIII вв., обеспечение Новгородской земли хлебом зависело от его импорта с юга и юго-востока. В последнее время земледельческую колонизацию предполагает И. Янссон (Jansson / Warfare, Trade or Colonisations? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Orebro. 1997. P. 9–64). Думается, что даже присутствие скандинавских имен в берестяных грамотах, присланных в Новгород из сельской местности в XI–XIV вв. (Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15), свидетельствует лишь о том, что в соответствующих деревнях – располагавшихся по преимуществу на водных путях – размещались новгородские сборщики даней или воины, контролировавшие пути, а не колонисты-земледельцы. Именно поэтому скандинавские имена в берестяных грамотах единичны и, как правило, вкраплены в списки славянских имен (единственное исключение составляет грамота № 2, где присутствует несколько скандинавских личных имен, одно из которых входит в состав топонима).

¹³¹ Традиционно считается, что эпоха викингов, в особенности ее начальная фаза, выражалась исключительно в форме грабительских набегов скандинавов. Действительно, осады Парижа и Лондона, разграбление Гамбурга и Дорестада – яркие и наиболее запомнившиеся современникам эпизоды этой эпохи. Но не менее, а может быть, и более важным было включение скандинавов в существовавшую к тому времени систему международной торговли: не случайно, значительное количество походов викингов было направлено на обеспечение своего участия в мировой торговле: см., например, о деятельности конунга Хедебу Готфрида в конце VIII – начале IX в.: Мельникова Е. А. Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // Historia animata. Памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 22–38. О том же говорит и поступление сердоликовых бус в Скандинавию из Каролингской Франции (Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800-1000 AD. Lund, 1977).

ственного расширения объема поставок ценных мехов¹³². Пушнина и рабы пользовались неограниченным спросом в Западной Европе и ценились весьма высоко. Рабы добывались во время грабительских набегов на прибрежные города и поселения самой Западной Европы – в них обращались захваченные жители этих селений¹³³. Пушниной же изобиловал север Восточной Европы. И именно сюда двинулись многочисленные отряды искателей богатства и славы.

Главной формой взаимодействия между скандинавами и финскими племенами была меновая торговля¹³⁴, память о которой сохранилась в некоторых повествованиях саг¹³⁵. Вероятно, уже в это время образуется сеть пунктов, где происходили сезонные встречи скандинавских торговцев, при случае всегда готовых применить силу, и местного населения: возможно, именно этой цели служили возникавшие финские городища – около их укреплений мог происходить торг. Одним из таких торжищ первоначально могла быть и Старая Ладога. Усвоение скандинавами финского наименования речки, при впадении которой в Волхов и возникло это поселение, в качестве названия самого поселения – фин. *Alode-jogi* > др. – сканд. *Aldeigja* (в скальдических стихах; позднее – *Aldeigjuborg*)¹³⁶, говорит как о первичности финно-скандинавских контактов в этом регионе, так и о значительной роли финского населения в реализации этих контактов.

Другой сферой взаимодействия скандинавов и финнов было участие последних – в качестве проводников по труднопроходимой местности – в освоении скандинавами сильно разветвленной сети рек, озер и речушек к востоку и югу от Ладожского озера и в открытии системы водных путей, ведущих на Волгу. Отголоски такого «сотрудничества», возможно, сохранились в рассказах саг о древних временах, действие которых происходит на Северо-Западе Восточной Европы и в которых настойчиво повторяются «финские» мотивы, причем в них финны не всегда выступают в качестве злых колдунов¹³⁷, но оказываются и помощниками, излечивающими героя-скандинава от ран, и проводниками в незнакомой местности¹³⁸.

Важнейшей вехой в процессе формирования Балтийско-Волжского пути было основание Ладоги – скандинавского форпоста в месте перехода от морской системы коммуникаций к речной¹³⁹. По новейшим данным, древнейшие постройки Ладоги относятся к 750-м гг.¹⁴⁰, и на начальных этапах своей истории Ладога обнаруживает непосредственные контакты с Южной Ютландией, а через нее – с Фризией¹⁴¹. В ранних слоях Ладоги присутствуют следы

¹³² Главными предметами импорта из Скандинавии до того времени – почти исключительно в рамках внутрибалтийской торговли – были железо, поставляемое из Средней Швеции, и жировик, вывозимый из Норвегии (в небольших количествах жернова из жировика поступали на Рейн). Дания поставляла на балтийский рынок центральноевропейские импорты (в значительной степени – предметы роскоши), поступающие с юга.

¹³³ Многие западноевропейские источники отмечают продажу скандинавами христиан. См., например, «Житие св. Ансгария» Римберта (*Vita Anskarii auctore Rimberti. Accedit Vita Rimberti* / G. Waitz // MGH SRG. 1884) и др.

¹³⁴ Сведений о продаже скандинавами финнов в качестве рабов на европейских или восточных рынках не имеется, что, впрочем, не исключает такой возможности.

¹³⁵ Описание процедуры меновой торговли скандинавов и жителей Восточной Европы, правда, осложненное фольклорными мотивами, содержится в «Саге об Ингваре»: Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 235–236 (текст), 265–266 (перевод).

¹³⁶ *Mikkola J.J. Ladoga, Laatokka* // *Journal de la Societe Finnoougrienne*. 1906. Т. XXIII, 23. Р. 1–12; Джаксон Т.Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 77–79.

¹³⁷ Таков стереотипный образ финна в королевских сагах. См.: Джаксон Т.Н. «Финны» в «Саге об Инглигах» // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 56–61.

¹³⁸ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

¹³⁹ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля в VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 38–79. Нева еще долгое время спустя воспринималась не как река, а как часть Финского залива, соединяющая его с Ладожским озером.

¹⁴⁰ Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 63.

¹⁴¹ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / В. В. Седов. Л., 1985. С. 24–25; Он же. Ладога VIII–X вв. и ее меж-

и финского населения¹⁴². Очевидно, однако, что само ее возникновение является результатом того, что скандинавы регулярно и в немалом количестве оказывались в этом стратегически важном пункте, и свидетельством того, что в первой трети VIII в. участок пути от Финского залива до, как минимум, Ладоги был освоен. Вероятно, известен был в это время и следующий – Волховский – отрезок пути вплоть до Ильменя. Однако длительное, около столетия, изолированное существование Ладоги – единственного вплоть до середины IX в. протогородского центра на Северо-Западе Восточной Европы – говорит, во-первых, о том, что пути далее на юг использовались еще не столь интенсивно, и, во-вторых, что ее основание не было результатом местного развития: она возникла как узловой пункт, завершавший на востоке балтийский отрезок трансевропейской торговой магистрали, начинавшейся в Южной Ютландии, но сам путь еще не стал действовать на всем его протяжении.

Вторая половина VIII в. – время выхода скандинавов на Верхнюю Волгу, что фиксируется выпадением первых кладов восточного серебра на Северо-Западе Восточной Европы. В Ладоге и ладожской округе найдено несколько кладов дирхемов, датируемых по младшей монете 780-ми гг.¹⁴³. Эти клады невелики по размерам, но само их появление, а также наличие скандинавских граффити (слов и отдельных знаков) на монетах Петергофского клада (первые годы IX в.)¹⁴⁴ указывает на активную роль скандинавов в их поступлении на Север. Однако восточное серебро приходит на Север еще не по Волжскому пути, а по Дону¹⁴⁵. Это означает, что Волжский путь еще не начал активно функционировать на всем его протяжении и Волжская Булгария еще не стала главным местом встречи скандинавов и арабов¹⁴⁶.

К середине VIII в., видимо, относится славянская земледельческая колонизация Приильменья и Поволховья¹⁴⁷. Цепочка поселений вырастает в Поозерье, а затем далее вдоль берегов Волхова, и в третьей четверти VIII в. в Ладоге появляются славянские древности¹⁴⁸. Однако уровень социальной дифференциации продвинувшихся в этот регион словен, земледельцев и скотоводов, был еще довольно низким: относимые словенам погребальные памятники – сопки – являются родовыми усыпальницами, и их инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь отчетливых следов социальной дифференциации. Вместе с тем, уже само сооружение огромных, до 10–12 м высотой, насыпей свидетельствует о выделении знати¹⁴⁹.

дународные связи // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 28–53; Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX века // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.

¹⁴² Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 54.

¹⁴³ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. 1976. Вып. VIII. С. 95–110; Noonan T. S. Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / M. A. S. Blackburn, D.N. Metcalf. 1981. P. I. P. 47–174; Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории. С. 58–59; Фомин А. В. Староладожские клады восточных монет конца VIII–IX вв. // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. сообщ. СПб., 2007. С. 66–67.

¹⁴⁴ Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 26–47; Мельникова Е. А. СРН НИИ. С. 115–120.

¹⁴⁵ Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами; Нахаметян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 139–152.

¹⁴⁶ См.: Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.

¹⁴⁷ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982. С. 64–66; Конецкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия и. э. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Л., 1984; Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11); Он же. Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения // XIII Сканд. конф. М., Петрозаводск, 1997. С. 163–166.

¹⁴⁸ Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. – практ. конф. Псков, 1989. С. 29–30; Кузьмин С. Л. Первые десятилетия истории ладожского поселения // Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия. Сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев, 1997.

¹⁴⁹ Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тыс. и. э. // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 3–26; Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

Балтийско-Волжский путь возникает не как самостоятельный внутренний восточноевропейский маршрут, но, в первую очередь, как продолжение на восток сложившейся к середине I тысячелетия н. э. системы коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. Роль Балтики неизмеримо возросла после того, как арабские завоевания в восточной части Средиземноморья перекрыли традиционные еще со времен античности пути в Переднюю Азию и далее на восток. На Северное и Балтийское моря перемещается основной торговый поток между Западом и Востоком, который ранее проходил по Средиземному морю¹⁵⁰. Новая геополитическая конъюнктура оказалась необычайно выгодной сначала для фризов, а затем и для скандинавов, которые практически монополизировали балтийскую и восточную торговлю¹⁵¹.

На протяжении IX в. формируются две основные ветви Балтийско-Волжского пути, ведущие на Волгу: северная – к востоку от Ладожского озера по рекам Сясь, Паша, Оять, Олонка к Белому озеру и далее по Шексне, и южная – по Волхову, Ильменю, Мете, Кунье или Ловати¹⁵². Они маркируются скандинавскими древностями¹⁵³, в том числе погребальными памятниками, а также торгово-ремесленными поселениями, значительную часть населения которых составляли скандинавы¹⁵⁴. Таковы – на северном ответвлении – городища на р. Сясь и Олонка, Крутик около Белого оз. На южном – на развилке речных магистралей от оз. Ильмень в середине IX в. возникает Городище под Новгородом (Рюриково), которое являлось военным опорным пунктом и контролировало вход из Волхова в оз. Ильмень¹⁵⁵. В Верхнем Поволжье появляются торгово-ремесленные центры у впадения в Волгу р. Которосль (Тимерево)¹⁵⁶, которая вела в Волго-Окское междуречье, и у оз. Неро (Сарское городище поблизости от Ростова)¹⁵⁷, где начинался путь на Оку.

Интенсивность, а вероятно, и характер использования северной и южной ветвей северо-западного отрезка Балтийско-Волжского пути были неодинаковы. Памятники, содержащие скандинавские древности, равно как и торгово-ремесленные центры на северной

¹⁵⁰ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Rurik // SEHR. 1952. Vol. 1; Hodges R. Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe. L., 1983.

¹⁵¹ Мы почти не знаем случаев появления на Балтике купцов из Западной Европы (кроме фризов) или арабского мира. Уникальным является сообщение о посольстве Абд ар-Рахмана II (эмира Кордовы) вскоре после нападения норманнов на Севилью (884 г.) к королю и королеве народа ал-маджус во главе с Иахйя ибн ал-Хакамом ал-Бакри по прозвищу ал-Газаль (770–864 гг.): предполагается, что он посетил Хедебю (рассказ о посольстве сохранился в сочинении андалусского историка начала XIII в. Ибн Дихйи; см.: Allen W.E.D. The Poet and the Spae-Wife: an Attempt to Reconstruct al-Gazal's Embassy to the Vikings. Dublin; L., 1960. См. также: Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 133–134). Не случайно, именно на IX–X вв. приходится расцвет эмпориев как на Балтике (Рибе, Хедебю, Каупанг, Бирка), в том числе и в землях поморских славян (Рерик, разрушенный конунгом Хедебю Готфридом в 808 г.; Ольденбург, Волин), так и на Северном море и в Ла Манше (Дорестад, Квентовик, Лондон). Они богатеют и развиваются на перепродаже товаров, перевозимых с востока на запад и обратно. В начале XI в. в Сигтуне существует «фризская гильдия» – объединение фризских (или скандинавских, торговавших с Фризией) купцов (*Wessen E. Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1949. B. VII: Upplands runinskrifter. Del 2. N 1.S. 138–149, 161–165. No. 379, 391.*), видимо, осуществлявшая транзит товаров, привезенных с востока в Бирку и их перемещение далее на запад.

¹⁵² От Ильменя начинались и пути на запад: по Шелони, Великой, Чудскому озеру и др.

¹⁵³ Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the Archaeological Evidence // JBS. 1982. Vol. XIII. No. 3. P. 267–295; Седов В. В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Сканд. конф. М., 1993. Ч. 1. С. 104–106.

¹⁵⁴ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

¹⁵⁵ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. Новые материалы и исследования. СПб., 2005.

¹⁵⁶ Фехнер М. В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // С. А. 1987. № 2.

¹⁵⁷ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1975; Он же. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

ветви пути концентрируются (не только в IX, но и в X в.) в его начале – к востоку от Ладожского озера, и в центральной части – у Белого озера. На остальной территории они немногочисленны и рассредоточены, а торгово-ремесленные центры (некрупные даже на Сяси-Ояти-Олонке) не выявлены. Иначе выглядит картина освоения южной ветви пути. И Поволховье, и Приильмень, и Верхнее Поволжье уже в IX в. довольно густо заселены, вдоль рек лежат славянские сельские поселения. Размеры торгово-ремесленных центров здесь велики, и их деятельность чрезвычайно интенсивна. Скопления скандинавских древностей отмечаются не только в торгово-ремесленных центрах, но и в других местах (например, в Петровском и Михайловском), нередко на ответвлениях от основного маршрута¹⁵⁸.

Различия в распределении скандинавских древностей вдоль северного и южного участков Балтийского-Волжского пути позволяют предположить, что в Ладожско-Ильменском регионе и Ярославском Поволжье протекала оживленная торговая деятельность, тогда как на севере, скорее, действовали по-прежнему скупщики пушнины, лишь изредка селившиеся на длительный срок. Они передвигались небольшими группами, используя разнообразные маршруты, останавливались, как правило, в поселениях местных жителей, меняли пушнину на предметы по большей части скандинавского производства, а не привозные восточные предметы роскоши: не случайно, среди скандинавских древностей здесь преобладают такие предметы обихода, как ножи.

Ключевое звено общеевропейской системы коммуникаций, Балтийско-Волжский путь, благодаря чрезвычайно разветвленной системе речных маршрутов, консолидировал огромную территорию на Северо-Западе Восточной

Европы, представляя собой широкую зону¹⁵⁹. В ней создавалась сложная инфраструктура: возникали торговые центры, куда поступали из «глубинки» продукты питания для обеспечения как населения самих поселений, так и проплывавших через них купцов; свозились потенциальные товары (пушнина, мед, воск и ми. др.), а также предметы и материалы, необходимые для починки судов и для деятельности купцов; доставлялось сырье для ремесленного производства. Эти центры привлекали как скандинавских, так и местных ремесленников, спрос на изделия которых был неизменно высок. Необходимость обеспечивать безопасность и самого пути, и торгово-ремесленных центров заставляла размещать здесь военные отряды¹⁶⁰. Наконец, часть населения была непосредственно вовлечена в навигацию: проведение судов через пороги и мели (по Волхову, Западной Двине и др.), волочение судов в местах перехода из одной речной системы в другую. Тем самым население обширного региона на Северо-Западе Восточной Европы со второй половины VIII в. оказалось втянутым в интенсивную и разнообразную деятельность, вызванную функционированием Балтийско-Волжского пути.

Наиболее активно эксплуатировалась северо-западная часть пути – прежде всего, Поволховье: в Ладогe, видимо, завершалось плавание значительной части скандинавских купцов. Здесь они могли приобрести все основные товары как местного происхождения, так и восточные предметы роскоши, а также продать товары, привезенные с Запада. Показательно, хотя эти сведения и относятся уже к XI в., что подавляющее число торговых поездок скандинавов на Русь имеет целью Новгород¹⁶¹.

¹⁵⁸ Так, концентрация кладов арабского серебра IX в. наблюдается в вятском регионе – у поворота Волги на юг (поселений торгово-ремесленного типа здесь не выявлено): Мельникова Е. А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы на Русском Севере. Киров, 1997. С. 132–139.

¹⁵⁹ Ареал этой зоны, как уже указывалось, маркируют скандинавские древности.

¹⁶⁰ Не случайно, некрополи возле таких центров обнаруживают высокую концентрацию «дружинных», воинских захоронений.

¹⁶¹ Джаксон Т. Н. Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древнескандинавской письменности // СС. 1988. Вып. XXXII. С. 117–128; Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.

Создание зоны Балтийско-Волжского пути имело кардинальные последствия для развития местных племенных обществ¹⁶². Доступ к дальней торговле стимулировал ускоренное социальное развитие тех племен, которые жили в зоне торгового пути: он интенсифицировал имущественное расслоение общества, выделение и обособление знати¹⁶³, привлекал племенную верхушку в крупные центры торговли¹⁶⁴, сближал ее интересы с интересами скандинавов в создании благоприятных условий для торговли, в участии в торговой деятельности и получении максимальной прибыли при использовании местных ресурсов, к которым племенная знать имела наиболее естественный и легкий доступ. Даже скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего обособления. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней и требовала увеличения ее размеров, что влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и, соответственно, усиление центральной власти.

Благодаря этому, к 860-м гг. в Поволховье и Приильменье формируется особый регион, экономически ориентированный на дальнюю торговлю, в котором возникают предпосылки для образования государства¹⁶⁵. Сказание о призвании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона¹⁶⁶, очевидно, отражает не только (а может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготеющих к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

¹⁶² О не только экономической, но и социально-политической роли дальних торговых путей в развитии позднплеменных обществ, особенно при их переходе к раннегосударственной организации см. исследования К. Поланьи и др. (*Polanyi K. Primitive, Archaic, and Modern Economies* / G. Dalton. Boston, 1968; *Trade and Market in the Early Empires* / K. Polanyi. Glencoe, 1957; *Polanyi K. Ports of Tread in Early Societies* // JEH. 1963. Vol. XXIII. P. 30–45; *Idem. Trade, Market and Money in the European Early middle Age* // NAR. 1978. Vol. II. P. 92–117; *Брюсов А. Я.* О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28; *Массон В.М.* Обмен и торговля в доклассовом обществе // ВИ. 1973. № 3). В отличие от обществ с рыночной экономикой, где результаты торговли, как внешней, так и внутренней, проявляются по преимуществу в экономической сфере, в примитивных обществах ее собственно экономический эффект незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживают лишь небольшую часть общества – формирующуюся знать и практически не затрагивают более широких слоев населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах стимулируют в первую очередь их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Они позволяют концентрировать богатства в руках тех, кто осуществляет контроль над торговлей, укрепляют их статус и, консолидируя правящий слой, оказывают влияние на политическое устройство общества. В. О. Ключевский считал торговлю (в том числе и по Волжскому пути) основополагающим фактором в развитии городов и «городовых областей» и тем самым существенной предпосылкой зарождения государственности на Руси (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1987. Т. I. С. 143–150). Однако советская историография отказалась от «торговой» теории В. О. Ключевского, хотя констатация значения торговли для экономического развития общества является общим местом. См. также: *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–32; *Носов Е.Н.* Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 112–118.

¹⁶³ *MacCormack C.P.* Exchange and Hierarchy // *Economic Archaeology*. 1981. P. 159–166. (BAR. 96). Ср.: *Hodges R.* State Formation and the Role of Trade in Middle Saxon England // *Social Organization and Settlement*. 1978. P. 439–453 (BAR. 47–11).

¹⁶⁴ О концентрации знати местных племен свидетельствуют некрополи у торгово-ремесленных поселений. Существует лишь один собственно скандинавский могильник в Восточной Европе – в урочище Плакун напротив Ладоги. Все остальные обнаруживают смешение северных и местных, финских и славянских, погребальных традиций (*Стальсберг А.* Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. // *Археологические вести*. 1994. № 3. С. 192–200).

¹⁶⁵ *Мельникова Е. А.* К типологии; *Массон В. М.* Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте // *Современность и археология*. СПб., 1997. С. 34–37. О торговле как основе по литогенезу в Ладожско-Ильменском регионе см. также: *Mihle E.* Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte. Stuttgart, 1991.

¹⁶⁶ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.

Во второй половине IX в. Северо-Запад Восточной Европы, поставщик ценных товаров, привлекает внимание арабов, что находит отражение во включении сведений о нем в труды восточных писателей. К несохранившимся сочинениям IX в. восходит комплекс сведений об «острове (стране)» народа ар-рус у Ибн Русте (начало X в.), в «Худуд ал-'алам» (ок. 982 г.), у Гардизи (середина XI в.)¹⁶⁷, а к первой половине X в. – о трех видах («джинс») русов, населяющих Восточную Европу («Славия», «Куявия» и «Артания / Арса») у ал-Истахри (930–950 гг.) и Ибн Хаукала (950–960 гг.)¹⁶⁸. Содержащиеся в них описания русов позволяют в определенной степени реконструировать социально-политическую организацию и экономические основы раннегосударственного образования, сложившегося в Поволховье.

Народ ар-рус традиционно отождествляется со скандинавами, ас-сакалиба – со славянами, наименования «видов русов» – с политическими (?) образованиями, сложившимися в Ладожско-Ильменском регионе («Славия», сопоставляется с этнонимом «словене»), Среднем Поднепровье («Куявия» от ойконима «Киев») и, вероятно, Волго-Окском междуречье («Арса», если принимать отождествление этого топонима с позднейшим названием города Ростов)¹⁶⁹. Суммируя информацию об «острове русов» и «Славии», можно говорить о том, что экономической основой протогосударства в Поволховье была торговля, в которой доминирующую роль играли скандинавы¹⁷⁰. Торговая деятельность русов обеспечивается эксплуатацией местного населения, осуществляемой несколькими путями. Это набеги, грабеж и захват жителей в плен для продажи в качестве рабов¹⁷¹. Это изъятие продуктов для непосредственного потребления¹⁷². Наконец, это более или менее упорядоченный сбор даней в натуральной форме путем объезда правителем подчиненной ему территории¹⁷³. Отголоски даннических отношений славянского и финского населения Северо-Запада и скандинавов нашли отражение также в упоминании «варяжской дани» в сказании о призвании варягов, где сборщиками дани, как и у Гардизи, названы сами варяги. Впрочем, не исключено, что сбор даней осуществлялся и местной племенной знатью внутри каждого из племен.

Констатируя значение торговли для русов, арабские авторы обращают внимание на ее организацию, указывая на регулярность торговли и стабильность торговых путей. Ибн Русте и автор «Худуд ал-'алам» отмечают упорядоченные формы взаимоотношений торговцев с местной властью – выплату правителю «страны русов» десятины от торговой при-

¹⁶⁷ Большинство исследователей традиционно считают, что «остров русов» следует локализовать в Северо-Западной Руси, точнее в северной части Балтийско-Волжского пути, в районе оз. Ильмень. См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 308–309; Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208–213.

¹⁶⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 264–323; Коновалова И. Г. Восточные источники. С. 216–220.

¹⁶⁹ Согласно «Повести временных лет», Киевскому государству предшествовали два независимых политических образования (в современной отечественной терминологии – «союзы племен», «племенные княжения», «славинии»): в Ладожско-Ильменском регионе и в Среднем Поднепровье. Возникновение первого летописец связывает с местными славянскими и финскими племенами и деятельностью варягов (Сказание о призвании варягов), второго – со среднеднепровскими славянами, прежде всего полянами (Легенда о Кие).

¹⁷⁰ «И нет у них (ар-рус. – Е.М.) недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям», – пишет Ибн Русте (Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303). Разумеется, торговля представляла наибольший интерес для арабского мира и потому должна была лучше всего отразиться в восточных источниках. Однако практически все писатели, связанные и не связанные повествовательной традицией, отдают ей бесспорный приоритет над всеми другими занятиями народа ар-рус. См.: Vitestam G. The people of ar-Riis as Merchants According to Arabic Sources // KVHAA. Filologisk-filosofisk serien. 1975. B. 15.

¹⁷¹ «Они (русы. – Е.М.) нападают на славян... забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают» (Ибн Русте: Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303).

¹⁷² «Всегда 100–200 из них (русь. – Е.М.) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание» (Гардизи: Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 305).

¹⁷³ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. О «кружении» как главном источнике доходов «росов», часть которого вывозится ими на рынок Константинополя, писал в середине X в. Константин VII Багрянородный: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 50–51, коммент. – С. 330.

были и обеспечение защиты купцов, которая осуществляется в соответствии с определенными правовыми нормами: по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) обидчик обязан отдать потерпевшему половину своего имущества. Если эти известия не являются переносом восточных реалий на почву «острова русов», то они – важное свидетельство развитых и упорядоченных торговых отношений, которые уже оформлены правовыми нормами¹⁷⁴ и в которых активное участие принимает центральная власть. Именно наличие в обществе русов потестарных институтов (по меньшей мере, аппарата для сбора пошлин и наказания нарушителей установленных правил торговли) и центральной власти, сосредоточенной в руках «царя» («малика» или «хакана», по Ибн Русте) русов (наряду с ролью «малика» отмечается важная роль жрецов)¹⁷⁵, позволяет говорить о возникновении здесь протогосударства.

Таким образом, в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути. Благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль, возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации, укрепляются потестарные структуры, и к середине IX в. возникает предгосударственное образование. Не являясь «носителями основ государственности»¹⁷⁶, скандинавы, тем не менее, сыграли существенную роль в экономическом и социально-политическом развитии севера Восточной Европы, поскольку именно их деятельность привела к формированию Балтийско-Волжского пути, установлению торговых контактов с арабским миром, притоку огромных ценностей, в первую очередь, арабского серебра, на север Восточной Европы. Участие в международной торговле определило общность интересов северных купцов и местной племенной знати и требовало более или менее мирного сосуществования всех трех этнических общностей¹⁷⁷ при контроле скандинавов над торговлей. Поэтому не случайно, что оформление государственных начал в этом регионе летописец связал именно с варягами, используя в качестве этиологического предания о происхождении древнерусской правящей династии сказание о призвании варягов. «Вокняжение» Рюрика, предводителя одного из викингских отрядов, стало (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом и знаменовало возникновение раннегосударственного образования в Ладожско-Ильменском регионе.

* * *

Рассказ «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 882 г. о захвате Киева князем Олегом (< *Helgi*) рассматривался древнерусскими летописцами (равно как – с определенными оговорками – и современными историками) как поворотный момент в истории восточного

¹⁷⁴ Косвенным, но чрезвычайно важным подтверждением правовой регламентации общественной жизни в регионе, и не только в сфере торговли, видимо, может служить само заключение местной знатью ряда-договора с варягами; более того, отразившиеся в Сказании о призвании варягов условия ряда указывают на высокий уровень правовой деятельности, охватывавшей различные сферы жизни (см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов.).

¹⁷⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 303, 311–312.

¹⁷⁶ В IX в. процесс становления государств и в самих Скандинавских странах был еще далек от завершения.

¹⁷⁷ О славяно-скандинавском «симбиозе» писал В. Т. Пашуто: Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–62; Он же. Летописная традиция о «племенных княжествах» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 год. М., 1974. С. 103–114. В свете новейших археологических материалов, однако, трудно согласиться с тем, что основной причиной формирования «северной конфедерации» была угроза со стороны отрядов скандинавов, проникающих вглубь Восточной Европы. Следы борьбы местного населения (финского и славянского) с пришельцами-скандинавами практически не прослеживаются, хотя отдельные столкновения между теми и другими неизбежно должны были происходить (Stalsberg A. Scandinavian Relations with Northwestern Russia. P. 267–295).

славянства – объединение Северной и Южной Руси и возникновение единого Древнерусского государства. Именно с этого момента подвластные Олегу «варязи и словены и прочи прозвашася русью», а Киев был провозглашен Олегом «матерью городов русских»¹⁷⁸.

К этому времени Среднее Поднепровье было регионом с развитым производящим хозяйством, высокой плотностью земледельческого населения и густой сетью поселений, которые образовывали своего рода гнезда вокруг укрепленных городищ, где сосредоточивалась ремесленная деятельность¹⁷⁹. Между крупными племенными объединениями полян и древлян¹⁸⁰ шла борьба за главенство в регионе, который входил в сферу влияния Хазарского каганата, и племена левобережья Днепра выплачивали «хазарскую дань»¹⁸¹.

Практически полное отсутствие скандинавских древностей к югу от водораздела Западной Двины – Днепра – Верхней Волги до рубежа IX–X вв.¹⁸² могло бы рассматриваться как доказательство незнакомства скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью, по крайней мере, в первой половине IX в., если бы не упоминания византийских источников о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в юго-западной части Черного моря, которые относятся уже к началу IX в.¹⁸³. Эти походы были, вероятно, первыми «прорывами» скандинавов на юг по еще мало известным пространствам Восточной Европы и новооткрытым путям переходов, связывавших реки бассейнов Балтийского и Черного морей. В первой половине IX в. в византийском антропонимиконе появляются скандинавские имена¹⁸⁴. Возникшее тогда же наименование Tmg, первоначально обозначавшее скандинавов, является, видимо, рефлексом самоназвания их отрядов — *rōps(menn)*¹⁸⁵. Крайнему комплексу известий о росах принадлежит сообщение Вертинских анналов (839 г.) о появлении в Ингельгейме у Людовика Благочестивого послов от некоего «кагана» к византийскому императору Феофилу, которые назвались росами, а на деле оказались свеонами (шведами)¹⁸⁶. Наконец, о том же времени как начале более или менее регулярных контактов европейского севера и Византии говорят появление византийских импортов в Скандинавии (в IX в. еще очень малочисленных), включение византийских милиарисиев в состав кладов арабских монет¹⁸⁷, а также греческое граффито *Zaxa#nαc* на арабской монете из Петергофского клада¹⁸⁸.

¹⁷⁸ ПВД-1996. С. 14.

¹⁷⁹ Смиленко А.Т., Юренко С.П., Сухобоков О.В., Пархоменко О.В. Культуры восточных славян и их соседей в предгосударственный период // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 106–140.

¹⁸⁰ Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990; *Он же. Поляни-русь та інші літописні племена півдня Східної Європи // А се его сребро: збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 16–24; Горский А.А. Русь.*

¹⁸¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Петрухин В.Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 69–100; Калинина Т.М. Ал-хазар и ас-сакалиба // Там же. С. 101–110.

¹⁸² Археологические исследования последних двух десятилетий показали, что скандинавские древности появляются в Подесенье уже в конце IX в. См.: Андрицук Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.

¹⁸³ Древнейшее упоминание о нападении на Амастриду содержится в Житии Георгия Амастридского: Васильевский В.Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.

¹⁸⁴ Ок. 825 г. некий Ингор (#γγε# < Ingvarr) становится митрополитом Никей, а жену византийского императора Василия I Евдокию (род. ок. 837 г.) называют по имени отца Ингериной, т. е. ее отца звали #γγε#или #γγο# < Ingvarr (ср.: Игорь). См.: Бибииков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. XXX. С. 97–105.

¹⁸⁵ Бибииков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. 2000. Т. 59. С. 35–39.

¹⁸⁶ MGH SS. 1885. Т. 1. Р. 434. Перевод на русский язык и комментарии см.: Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 7–15; Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 288–290.

¹⁸⁷ Duczko W. Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and Their Interpretations // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8-14. Jahrhunderts. Stuttgart, 1997. S. 291–311.

Однако ни один из упомянутых зарубежных источников не содержит прямых свидетельств использования росами Днепровского пути в начале IX в. Напротив, некоторые из них указывают скорее на то, что скандинавы достигали Черного моря по Волге (с волоком Волга-Дон?) или Дону. О том же говорят и маршруты поступления арабского серебра на север Европы: преимущественно по Дону, а не по Днепру¹⁸⁹. Упоминание «кагана» росов в Вергинских анналах, которое породило историографический штамп о существовании в 830-е гг. в Среднем Поднепровье восточнославянского государства, чей правитель носил титул «каган» (в последние годы распространилась локализация «русского каганата» в Ладожско-Ильменском регионе), наиболее естественно соотнести с главой хазарского государства¹⁹⁰, а росов-свеонов рассматривать как членов хазарского посольства в Византию¹⁹¹. Вероятно, магистралью, ведущей в Византию, мог на раннем этапе служить не только Днепровский, но и Волжский путь.

Однако, как в Поднепровье, так и в Среднем и Нижнем Поволжье скандинавских древностей IX в. практически не обнаруживается, нет здесь и поселений, основание которых можно было бы связать с пребыванием скандинавов¹⁹².

До середины – второй половины IX в. Среднее Поднепровье представляется транзитной зоной, через которую проходили редкие отряды наиболее предприимчивых и удачливых «морских конунгов», наслышанных о богатствах Востока и Византии. Их целью было быстрое обогащение с помощью грабежа, что соответствует целям викингов в других областях Европы. Они нападают на города Западного Причерноморья и Константинополь, но не задерживаются на своем пути и, соответственно, почти не оставляют следов в материальной культуре. Лишь временами они вступают в контакты с местными правителями, подчас оказываются у них на службе, но не оседают у них надолго.

Только в середине IX в., видимо, Среднее Поднепровье как таковое оказывается в сфере интересов скандинавских отрядов: возрастание значения Днепровского пути обуславливалось тем, что Хазарский каганат чем далее, тем более препятствовал проникновению отрядов викингов на свою территорию, и они редко спускаются по Волге ниже Булгара¹⁹³. Именно тогда возникает потребность в организации контрольных пунктов на Днепре для обеспечения нормального функционирования магистрали и установления отношений с местным населением. Этот этап продвижения скандинавов на юг, вероятно, отразился в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира¹⁹⁴. Изображение их в ПВЛ как соправителей подвергается обоснованным сомнениям¹⁹⁵: не исключено, что в Киеве в середине IX в. сменилось несколько скандинавских отрядов со своими предводителями, но целью их, насколько можно судить по летописи, был не сам Киев, а богатые города Византии. Поэтому

¹⁸⁸ Мельникова Е.А. СРН РРИ. С. 115–119.

¹⁸⁹ См. выше примеч. 43.

¹⁹⁰ Альтернативной является точка зрения о том, что «каганат росов» находился в Поволжье.

¹⁹¹ См.: *Laehr G.* Die Anfänge des Russisches Reiches. В., 1930. S.16, 122; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 63; *Авдусин Д.А.* Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169. В 830-е гг. между Византией и Хазарией происходит интенсивный дипломатический обмен, завершившийся тем, что император Феофил направил инженера Петрона Каматира для строительства крепости Саркел на Дону. См.: *Науменко В.Е.* Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары. С. 231–244.

¹⁹² *Измайлов И. Л.* «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 94–100.

¹⁹³ *Noonan Th.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic // *Hikuin*. 1985. No. 11. P. 41–50; *Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 111–120.

¹⁹⁴ ПВЛ-1996. С. 13; НПЛ. С. 106.

¹⁹⁵ См. обсуждение этого вопроса: *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 51–54.

единственным деянием Аскольда и Дира, о котором рассказывает составитель ПВЛ (кроме их вокняжения в Киеве), был поход на Царьград¹⁹⁶, отождествляемый с нападением росов на Константинополь в 860 г., о котором пишет очевидец и участник события патриарх Фотий¹⁹⁷. На основании этого предания более или менее уверенно можно говорить лишь о закреплении скандинавов в середине IX в. в Киеве и использовании его в качестве базы для походов на Константинополь¹⁹⁸.

Утверждение скандинавских правителей в Киеве – бесспорное свидетельство возросшей роли Днепровского пути. Но повествования об Аскольде и Дире показывают также, что, во-первых, скандинавы не основывают в Поднепровье новые поселения (такovým станет Гнёздово несколько позже), а пытаются внедриться в уже существующие славянские центры и, во-вторых, контингент оседающих в Киеве скандинавов еще крайне малочислен и неустойчив: он не может противостоять войску Олега. В отличие от Северо-Запада, скандинавские отряды на юге еще и в середине IX в. являются внешней, чуждой славянскому обществу силой, и их интересы не пересекаются с интересами местной знати. Изолированным эпизодом оказалось и крещение вождей росов, осуществивших набег 860 г., о котором составитель ПВЛ, весьма чуткий к вопросам христианства на Руси, видимо, даже не знал¹⁹⁹.

Вокняжение Олега в Киеве положило начало новому этапу деятельности скандинавов в Южной Руси²⁰⁰. Вместе с Олегом появился постоянный и значительный контингент скандинавов: по выражению летописца, пришедшие с Олегом «варязи и словени и прочи прозваша русью»²⁰¹. Именно с этого момента, вероятно впервые, скандинавские по происхождению правители и их окружение заняли в Киеве господствующее положение.

Поход Олега на Константинополь принципиально отличен от нападений росов первой половины – середины IX в.: он завершается не только приобретением военной добычи²⁰², но и – главное – установлением прочных политических и торговых связей, регламентированных договором 911 г., обеспечивающим интересы военной элиты и регулирующим ее торговые и политические связи с Византией²⁰³. Известия о подчинении Олегом древлян, северян, радимичей, очевидно, отражают начало сложного и длительного процесса «собира-ния» восточнославянских земель, консолидации племенных территорий в единое государство. Упоминания об установлении «даней» свидетельствуют об упорядочении обложения включаемых в состав Русского государства племен. Таким образом, Олегу за время его правления удалось сосредоточить в своих руках военную, политическую, административную и фискальную верховную власть²⁰⁴, что коренным образом отличает его деятельность как от

¹⁹⁶ ПВЛ-1996. С. 13.

¹⁹⁷ См.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 47–82; *Кузенков П. В.* Известия о первом походе руси на Константинополь в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2002. С. 3–172.

¹⁹⁸ Ср. аналогичные базы викингов IX в. в Западной Европе: на островах в устьях Темзы, Рейна, Сены и др.

¹⁹⁹ Ник. дополняет сообщение о походе упоминанием о крещении Аскольда и Дира после нападения на Константинополь (под 6384/876 г.) (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 13). См. также: *Melnikova E.* Varangians and the Advance of Cristianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // *Fran Bysans till Norden. Ostliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / H. Janson. Mahno, 2005. P. 97–138.

²⁰⁰ Ср. около 100 лет, прошедших от первых следов проникновения скандинавов в Поволховье до возникновения Ладоги.

²⁰¹ ПВЛ-1996. С. 14.

²⁰² Хотя ей придавалось столь большое значение, что даже в кратком пересказе предания о походе летописцы уделяют этому мотиву большое место.

²⁰³ Предположение о том, что после набега на Константинополь 860 г. был заключен первый договор Византии с росами (*Сахаров А. Н.* Дипломатия. С. 59–82), не имеет опоры ни в русских, ни в византийских источниках, поэтому вопрос о нем остается открытым.

²⁰⁴ Именно в цикле сказаний об Олеге впервые появляется сюжет о покорении соседних восточнославянских племен и обложении их данью. См.: *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // ДГ. 2001 год. М, 2003. С. 48–92.

походов викингов на Западе, так и от активности норманнов на Северо-Западе Восточной Европы: это более или менее последовательная (хотя, вероятно, не всегда осознанная) политика, преследующая цели укрепления «Русской земли».

Описание «образа жизни росов» в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного (ок. 950 г.) являет картину широкой деятельности военной, скандинавской по происхождению, элиты формирующегося Древнерусского государства²⁰⁵. Ее власть распространяется на огромную территорию и реализуется разными способами в различных регионах. Южная, непосредственно подвластная Киеву область охвачена полюдьем («кружение», «полюдия» у Константина) как формой прямого обложения подвластных киевскому князю племен: фискальные функции выполняют сами князья («архонты») и дружинники киевского «великого» князя. Это традиционный для скандинавов (ср. вейцла) способ сбора натуральных податей, который отмечался и восточными писателями в характеристике русов. Другой формой отношений со «славиниями-пактиотами» (т. е. данниками в соответствии с договором-пактом) была поставка ими в Киев моноксил (которые, впрочем, покупались, а не присваивались росами): как из не охваченного полюдьем Северо-Западного региона («Немогарда» Константина Багрянородного), так и из центров на территории племен, посещаемых во время полюдя, – кривичей Верхнего Поднепровья («Милиниси»), северян Подесенья («Чернигоги» и «Телиуцы» – Чернигова и Любеча). Гигантские размеры территории потребовали уже в середине X в. введения наместничества (известного скандинавам и дома): Константин упоминает о том, что в Новгороде «сидел» Святослав, сын «архонта Росии» Игоря. Полученные во время полюдя дани, видимо в значительной части состоящие из пушнины, меда, воска и т. п., а также рабы²⁰⁶ перевозятся теми же росами в Константинополь и там поступают на рынок. В представлениях информаторов Константина²⁰⁷, росы полностью обособлены от местного населения и представляют собой изолированную элитную группу, однако их деятельность предполагает взаимодействие с местным населением. И такое взаимодействие аттестуют появляющиеся в русско-византийском договоре 944 г. славянские имена как представителей княжеского рода, так и «купцов», свидетельствующих договор²⁰⁸.

Характер скандинавских древностей в Южной Руси, становящихся все более многочисленными в середине – второй половине X в., обнаруживает прямую связь оседающих здесь скандинавов с великокняжеской властью. Богатые скандинавские комплексы концентрируются в самом Киеве²⁰⁹, в Чернигове²¹⁰ и в тяготевших к ним погостах – местах стоянки дружин (Вышгород и Китаев под Киевом²¹¹; Шестовица, Седнев, Табаевка под Черниговом²¹²), куда, очевидно, свозилась дань и откуда осуществлялся контроль над торговыми путями и племенными территориями²¹³. Здесь же, в округе Киева и Чернигова найдено пять

²⁰⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44–51.

²⁰⁶ Их источник не называется Константином, в отличие от восточных авторов, которые отмечают, что русы захватывают жителей-славян и продают их. См. выше примеч. 69.

²⁰⁷ Наиболее вероятно, что, по меньшей мере, одним из информантов был знатный рос, совершавший плаванья в Константинополь. См. подробнее: Мельникова Е. А. [Вводные замечания к гл. 9] И Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 291–293.

²⁰⁸ О скандинавских и других именах в русско-византийских договорах см.: Melnikova E. The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // SAS. 2004. В. 22. Р. 5–27.

²⁰⁹ Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // Ruthenica. Киев, 2003. Т. II. С. 26–52.

²¹⁰ Андрицук Ф. О. Нормани і слов'яни. С. 76–84.

²¹¹ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958–1961. Т. 1–2; Моця О. П. Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // Археологія. 1990. № 3. С. 90–97.

²¹² Блгфельд В. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; Андрицук Ф. О. Нормани і слов'яни.

²¹³ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

из девяти обнаруженных на территории Древней Руси и паспортизованных арабских монет с прорезанным двузубцем – знаком Рюриковичей²¹⁴. Поселения, где стояли дружины великого киевского князя, имеются и в Верхнем Поднепровье (Гнёздово под Смоленском), и в Верхнем Поволжье (Тимерево под Ярославлем), и в Суздальском ополье (так называемые Владимирские курганы) и др., т. е. в стратегически важных пунктах, по преимуществу на окраинах формирующегося Древнерусского государства. Показательно, однако, что в Южной Руси, при богатстве погребений в некрополях Киева и Чернигова, очень мало единичных находок скандинавских предметов или комплексов. Отсутствует и собственная скандинавская топонимия для населенных пунктов: все известные скандинавским источникам южнорусские топонимы – передача местных наименований: Киев > *Koenugarðr*²¹⁵, Витичев > *Vitahólmr*²¹⁶.

Таким образом, оседание скандинавов в Южной Руси с самого начала было связано с установлением их власти в Киеве, формированием системы управления (на базе княжеской дружины) и подчинено задачам становления и консолидации Древнерусского государства.

Завершение процессов образования Древнерусского государства в последней четверти X в. ставит приходящих на Русь скандинавов в новые отношения с центральной властью. Во-первых, окрепший род киевских князей вступает в борьбу не только со знатью покоряемых им племен, физически истребляя непокорных (ср. повествование о местах Ольги древлянам), но и с «князьями»-скандинавами в независимых от Киева центрах – так Владимир Святославич расправляется с полоцким правителем Роговолодом (< *Rögnvaldr*) и его наследниками; сходная судьба, возможно, постигла упомянутого летописцем основателя Турова – Туры (< *Pórir*). Во-вторых, дружинники Олега и Игоря, осевшие на Руси, и их потомки, как и сам род Рюриковичей, уже вряд ли могут рассматриваться иначе, нежели как представители древнерусской военной знати: показательно, что и летописец конца XI – начала XII в. никогда не применяет к ним этнического определения «варяг», т. е. скандинав. Они – русь, законные правители «Русской земли». «Варягами» же называются скандинавы, оказывающиеся на Руси в качестве воинов-наемников и торговцев, как правило, на короткое время²¹⁷. Лишь незначительная часть их остается здесь навсегда²¹⁸, поскольку необходимость в использовании новых выходцев из Скандинавии в аппарате государственного управления уже отпала: существует достаточно широкий слой местной знати. Основной формой деятельности ново-прибывающих скандинавов, собственно «варягов», становится военная служба: их отряды нанимаются на более или менее длительный срок за определенную плату, после чего отпускаются и отправляются домой на север или далее на юг – в Византию. Они находятся под строгим контролем центральной власти, и в конфликтных ситуациях древнерусские князья защищают интересы местного населения, а не пришлых наемников²¹⁹. На протяжении первой половины XI в. роль варягов продолжает уменьшаться, становясь чисто вспомогательной, и постепенно сходит на нет.

²¹⁴ Мельникова Е. А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник). Київ, 1998. С. 172–181.

²¹⁵ Древнерусские города в древнескандинавской письменности/ Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987. С. 32–34; Джаксон Т.П., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. 1990. Вып. XXL С. 226–238.

²¹⁶ Мельникова Е.А. СРН ННИ. С. 282–283.

²¹⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия «варяг»//Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

²¹⁸ См., например, историю варяга Шимона, упомянутого в Киево-Печерском патерике, и его потомков: Молчанов А. А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимони-Протасевичи в XI–XIV вв.) // ВЕДС: Проблемы источниковедения. 1990. С. 79–83.

²¹⁹ Это ярко проявилось в конфликте варяжской дружины Ярослава с новгородцами, описанном под 1016 г. (НПЛ. С. 174–175).

* * *

Участие скандинавов в процессах возникновения и становления Древнерусского государства, таким образом, было многообразным и существенно менялось в разные периоды времени и на разных территориях. Однако во всех случаях формы деятельности скандинавов определялись местными условиями, она же сама завершалась их интеграцией в восточнославянское общество.

На Северо-Западе Восточной Европы возникновение протогосударства было непосредственным результатом формирования Балтийско-Волжского пути в VII–IX вв., освоение и эксплуатация которого находились по преимуществу в руках скандинавов. Общность их интересов с интересами местной племенной знати, славянской и финской, создала предпосылки для тесного этнокультурного взаимодействия, однако доминирующая роль скандинавов в торговле сопровождалась сосредоточением в их руках властных функций. Тем не менее, местная элита не утратила своего привилегированного положения, о чем свидетельствует могущество новгородского боярства в XII–XIII вв. и новгородские традиции договоров с приглашаемыми и смещаемыми князьями²²⁰.

В Среднем Поднепровье скандинавы длительное время не пытаются укорениться в восточнославянском обществе, переживавшем в это время процессы государствообразования. Лишь с конца IX в. они активно включаются в эти процессы и становятся ведущей силой в консолидации племенных территорий и осуществлении верховной власти. Они образуют новую, военную элиту со своей, «дружинной», культурой, вытесняя, а частично и истребляя, племенную знать. Вместе с тем, глубокая интегрированность скандинавской элиты в восточнославянское общество уже на ранних этапах вызывает ассимиляционные процессы, которые, однако, завершаются уже во второй половине XI в.²²¹.

(Впервые опубликовано: Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 217–241)

²²⁰ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62.

²²¹ См. подробнее: Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of Language and Literacy // *Runica- Germanica- Medievalia*. B.; N.Y., 2003. P. 454–465.

Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии)

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

В последние десятилетия пристальное внимание привлечено к раннему периоду существования города²²². Для Руси и Скандинавии, где влияние античной культуры отсутствовало или было незначительным, вопрос о причинах появления раннегородских центров, их характере и эволюции приобрел особую значимость²²³. В советской славистике важнейшим показателем городского – в отличие от сельского – поселения считается наличие ремесленного производства и рынка, а также приобретение им административной функции²²⁴, что позволяет говорить о полифункциональности феодального города. С точки зрения политической экономии, указанные функции возникающего города по своей сути связаны с концентрацией и перераспределением прибавочного продукта²²⁵, что во многом определяет взаимосвязь процессов образования города и государства, которая традиционно отмечается в отечественной литературе²²⁶.

В новейшей зарубежной скандинавистике проблема возникновения городов также занимает существенное место, и их возникновение все чаще связывается с процессами становления государственности в Скандинавских странах²²⁷.

Однако конкретные проявления взаимодействия этих процессов и на Руси, и в Скандинавии исследованы недостаточно. Собственно, сама проблема была специально поставлена в 1980-е гг.²²⁸, и лишь в работах А. А. Сванидзе последовательно сопоставлены этапы становления шведского государства и развития протогородских центров и городов с V по начало XIII в.²²⁹.

²²² Историографию см.: *Ястребицкая А. Л.* Предгородские и раннегородские поселения в средневековой Европе (Обзор) // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. М., 1979. Ч. 1. С. 271–302; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса) // Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976. С. 32–69; *Куза А. В.* О происхождении древнерусских городов (История изучения) // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 9–15.

²²³ *Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum* / M. Stenberger. Yisby, 1965; *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter* / H. Jankuhn. Göttingen, 1973–1974. Bd. 1, 2.

²²⁴ *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВД. 1980. № 12. С. 24–42; *Карлов В. В.* О факторах. С. 41–44; *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 8–9.

²²⁵ *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3 и след.; *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 3–11.

²²⁶ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 32, 64; *Пауцто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93; *Карлов В. В.* О факторах. С. 37; и др.

²²⁷ *Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker*. B., 1982. S. 110–153. И в более ранних работах не только ставился, но и был подробно рассмотрен вопрос о роли королевской власти в становлении торгово-ремесленных центров (*Fritz B.* *Stadshistoria och arkeologi* // (S)HT. 1965. N 4. S. 472–498; *Cohen S.* *The Earliest Scandinavian Towns* // *The Medieval City*. New Haven; L., 1978. P. 313–325; *Skovgaard-Petersen L.* *The Coming of the Urban Culture to Northern Europe: Vikings, Merchants and Kings* // SJH. 1978. Vol. 3. N 1. P. 15–17).

²²⁸ *Город и государство в древних обществах*. Л., 1982.

²²⁹ *Сванидзе А. А.* О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // *Город и государство*. С. 149–161; *Она же.* К вопросу об этапах возникновения шведского государства // *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе*. М., 1983. С. 29–65.

Учитывая типологическую близость раннегородских центров на Руси и в Скандинавии и широкие культурно-исторические связи обоих регионов, представляется целесообразным сопоставить процессы возникновения поселений с городскими функциями (и сети таких поселений) в двух регионах и их эволюцию на путях формирования феодального города в связи со становлением раннефеодальных государств²³⁰.

В последней четверти I тысячелетия и. э. в Скандинавских странах и Восточной Европе формируется несколько типов поселений: сельские, представленные в Скандинавии по преимуществу хуторами (в Дании также и деревнями), объединенными в «гнезда» поселений вокруг центральных усадеб, выполнявших примитивные административные, культовые и – позднее – фискальные функции²³¹, а в Восточной Европе – деревнями; городища, служившие, вероятно, убежищами для окрестного населения; предполагаемые центры территориально-административных округов; торгово-ремесленные поселения²³².

В средневековой Скандинавии (в первую очередь на материале Свеаланда в Швеции) выявлена сеть центров основных административно-территориальных округов – сотен (в других областях Швеции, в Дании и Норвегии – херадов)²³³. Большинство из них в Свеаланде носят название Туна, к которому нередко присоединяется имя языческого бога (*Pórstuna*, *Ull-tuna* и др.)²³⁴. Рядом с тунами обнаружены могильники вендельского времени (VII–VIII вв.) с погребениями родо-племенной знати (Туны в Альсике, в Баделунде и др.). Судя по руническим надписям, туны являлись также местами тингов – народных собраний²³⁵, т. е. административными, а также культовыми центрами²³⁶. Таким образом, туны совмещают ряд функций, выполняя роль, характерную для племенных центров, и тесно связаны с позднеплеменной организацией.

Для Руси подобная Свеаланду система сотен реконструируется Б. А. Рыбаковым²³⁷, который отметил, что городища располагались гнездами, в каждом из которых насчитывалось приблизительно 10 укрепленных поселений, и предположил, что такое гнездо соответствует в традиционном административном делении «тысяче» или «племени»; селища, расположенные вокруг каждого городища, входили в «сотню». Вероятно, функции городищ могли быть близки тунам. Позднее в таких гнездах поселений нередко возникал древнерусский город²³⁸.

В период разложения родо-племенного строя формируются крупные межплеменные конфедерации – союзы племен (земли или княжения), которым, в реконструкции Б. А. Рыбакова, соответствуют «тысячи» – позднейшие «тьмы» в фискальной системе татарского времени: Киевская, Смоленская и т. д. Центрами союзов племен (словен, кривичей, полян)

²³⁰ При подобном сравнительно-типологическом сопоставлении индивидуальные особенности развития поселений учтены быть не могут.

²³¹ *Ambrosiani B.* Fornlamningar och bebyggelse. Uppsala, 1964. S. 202–208; *Hyenstrand A.* The Malaren Area. Stockholm, 1981. P. 21; *Idem.* Centralbygd-Randbygd. Stockholm, 1974.

²³² Выделение одной доминирующей функции в определенной степени условно.

²³³ Система сотен и херадов, как считается, возникла в рамках позднеплеменного строя и стала основой административно-территориального деления земель в период становления феодальных отношений (*Hafstrom G.* Hundare // KLMN). 1962. B. VII. Sp. 74–78; *Rasmussen P.* Herad // *Ibid.* 1961. B. VI. Sp. 488–491; *Hyenstrand A.* Centralbygd. S. 50–86).

²³⁴ *Holmberg K. A.* De svenska Tuna-namnen. Uppsala, 1969.

²³⁵ *Jansson S.B.F.* The Runes of Sweden. Stockholm, 1962. P. 103–112.

²³⁶ В интерпретации Снорри, культовые центры округов в Свеаланде были основаны Одином и названы им Сигтунами (*Snorri Sturluson.* Ynglinga saga. Kap. 5).

²³⁷ *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси (Тез. докл.) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 25–28.

²³⁸ Ср. гнездо поселений ус. Черновка (*Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19–25), большое Горнальское городище в гнезде из 20 роменских селищ (*Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6–39).

и их земель считаются древнейшие племенные «города», упомянутые в недатированной части летописи: Новгород, Смоленск, Полоцк, Киев, имеющие соответствие, видимо, в Старой Упсале – племенном центре свеев (Свеаланд). Они исполняли сходные функции: общественно-административную (тинг в Упсале и вече в древнерусских городах); культовую (языческие капища в Упсале, Киеве, Новгороде). Центры племенных союзов вырастали в зонах особой концентрации населения²³⁹ и, сохраняя древние традиции, возглавили более широкие «предгосударственные» объединения.

* * *

С VII в. в Скандинавии, наряду с тунами – племенными центрами, появляется новый тип поселений, носивший название *husaby*²⁴⁰. Он рассматривается как королевские усадьбы, управлявшиеся слугами конунга – *bryti* и предназначенные для сбора дани с местного населения, в первую очередь в продуктовой форме, отчего именно хусабы являлись местом останова конунгов и их дружин во время постоянных переездов по подвластной территории. Формирование системы хусабы в Свеаланде «Сага об Инглингах» прямо связывает со становлением Упсальского удела (*Uppsala öd*) – королевского домена²⁴¹.

В силу сложившегося типа расселения королевские усадьбы являлись хуторами, представление о которых дают раскопки одной из них, на о. Адельсё (оз. Меларен). Поблизости от усадьбы находился могильник, три больших «королевских» кургана и «курган тинга»²⁴².

Наибольшая концентрация топонимов *Hus(a)by* отмечается на территории Упсальского удела. На остальной территории Свеаланда хусабы имеются в каждой из сотен, наряду с тунами. Нередко они расположены поблизости от границ сотен (херадов), т. е. возникали на ранее неосвоенных землях²⁴³. Каждый административно-территориальный округ, таким образом, приобретает два центра, очевидно, представляющих две различные системы власти: формирующуюся королевскую с зачатками государственного управления (хусабы) и местную, восходящую к племенному строю (туны). Происходит как бы наложение двух сетей административных центров, соответствующих двум противостоящим системам власти: центральной и местной. Формирование сети хусабы как опорных пунктов королевской власти свидетельствует о ее укреплении и стремлении закрепить за собой глубинные районы подчиненной территории, о возникновении ее прямого противостояния племенным формам общественной организации, что отмечает важный шаг в сложении государственности.

В эпоху становления государства на Руси великокняжеская власть также стремилась закрепить за собой подвластные племенные территории при посредстве системы погостов – пунктов для сбора дани, полюдья²⁴⁴, в этом отношении сопоставимых с хусабы. В «Повести временных лет» возникновение системы погостов непосредственно связывается с обложением подвластных территорий данью при Олеге (882 г.): «Нача города ставити, и уставити дани слов#номъ, кривичемъ и мери»²⁴⁵ и «реформами» княгини Ольги (947 г.)²⁴⁶. Однако в

²³⁹ Тухомиров М. Я. Древнерусские города. С. 58 и след.

²⁴⁰ Steinnes A. Husabyar. Oslo, 1955; Rosen J. Husaby// KLNМ. 1962. В. VII. Sp. 94–96; Andros C. G. Kungsgerd (Sverige)// Ibid. 1964. В. IX. Sp. 513–515; Rasmussen P. Kungsgerd (Denmark)// Ibid. Sp. 516; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 119, 128; Hyenstrand A. The Malaren Area. Fig. 16; Сванидзе А. А. К вопросу об этапах. С. 41.

²⁴¹ Schiick H. Uppsala öd // UUA. 1914; Snorri Sturluson. Ynglinga saga. Kap. 10.

²⁴² Rydh H. Forhistoriska undersokningar pa Adelsö. Stockholm, 1936; Thordeman B. Alsnö hus. Stockholm, 1920.

²⁴³ Ambrosiani B. Fomlamningar och bebyggelse. S. 215–218.

²⁴⁴ Рыбаков В. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 366.

²⁴⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. – Прим. ред.].

²⁴⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда// Новосельцев А. П. и др.

отличие от хусабу древнерусские поселения, которые можно отождествить с погостами на основании обнаруженных там дружинных древностей, наделялись более широким набором функций, прежде всего ремесленной и торговой.

* * *

Вместе с тем уже в VI–VII вв. в Скандинавских странах и Восточной Европе появляются поселения, которые исследователи отличают от сельских на основании относительно развитой торгово-ремесленной деятельности и определяют как протогородские (или предгородские) центры. В литературе они обычно называются виками²⁴⁷. В Дании уже до 800 г. существуют Хедебю и Риббе, в эпоху викингов возникают Орхус, Виборг, Роскильде; в Швеции до VIII в. функционируют Экеторп и Хельгё, с VIII в. – Бирка (на о. Бьёркё), позднее вырастают Лунд, Сёдертэлье и др., в Норвегии – Скирингссаль. В крупнейших из этих поселений (Хедебю и Бирке) с IX в. производится чеканка монет, что являлось королевской регалией²⁴⁸. Из «Жития св. Ансгария» явствует, что конунг Упланда имел своих представителей в Бирке, собиравших там торговые пошлины, но его основной резиденцией была расположенная неподалеку, на о. Адельсё, усадьба. Хусабу известны также и вблизи Хедебю и Скирингссы. Вместе с тем и в Бирке, и в Хедебю, судя по наличию погребений дружинников, стояла дружина конунга, что свидетельствует о том, что вики, будучи непосредственно связаны с королевской властью и дружиной, были включены как в военно-стратегическую, так и общую систему кормлений, сбора дани и ее реализации на международных рынках. На эти функции во многом ориентировано и их ремесло.

В Восточной Европе ранние ремесленные поселения – Пастырское городище, возможно, Зимновское городище, позднее Хотомель и др.²⁴⁹. Однако эти единичные поселения еще не были связаны между собой и были, видимо, центрами местной округи. Они сопоставимы с ранними скандинавскими центрами типа Экеторпа и Хельгё.

В VIII в. возникают полиэтничные торгово-ремесленные поселения на севере Восточной Европы – прежде всего в Ладоге, однотипной Хедебю²⁵⁰ и другим протогородам Балтийского региона. Им близки и торгово-ремесленные поселения при дружинных погостах. Характер их ремесла и торговли был во многом ориентирован на нужды великокняжеской дружины, постоянно пребывавшей на погостах, судя по дружинным курганам в составе некрополей возле поселений в Гнездове, Шестовице, Тимереве. Типологически и, видимо, генетически близки перечисленным памятникам Городище под Новгородом, Сарское городище под Ростовом. По уровню развития ремесла и торговли (прежде всего внешней), по связи с дружиной древнерусские погосты близки Бирке и другим викам²⁵¹.

Но в отличие от ранних торгово-ремесленных поселений они представляют собой уже отчетливую раннегородскую сеть, расположенную на основных речных магистралях и свя-

Древнерусское государство не имело международного значения. М., 1965. С. 149.

²⁴⁷ Vogel W. Wik-orte und Wikingen // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1969. Bd. 1. S. 196–238; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313–325; Skovgaard-Petersen J. The Coming of Urban Culture. P. 5–7.

²⁴⁸ Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 3–29.

²⁴⁹ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 242–243.

²⁵⁰ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 99–100.

²⁵¹ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

занную как со столичным Киевом²⁵², так и с сетью балтийских протогородов, прежде всего через Ладогу, включенную в систему великокняжеских центров.

Показательно, что крупнейшие погосты располагались, как правило, вблизи древнейших племенных центров: Гнездово – под Смоленском, Шестовица – под Черниговом, Городище – под Новгородом²⁵³. Возможно, сходную роль играло Сарское городище под Ростовом. Расположение княжеских погостов на водных магистралях вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их социальные силы – дружина – были призваны не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям боярской верхушки древнерусских городов – старых племенных центров. Очевидно, что, помимо внутривластной (военно-административной) функции, погосты наделялись и фискальной функцией: сбора, а затем и сбыта дани на международных рынках, т. е. функцией перераспределения прибавочного продукта. Об этом могут свидетельствовать клады серебряных монет и вещей, призванных украсить быт дружинной верхушки и подчеркнуть ее высокий социальный статус. Вероятна дифференциация функций погостов как центров формирующегося государства и «племенных» городов как центров местной округи²⁵⁴.

В истории формирования Древнерусского государства и его городской сети особое значение имеют Киев и его округа, получившие позднее название «Русская земля» (в узком смысле) и представлявшие княжеский домен²⁵⁵, типологически близкий Упсальскому лену в Свеаланде. Киев, племенной центр полян, ставший столицей огромного государства, в летописи, начиная с договора 907 г., постоянно связывается с двумя городами: Черниговом и Переяславом, которые входят в великокняжеский домен. Однако и вокруг самого Киева образуется сеть поселений, обеспечивавших деятельность князя и его дружины: Любеч, Вышгород, Витичев, «киевская крепость» Самбатас²⁵⁶, упомянутые Константином Багрянородным, а также летописный княжеский теремный дворец X в. «вне града», на функции экстерриториальной резиденции которого указал М.К. Каргер²⁵⁷. В целом сеть контролируемых великокняжеской властью поселений в пределах домена напоминает сходную систему хусабу в Упсальском лене. Дифференцированными представляются и функции перечисленных пунктов: от старого племенного центра Киева (со святилищем и т. п.), ставшего столицей государства, до княжеского «града» (Вышгород) и экстерриториальной резиденции князя («теремный двор»).

Таким образом, вырисовывается картина сосуществования нескольких различных по характеру, но взаимосвязанных и функционально дополняющих друг друга поселений, образующих структуру, связанную с административно-территориальным делением земель и разностадийными системами управления. Это старые племенные центры (на Руси и туны в Скандинавии), выполнявшие культовые и административные функции; опорные пункты центральной (государственной) власти: хусабу в Скандинавии (на территории королевского домена и в каждой из сотен) и погосты на Руси, куда свозится дань с округи и где находится резиденция представителя верховной власти; наконец, торгово-ремесленные центры

²⁵² См. сообщение Константина об одновременном прибытии однодеревек в Киев: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272 [*Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий* / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–47. – *Прим. ред.*].

²⁵³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1980. С. 110; Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (К вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38.

²⁵⁴ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 110–112.

²⁵⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46.

²⁵⁶ См. карту вкн.: *Раннопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв.* // МИА. 1961, № 105. С. 172–173.

²⁵⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 267.

(собственно протогорода), концентрирующие функции ремесла, торговли и перераспределения прибавочного продукта (на Руси совпадающие с погостами). Такое сочетание функционально различных поселений на уровне «земли» (ланда) наиболее ярко проявляется в «Русской земле» (в узком смысле) и Свеаланде; в последнем сосуществуют и взаимно дополняют друг друга Старая Упсала (культовый и племенной центр), Бирка и королевская усадьба на Адельсё. Аналогичная картина наблюдается в Дании, где сосуществуют Хедебю и, видимо, королевская усадьба (Хусбю) в 5 км от него²⁵⁸; в Норвегии, где рядом с торгово-ремесленным центром конца VIII – конца IX в. Скирингссалем (Каупанг) находится хутор, носящий название Хусебю, и языческое капище²⁵⁹. Наконец, рядом с большинством протогородов (но за пределами укрепленной части) расположены крепости, где, видимо, находился «гарнизон» конунга (в Хедебю, Бирке, Павикене и др.). Это взаимодействие основных типов поселений с городскими функциями продолжается на протяжении всего периода складывания государства, укрепления королевской власти, формирования аппарата управления.

* * *

В конце X – первой половине XI в. в этой картине происходят существенные перемены: в первую очередь и в Скандинавии, и на Руси исчезают или приходят в упадок многие из наиболее крупных торгово-ремесленных центров: Бирка, Хедебю, Гнездово, Тимерево. Одновременно происходит функциональная переориентация хусабю. Их административно-фискальные функции сокращаются, и из поселений типа погостов они превращаются в усадьбы, из которых осуществляется контроль над королевскими земельными владениями (например, на о. Адельсё в XII в. строится королевский замок). После введения христианства падает роль и культовых центров, таких, как Старая Упсала. Становление церкви под прямым покровительством королевской власти обуславливает тесную взаимосвязь и взаимозависимость обоих институтов и размещение церковной администрации в центрах, находящихся под контролем королевской власти.

Таким образом, разнофункциональные поселения VIII–X вв. по мере усиления королевской власти, формирования центрального управления, становления податной системы оказываются неспособными удовлетворить широкий спектр новых общественных потребностей. В этих условиях поселения с дифференцированными функциями подчиняются общей тенденции к синтезу разных функций в формирующихся городах феодальной эпохи. Наиболее наглядно этот процесс протекает в Свеаланде. Старая Упсала – Бирка – усадьба на Адельсё, три основных центра Свеаланда, выполнявшие различные функции (культовую, ремесленно-торговую, административную), в конце X–XI в. уступают место Сигтуне, также расположенной на оз. Меларен²⁶⁰. Она выступает как важнейший центр ремесла, торговли, королевской власти, церковной организации. В конце X – начале XI в. здесь начинается чеканка монет, находится резиденция конунга Швеции (к этому времени включившей Ётланд и другие области). В 1060-х гг. Сигтуна становится центром вновь образованной епископии, и в ней сосредоточиваются все основные городские функции, ранее до известной степени расчлененные между тремя поселениями.

В процессе становления Древнерусского государства также наиболее прогрессивными образованиями были города, синтезировавшие функции торговоремесленных и княжеских

²⁵⁸ Gregersen H. V. Slesvig og Holsten f0r 1830. Copenhagen, 1981. S. 75.

²⁵⁹ Blindheim Ch. Kaupang by the Yiks Fjord in Vestfold: Excavations and Research // Herteig A., Liden H.-E., Blindheim Ch. Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo. 1975. P. 136.

²⁶⁰ Douglas M. Sigtuna. Stockholm, 1978. П. Сойер предполагает, что торговля и ремесла были преднамеренно перенесены конунгом Свеаланда из Бирки в Сигтуну (Sawyer P. Kings and Vikings. L. 1982. P. 130; см. также: Ambrosiani B. Birka – Sigtuna – Stockholm: Ett diskussionsin-lagg // Tor. 1957. B. III. S. 148–158).

административных центров. В великокняжеском домене к таковым относились в первую очередь сам Киев (быстро поглотивший поселения типа Самбатаса), а также Переяславль, Чернигов, ставшие центрами самостоятельных княжеств при Ярославичах. В X в. гибнут многие племенные центры²⁶¹, прекращают существование «дружинные лагеря» типа Шестовицы. Функции погостов с упрочением феодализма отходили к ближайшим городам – центрам местной округи (волости)²⁶² и феодальной администрации, в некоторых случаях – к экстерриториальным княжеским резиденциям. Наименование «погост» (как и «хусабю» в Скандинавии) закрепилось за центрами сельской округи. На месте Гнездовского и Сарского городищ возникли феодальные усадьбы, центрами княжеств стали Смоленск и Ростов. На Городище под Новгородом торгово-ремесленное поселение также прекратило свое существование в X в., однако в XII в. там была основана княжеская резиденция.

Таким образом, процессы становления государств в древнерусском и скандинавском регионах обусловили типологическую близость форм и путей зарождения и формирования городов. Наряду с племенными центрами возникали опорные пункты государственной власти, торгово-ремесленные поселения с существенной ориентацией ремесла на обслуживание дружины, а торговли – на реализацию дани (прибавочного продукта). Постепенный синтез функций намечается уже в торгово-ремесленных центрах, где отмечается присутствие как дружины, так и специальных представителей королевской власти. С консолидацией государства консолидируются и их центры. Происходит синтез всех городских функций, что ведет, с одной стороны, к упадку тех протогородских образований, которые по тем или иным причинам не в состоянии удовлетворить новые общественные потребности, с другой – к формированию полифункциональных городов феодальной эпохи.

(Впервые опубликовано: ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 99–108).

²⁶¹ Например, Искоростень, поселение на Ревнянском городище и др.

²⁶² Куза А. В. Города в социально-экономической системе. С. 3–11.

Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

История возникновения и ранних стадий существования города в средневековой Европе – одна из центральных проблем медиевистики в последние десятилетия. Экономические и социальные предпосылки появления феодального города, его функции и взаимодействие с округой, его топографические и демографические особенности исследуются историками, экономистами, археологами²⁶³. Особое внимание ученых привлекают процессы градообразования в регионах, где влияние античной культуры либо отсутствовало почти полностью (как на Руси)²⁶⁴, либо было незначительным (как в Скандинавских странах)²⁶⁵. Именно в бессинтезных районах Европы, где традиции городской жизни начали формироваться во второй половине I тыс. н. э., возможно выявить и исследовать начальные этапы градообразования, характер раннегородских поселений и их эволюцию, а также становление системы поселений. Более отчетливо, чем в синтезной зоне Европы, обнаруживаются здесь взаимосвязь и взаимовлияние синхронных процессов возникновения и укрепления города и государства. Поэтому, учитывая типологическую близость исторического развития древнерусского и древнескандинавского регионов²⁶⁶ и сходство раннегородских центров на Руси и в Скандинавии²⁶⁷, целесообразно сравнительно-историческое исследование²⁶⁸ сети поселений с городскими функциями и их эволюции в обоих регионах, что позволяет более детально выявить связь этих процессов со становлением раннефеодальных государств²⁶⁹.

Отсутствие письменных источников и сложность интерпретации данных материальной культуры обуславливают дискуссионность этих вопросов начиная с определения понятия «город». В советской историографии важнейшим показателем городского – в отличие от сельского – поселения считаются наличие ремесленного производства²⁷⁰ и рынка, а

²⁶³ Ястребицкая А. Л. Предгородские и раннегородские поселения в средневековой Европе (обзор) // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. Реф. сб. М., 1979. Ч. 1. С. 271–302; Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter/ H. Jankuhn, W. Schlesinger, H. Steuer. Göttingen, 1973; Epperlein S. Zur Stellung der mittelalterlichen Stadt in der Feudalgesellschaft. Forschungsergebnisse und Probleme zur Geschichte der russischen Stadt vom 10. bis 15. Jahrhundert// Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1977. Bd. 4. S. 209–299; The Medieval City. New Haven; E., 1978; Ennen E. The Medieval Town. Amsterdam, 1979.

²⁶⁴ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976. С. 32–69; Куза А. В. О происхождении древнерусских городов (история изучения) // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 9–15.

²⁶⁵ Die Zeit der Stadtgründung im Ostseeraum/ M. Stenberger. Yisby, 1965; Fritz B. Stadshistoria och arkeologi // (S)HT. 1965. No. 4. S. 472–498; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns // The Medieval City. P. 313–325; Skovgaard-Petersen J. The Coming of Urban Culture to Northern Europe. Vikings, Merchants and Kings // SJH. 1978. Vol. 3. No. 1. P. 15–17.

²⁶⁶ Шаскольский И. П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 95–99.

²⁶⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Там же. С. 99–108.

²⁶⁸ См.: Черепнин Л. В. К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии // СВ. 1969. Вып. 32. С. 262–270.

²⁶⁹ Материал Скандинавских стран предоставляет широкие возможности для изучения процессов образования сети раннегородских центров и их эволюции благодаря устойчивости традиционного территориально-административного деления и связанной с ним системы поселений. См.: Urbaniserings processen i Norden. Det XVII nordiske historikermøte. Oslo, 1977. B. 1. Middelalderstader.

²⁷⁰ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42.

также прослеживающаяся уже на раннем этапе его развития административная функция²⁷¹. Поэтому полифункциональность городов, учитывая также их культовое и культурное значение, рассматривается как важнейший признак развитого феодального города²⁷². Эти же признаки установлены и для городских центров Скандинавии²⁷³.

С точки зрения политической экономии, торгово-ремесленные и административные функции возникающего города обусловлены концентрацией и перераспределением прибавочного продукта²⁷⁴, что определяет тесную и закономерную взаимосвязь процессов образования города и государства, на которую указывал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»²⁷⁵. Эта связь традиционно отмечается в отечественной литературе, посвященной древнерусскому городу²⁷⁶. Неоднократно и подробно рассматривалась в зарубежной историографии роль королевской власти (формирующегося государства) в становлении торгово-ремесленных центров и в Скандинавских странах²⁷⁷. Однако коренные проявления взаимодействия процессов градо- и государствообразования и на Руси и в Скандинавии исследованы недостаточно. Собственно, сама эта проблема была специально поставлена лишь в 1980 г.²⁷⁸. Наиболее последовательно на конкретном материале становления шведского государства и развития протогородских центров и городов с V по начало XIII в. она рассмотрена А. А. Сванидзе²⁷⁹.

Вместе с тем историко-археологические и экономико-географические исследования показывают, что реальные городские признаки – это набор функций, который свойствен не столько каждому отдельному раннегородскому поселению, сколько в целом городской сети, т. е. системе взаимосвязанных и иерархически соподчиненных поселений, которая формируется параллельно со становлением государства²⁸⁰.

Исследования скандинавского материала в последние десятилетия позволяют создать модель формирования сети поселений, которая при всей условности, свойственной подобным моделям, тем не менее вскрывает ряд существенных особенностей, проявляющихся, хотя и в менее очевидной форме, в древнерусском регионе.

²⁷¹ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 8–9.

²⁷² Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 41–44; Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР). С. 45.

²⁷³ Andersson H. Zentralorte, Ortschaften und Stadte in Scandinavien. Einige methodische Probleme // Frlihe Stadte im westlichen Ostseeraum / H. Hinz. Neumtinster, 1972; Idem. Stadsarkeologi och stadshistoria // Fran medeltid till valfardssamhalle. Stockholm, 1976. S. 471–480.

²⁷⁴ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3 и сл.; Куза А. В. Города в социально-экономической системе Древнерусского феодального государства X-XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 3–11.

²⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 165–169.

²⁷⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 32, 64; Пауто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 93; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 37 и др.; Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 53–58.

²⁷⁷ Fritz B. Stadshistoria och arkeologi; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. В более широком контексте формирования раннефеодальных государств в Балтийском регионе проблема возникновения раннегородских центров была рассмотрена в книге: Wikingen und Slawen. Zur Frhgeschichte der Ostseevolker. В., 1982. S. 96–112, 153–160 (перевод Г. С. Лебедева см.: Славяне и скандинавы. М., 1986).

²⁷⁸ Город и государство в древних обществах. Л., 1982.

²⁷⁹ Сванидзе А. А. О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // Город и государство. С. 149–161; Она же. К вопросу об этапах возникновения шведского государства // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 29–65.

²⁸⁰ См.: Сванидзе А. А. К вопросу об этапах; Петрухин В. Я. О функциях раннегородской сети в процессе становления Древнерусского государства // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 66–67.

В последней четверти I тыс. в Скандинавских странах и на Руси формируется несколько типов поселений²⁸¹. Во-первых, это сельские, главным образом хуторские поселения в Скандинавии (в Дании также и деревенского типа), объединенные в «гнезда» вокруг центральных усадеб, выполнявших примитивные культовые и – позднее – фискальные функции²⁸², а на Руси – сельские, по преимуществу, деревенского типа; во-вторых, городища, служившие, вероятно, убежищами для окрестного населения; в-третьих, центры территориально-административных округов, святилища; в-четвертых, торгово-ремесленные поселения²⁸³. Поскольку поселения первых двух типов за редким исключением не развились в феодальную эпоху в города, мы рассматриваем в данной работе центры двух последних типов, дальнейшая эволюция которых обнаруживает их протогородской характер.

Формирование сети административных поселений непосредственно связано со становлением административно-территориальных округов на основе племенных территорий, преобразовывавшихся под влиянием вызревающей системы фискального, судебного, административного управления. Иерархическая соподчиненность округов обусловила возникновение сходных по функциям, но различных по масштабам их реализации центров.

Восходящая, по мнению большинства исследователей²⁸⁴, к позднеплеменному строю система сотен (*hundari* – на племенной территории свеев), херадов (*herað* – в остальной части Швеции, Норвегии и на Датских островах) и сюсл (*syssel* – в Ютландии) послужила основой административно-территориального деления земель в период становления феодальных отношений, а в XIII–XIV вв. – административного, судебного и фискального управления. Несколько сотен (херадов, сюсл) входили в состав более крупной единицы – области: лайда, фюлька или группы фюльков (в Норвегии), первоначально, видимо, территории расселения племени, точнее, союза племен (Свеаланд, Ётланд в Швеции, Рогаланд и др. в Норвегии и т. д.). В наиболее обследованной области – Свеаланде – выявляется относительно упорядоченная сеть административных центров: всего лайда – в Старой Упсале и в каждой из сотен.

Так же и в Дании X в. наряду с Еллингем – административным и культурным центром Ютландии – функционируют центры округов: Алаборг, Рибе и др.²⁸⁵

Архаичное происхождение центров сотен (херадов) устанавливается как на основе археологического материала, так и данных топонимики: большинство из них носит в Свеаланде название Туна, к которому нередко присоединяется в качестве первого элемента имя одного из языческих божеств (*Pórs-tuna*, *Ull-tuna* и др.)²⁸⁶. Рядом с тунами обнаружены могильники VII–VIII вв. (вендельского времени) с погребениями родоплеменной знати

²⁸¹ Близкие аналогии обнаруживает и развитие поселений с городскими функциями у западных славян. См.: Бялекова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 108–125; Херрман Й. Раннегородские центры и международная торговля в Восточной и Северо-Западной Европе // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 57–89.

²⁸² Ambrosiani B. Fornlamningar och bebyggelse. Uppsala, 1964. S. 202–208; Hyenstrand A. The Malaren Area. Stockholm, 1981. P. 21; Idem. Centralbygd – Randbygd. Stockholm, 1974; Larson T., Landmark H. Bebyggelsemonster – er utgangspunkt vid studier av forhistoriska samhällen // Forn-vannen. 1982. Arg. 77. S. 161–169.

²⁸³ Выделение какой-либо одной функции поселения в определенной степени условно, поскольку, как справедливо отмечалось в литературе (см.: Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития. С. 41–44), большинство из них обладает несколькими функциями даже на самом раннем этапе их развития. Однако отчетливое доминирование одной-двух функций в каждом случае позволяет классифицировать поселения по социально-экономическим признакам.

²⁸⁴ Tunberg S. Studier rörande Skandinaviens äldsta politiska indelning. Uppsala, 1911; Hafstrom G. Hundare // KLMN. 1962. B. VII. Sp. 74–78; Rasmussen P. Herad // KLMN. 1961. B. VI. Sp. 488–491; Sporrang U. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Lund, 1971; Ekblom C.A. Yienetionde och hundaresindelning. Studier rörande Sveriges äldsta politiska indelning. Lund, 1974; Hyenstrand A. Centralbygd – randbygd. S. 50–86; Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 99–100.

²⁸⁵ Randsborg K. The Viking Age in Denmark. The Formation of a State. L., 1980. P. 71–80, fig. 20.

²⁸⁶ Holmberg K. A. De svenska Tuna-namnen. Uppsala, 1969; Olsson I. Tuna-namnen i Sverige. Forskningslaget // Fornvannen. 1976. Arg. 71. S. 71–81. И. Ольссон усматривает взаимосвязь между названиями тун и сотен, например: *Sollentuna* и *Solaenda hundare*, *Vallentuna* (название и сотни, и ее центра).

(Туны в Альсике, в Баделунде и др.). Судя по руническим надписям, туны являлись также местами тингов – народных собраний²⁸⁷, т. е. административными, а также культовыми центрами²⁸⁸. Таким образом, туны в Свеаланде совмещают ряд функций, выполняя роль, характерную для племенных центров, и тесно связаны с позднеплеменной организацией. Сходную картину выявил А. Я. Гуревич в области Трёнделага (Норвегия) для X – начала XI в., где наряду с центральным для всей области культовым центром в Мэрин, в каждом из фюльков, входивших в состав области Трёнделага, имелся свой культовый (видимо, одновременно и административный) центр, представленный усадьбой правившего в фюльке хёвдинга²⁸⁹. Такие крупнейшие центры областей, как Упсала, Еллинг и др., отличает и их характерная топография: наличие места для тинга, «королевские курганы» и пр., сложившаяся в Упсале в VI в., в Еллинге – в X в.

Для Руси подобную Свеаланду систему сотен реконструировал Б. А. Рыбаков. Он отметил, что городища располагались гнездами, в каждом из которых насчитывалось приблизительно 10 укрепленных поселений, и предположил, что такое гнездо соответствует в традиционном административном делении «тысяче» или «племени»; селища, расположенные вокруг каждого городища, входили в «сотню»²⁹⁰. Вероятно, функции городищ могли быть близки тунам.

Позднее в гнездах поселений нередко возникал русский город²⁹¹. Предполагается, что Киев и Новгород, Чернигов и Новгород Северский также возникли путем объединения нескольких поселков²⁹².

В период разложения родоплеменного строя формируются крупные межплеменные конфедерации – союзы племен (земли или княжения), которым в реконструкции Б. А. Рыбакова соответствуют «тысячи» – позднейшие «тмы» в фискальной системе ордынского времени: Киевская, Смоленская и т. д. Центрами союзов племен (словен, кривичей, полян) и их земель считаются древнейшие племенные «города»²⁹³, упомянутые в недатированной части «Повести временных лет» (далее – ПВЛ): Новгород, Смоленск, Полоцк, возможно, Изборск (у псковских кривичей); в X в. летопись говорит как о племенных центрах об Искоростене (у древлян), вероятно, Турове (у дреговичей), Перемышле (у хорватов), Пересечене (у уличей),

²⁸⁷ Jansson S.B.F. The Runes of Sweden. Stockholm, 1962. P. 103–112.

²⁸⁸ В поздней (первой половины XIII в.) интерпретации исландского писателя Снорри Стурлусона («Сага об Инглингах», гл. 5) культовые центры округов в Свеаланде были основаны Одним и названы им Сигтунами по аналогии с главным капищем в Старых Сигтунах (Snorri Sturluson. Heimskringla 1 / Bjarni Adalbjarnarson // fF. 1941. B. XXVI. Bis. 16; K3. C. 13).

²⁸⁹ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 217–225.

²⁹⁰ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси (тезисы доклада) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 25–28; Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 850 и сл.

²⁹¹ Такое гнездо было детально исследовано у с. Черновка: на его месте в XI в. возникло крупное поселение, в XII в. – феодальная усадьба (Русанова И. П., Тимощук Б. А. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19–25). Большое Горнальское городище возникло в гнезде 20 роменских селищ (правда, это торгово-ремесленное поселение погребло в 20-х гг. X в.) (Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6–39). То же наблюдается на Северной Буковине (Тимощук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины // Там же. С. 122–124; Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 26). Ср., впрочем, исследования Е. А. Горюнова в Подесенье, где селища, входившие в «гнездо» поселений, оказались разновременными (Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 12).

²⁹² Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева. 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 5–18; Янин В. Л., Аleshковский М. Х. Происхождение Новгорода. К постановке проблемы // ИСССР. 1971. № 2. С. 41–56; Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 67, 71, 73.

²⁹³ Видимо, их А. В. Куза называет «межплеменными центрами» (Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 55). Разумеется, термин «города» для начального – догосударственного – периода формирования племенных центров употребляется в древнерусском летописном, а не современном социально-экономическом смысле; собственно города появляются, как уже говорилось, в период разложения племенного строя.

Волыни (у волынян) и др.²⁹⁴ Эти центры соответствуют, видимо, таковым в Старой Упсале – племенном центре свеев (Свеаланда), Еллингe – административном и культовом центре Ютландии и др. Они исполняли сходные функции: общественно-административную (скандинавские тинги и вече в древнерусских городах); культовую (языческие капища); были средоточием центральной власти.

Древнерусское вече, упоминаемое летописями в Новгороде, Киеве, Смоленске и других городах²⁹⁵, очевидно, восходит к родоплеменным традициям народного собрания, как и скандинавский тинг. Неясно, где собиралось вече в древнейшем Новгороде, но в Изборске, одном из древнейших русских городов (ранние слои относятся к VIII в.), который исследователями считается племенным центром псковских кривичей, открыта центральная, видимо, вечевая площадь²⁹⁶. Что касается культовых функций, то и пантеон храма в Упсале, где отправлялся культ общескандинавских богов (Тора, Одина, Фрейра), и святилище в Перыни под Новгородом, где сам топоним напоминает об общеславянском божестве Перуне, свидетельствуют о перерастании племенных культов в межплеменные и затем – в государственные: таков пантеон, учрежденный в 980 г. князем Владимиром в Киеве. Для процесса централизации власти показательно, что три «королевских» кургана в Упсале, приписываемые скандинавской традицией трем конунгам легендарной династии Инглингов, возводимой к богу Ингви-Фрейру, сопоставимы с киевскими урочищами – легендарными городками трех братьев – основателей Киева и «княженья» полян; при этом эпоним города – Кий – восходит к образу мифологического славянского культурного героя²⁹⁷. Централизация власти, таким образом, сопровождается идеологическим обоснованием божественного происхождения династий, утвердившихся в реальных племенных центрах.

Центральная власть в Новгороде, по реконструкции, предлагаемой на основе изучения боярских патронимий трех новгородских концов В. Л. Яниным, начиная с возникновения города (IX в.?) распространялась на всю новгородскую племенную конфедерацию и осуществлялась представителями племенных верхов – формирующейся боярской аристократией²⁹⁸. Центры племенных союзов вырастали в зонах особой концентрации населения²⁹⁹ и, сохраняя древние традиции, возглавили более широкие «предгосударственные» объединения.

* * *

С VII в. в Скандинавии наряду с тунами – племенными центрами – возникает новый тип поселения, носивший название *hus(a)by*³⁰⁰. В настоящее время известно около 70 ран-

²⁹⁴ Седов В. В. Начало городов на Руси // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 7; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси. IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 21–22.

²⁹⁵ Тихомиров М. Я. Древнерусские города. С. 217–225.

²⁹⁶ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 56–57, 243.

²⁹⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 120–123.

²⁹⁸ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 87–91.

²⁹⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 58 исл.; Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (К вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38; Шмидт Е. А. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967. С. 59.

³⁰⁰ Steinnes A. Husabyar. Oslo, 1955; Rosen J. Husaby // KLNМ. 1962. В. VII. Sp. 94–96; Androe C. G. Kungsgard (Sverige) // KLNМ. 1964. В. IX. Sp. 513–515; Rasmussen P. Kungsgard (Denmark) // Ibid. Sp. 516; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 118, 128; Hyenstrand A. The Malaren Area. Fig. 16; Сванидзе А. А. К вопросу об этапах

несредневековых хусабю в Швеции (преимущественно в Свеаланде), 46 – в Норвегии, 9 – в Дании. Они рассматриваются как королевские усадьбы, управлявшиеся слугами конунга (*bryti*) и предназначенные для сбора дани с местного населения, в первую очередь в продуктовой форме, отчего именно хусабю были местом остановки конунгов и их дружин во время постоянных переездов по подвластной территории. Сведения о королевских усадьбах, относимые уже к VII в., нередки в сагах. Формирование системы хусабю в Свеаланде «Сага об Инглингах» (гл. 10) прямо связывает со становлением Упсальского удела (*Uppsala öd*) – королевского домена³⁰¹.

В силу сложившегося типа расселения королевские усадьбы являлись поселениями хуторского типа, представление о которых дают раскопки одной из них на о. Адельсё (оз. Меларен), позднее превратившейся в королевский замок *Alsnö hus* и состоявшей в X в. из ряда жилых и хозяйственных построек. Поблизости от усадьбы находился могильник, три больших «королевских» кургана и «курган тинга» – топография, весьма близкая топографии Старой Упсалы³⁰².

Наибольшая концентрация топонимов хусабю отмечается на территории Упсальского удела. На остальной территории Свеаланда хусабю имеются в каждой из сотен, наряду с тунами³⁰³. Нередко они расположены поблизости от границ сотен (херадов), т. е. возникли на ранее не освоенных землях³⁰⁴. Каждый административно-территориальный округ, таким образом, имеет два центра, очевидно представлявших две различные системы власти: формирующуюся королевскую с зачатками государственного управления (хусабю) и местную, восходящую к племенному строю (туны). Происходит как бы наложение двух сетей административных центров, соответствующих двум противостоящим системам власти: центральной и местной. Формирование сети хусабю как опорных пунктов королевской власти свидетельствует об усилении последней и ее стремлении закрепить за собой глубинные районы подчиненной территории, о ее противодействии племенным формам общественной организации, что означает важный шаг в сложении государственности.

В эпоху становления государства на Руси великокняжеская власть закрепляла за собой подвластные племенные территории, стремясь упрочиться в племенных центрах и при посредстве системы погостов – пунктов для сбора дани, полюдья³⁰⁵, в этом отношении сопоставимых с хусабю. Согласно первым легендарным известиям ПВЛ, призванные князья-варяги обосновались в Ладоге (Ипатьевская летопись), затем в Новгороде, Изборске, Белоозере. Перечисленные города в IX–X вв. были форпостами славянской колонизации финских племенных территорий. Интересы славянской знати и пришлых групп скандинавов совпадали – они заключались в эксплуатации вновь освоенных земель, в контроле над международной торговлей и т. п. Естественно, что главной базой славяно-скандинавского синтеза и формирующейся государственности были возникающие здесь города. Недаром,

возникновения шведского города. С. 41.

³⁰¹ Schiöck H. Uppsala od// Uppsala universitets arsskrift. 1914; Snorri Sturluson. Heimskringla 1. Bis. 23–24; K3. С. 15–16.

³⁰² Rydh H. Forhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936; Thordeman B. Alsnö hus. Stockholm, 1920; Nerman B. Kungshögarna på Adelsö och Sveriges kungäldar // Fornvannen. 1918. Arg. 13. S. 25–46. Здесь в 60-х гг. XI в. был установлен рунический камень Ториром, брютти конунга Хакона (Hovgarden, Up).

³⁰³ Усадьбы с аналогичным названием возникают в это время и в других Скандинавских странах, причем их местоположение, как правило, связано со старыми племенными центрами. Например, такая усадьба известна поблизости от святыни Мэрин в Норвегии. Сходная со Свеаландом концентрация топонимов наблюдается на Ютландии на территории между Еллинге и Хедебю (*Randsborg K. The Viking Age in Denmark. P. 80*).

³⁰⁴ Ambrosiani B. Fornlamningar och bebyggelse. P. 215–218.

³⁰⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 366. См. также о погостах: Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4. С. 100–112.

согласно летописи, по смерти братьев Рюрик раздает «мужемъ своимъ грады, овому Поло-тескъ, овому Ростовъ, другому Б#лоозеро»³⁰⁶.

В той же ПВЛ появление сети городов и погостов непосредственно связывается с обложением подвластных территорий данью при Олеге (882 г.), который «нача города ставити, и устави дани слов#номъ, кривичемъ и мери»³⁰⁷ и «реформами» княгини Ольги (947 г.)³⁰⁸.

Во второй половине I тыс. н. э. в Скандинавских странах появляются поселения, которые исследователи отличают от сельских на основании относительно развитой торгово-ремесленной деятельности и определяют как собственно протогородские (или предгородские) центры, которые обычно называются виками³⁰⁹. В Дании уже до 800 г. существуют Хедебю и Риббе, в эпоху викингов возникают Орхус, Оденсе, Виборг, Роскильде; в Швеции до VIII в. функционируют Экеторп и Хельгё, с VIII в. – Бирка (на о. Бьёркё в оз. Меларен), позднее вырастают Лунд, Сёдертэлье, в Норвегии – Скирингсسالъ. Вики VIII–X вв. играют большую роль в международной торговле, связывая арабский Восток и Западную Европу. Не меньше оснований считать их и крупными ремесленными центрами, однако ремесленное производство в них было ориентировано в большей степени на обслуживание населения вика и торговли, нежели прилегающей к вику округи. Концентрация в них населения³¹⁰, скопление значительных материальных ценностей – все это способствовало быстрому росту самих поселений и увеличению их роли в экономическом развитии Скандинавских стран.

Именно экономическое значение вигов определяет, практически со времени возникновения, установление контроля со стороны королевской власти над их деятельностью и вовлечение вигов во внутривикополитическую структуру нарождавшегося государства³¹¹. В важнейших виках короли имеют своих представителей, собиравших, видимо, торговые пошлины³¹²; с IX в. в Хедебю и Бирке производится чеканка монеты, что было королевской регалией³¹³. В X в. большинство вигов обносится укреплениями, в непосредственной близости от них располагаются небольшие по размерам, но имеющие мощные укрепления «борги», в которых размещался «гарнизон» – часть дружины конунга, оставившей богатые дружинные могильники. Тем не менее полного подчинения вигов королевской власти не происходит: по сообщениям Римберта (третья четверть IX в.), подтверждаемым Адамом Бременским (XI в.), важную роль в вопросах внутренней жизни Бирки играли ее жители и «совет знатных» (*principes*)³¹⁴. Резиденция конунга находилась вне территории вика (на о. Адельсё у Бирки). Хотя письменные источники по социально-политическому устройству других вигов скудны, но сходство топографической структуры поселений – наличие усадеб-хусабю около Хедебю и Скирингссалъ – позволяет предполагать также их сходство и в других отношениях. Таким образом, хотя и сохранявшие определенную самостоятельность вики тем не менее были включены как в военно-стратегическую, так и экономическую систему (сбор дани и

³⁰⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. – Прим. ред.].

³⁰⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. – Прим. ред.].

³⁰⁸ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149.

³⁰⁹ Vogel W. Wik-Orte und Wikinger // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1969. Bd. 1. S. 196–238; Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313–325; Skovgaard-Petersen I. The Coming of Urban Culture. P. 5–7.

³¹⁰ По подсчетам А.-С. Грэнлунд, постоянное население Бирки составляло 500–600 человек (Grönlund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Birkå. Stockholm, 1980. P. 82–83).

³¹¹ Cohen S. The Earliest Scandinavian Towns. P. 313; Sawyer P.H. Wics, Kings and Vikings I I The Vikings. Symposia Universitatis Upsaliensis. Uppsala, 1978. P. 23–31 \ Skovgaard-Petersen I. The Coming of Urban Culture. P. 15–17.

³¹² Adam. I, 15; I, 26.

³¹³ Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 3–29.

³¹⁴ Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / G. Waitz. Hannover, 1884 (MGH SRG). Unveränderter Nachdruck, 1988. X (11); XXVI (27); Adam. IV. 21, 22.

ее реализация на международных рынках). Это определяет основное отличие вигов от тун и хусабу – их полифункциональность, хотя и при очевидном доминировании в них торговли и ремесла.

На Руси ранние ремесленные поселения представлены Пастырским городищем, возможно, Зимновским, позднее городищами Ревно, Хотомель и др.³¹⁵.

Однако эти единичные поселения еще не образовали сети и являлись, видимо, центрами местной округи. Они сопоставимы с ранними скандинавскими центрами, такими, как шведские Экеторп и Хёльге.

С VIII в. возникают полиэтнические торгово-ремесленные поселения на севере Руси – прежде всего в Ладоге, однотипной с Хедебю³¹⁶ и другими протогородами балтийского региона. Им близки и торгово-ремесленные поселения, формирующиеся к X в. на дружинных погостах. В наиболее древнем значении, каким оно вырисовывается в ПВЛ (947 г.) и по данным лингвистики, погост выступает как «стан для князей и княжеской дружины, наезжавшей для собирания дани»³¹⁷, – полюдья (позднее, в эпоху развитого феодализма, погосты – центры сельских общин и административно-податных округов³¹⁸), т. е. выполняет административную функцию, аналогичную хусабу. Однако по сравнению с хусабу древнерусские поселения, которые можно отождествить с погостами на основании обнаруженных там дружинных древностей, имели более широкий набор функций, прежде всего ремесленную и торговую. Характер ремесла был во многом ориентирован на нужды великокняжеской дружины, постоянно пребывавшей на погостах, судя по дружинным курганам в составе некрополей возле поселений в Гнёздове, Шестовице, Тимереве. Типологически и, видимо, генетически (о чем говорит единство материальной культуры, характеризующей быт дружины) близки перечисленным памятникам Городище под Новгородом, в меньшей мере – Сарское городище под Ростовом.

По уровню развития ремесла и торговли (прежде всего внешней), характеру деятельности дружины главные древнерусские погосты смыкаются с Биркой и другими виками³¹⁹. Однако древнерусские погосты наделены были более широким набором функций, чем вики: они – центры сбора дани и, видимо, административного управления, а потому схожи как с виками, так и с хусабу.

Расширение сети погостов, как уже говорилось, летопись связывает с деятельностью Ольги, которая в 947 г. идет из Киева к Новгороду и Пскову и «устави по Мьст#повосты и дани и по Луз#оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и м#ста и повосты... и по Дн#пру перев#сища и по Десн#...»³²⁰. Раскопки выявляют возрастающее число торгово-ремесленных поселений, которые можно сопоставить по характеру ремесленной деятельности с погостами типа Гнёздова и Тимерева, расцвет которых приходится как раз на середину X в.: в этот период рядом с Гнездовом возникает новое поселение и курганная группа на Олынанке, наряду с Тимеревом в Верхнем Поволжье развиваются сходные поселения в Михайловском и Петровском. Маршрут Ольги, возможно, проходил через Городок

³¹⁵ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 242–243; Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 51–52.

³¹⁶ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 99–100; Он же. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3–26.

³¹⁷ Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 71–72.

³¹⁸ Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 101.

³¹⁹ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.

³²⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 43 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 29. – Прим. ред.].

на Верхней Луге, Городок на Ловати³²¹, поселения на Десне, главное из которых – Шестовица³²², и др. Время их существования – преимущественно X век, причем Городок на Луге возникает в середине этого столетия, и его основание исследователи приписывают Ольге³²³.

В отличие от ранних торгово-ремесленных поселений погосты образуют уже отчетливую раннегородскую сеть, расположенную на основных речных магистралях и связанную не только со столичным Киевом, но и с балтийскими протогородами прежде всего через Ладогу, включенную в систему великокняжеских центров и представлявшую собой «торжище, погост и пункт привоза дани» уже с первой половины IX в.³²⁴

Взаимосвязи между древнерусскими погостами обнаруживаются не только в их общих внешних контактах и единстве их материальной культуры, но и в общих тенденциях развития ремесленной технологии³²⁵, а также социальной структуры. О последнем можно судить прежде всего по распространению ко второй половине X в. специфического дружинного погребального обряда – ингумаций в камере, обнаруженных как в Киеве, так и в подвластных ему городах (Ладога, Псков) и на погостах — в Гнёздове, Тимереве, Шестовице. Камерные гробницы принадлежали представителям высшей дружинной знати, вероятно, непосредственно связанной с Киевом. Типологически и, видимо, генетически этот обряд восходит к ингумациям в камерах, известным в скандинавских виках, особенно в Бирке и Хедебю³²⁶.

Показательно, что крупнейшие погосты располагались, как правило, вблизи древнейших племенных центров: Гнёздово — под Смоленском, Шестовица — под Черниговом, Городище³²⁷ — под Новгородом (последнее, видимо, с конца IX в. выполняло функции экстерриториальной княжеской резиденции). Дискутируется роль Сарского городища под Ростовом³²⁸: погост мог возникнуть на старом мерянском поселении (VIII в.) (ср. возникновение Гнёздовского городища на месте балтского поселения). Расположение главных княжеских погостов на водных магистралях вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их дру-

³²¹ Горюнова В. М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 140–148. В верховьях Западной Двины на р. Торопе возле Торопца также обнаружены дружинные древности IX–X вв., клад дирхемов (IX в.?) и городище, укрепления которого были возведены во второй половине X в. См.: Корзухина Г. Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. 1964. Вып. VIII. С. 297–313; Седое В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 245.

³²² Шинаков Е. А. К вопросу о происхождении раннесредневековых городов Брянского Подесенья // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 75.

³²³ Заклевская Н. И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 53. См. также: Платонова Н. И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 174, 178–179.

³²⁴ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. С. 24.

³²⁵ См., например, о технологии производства вещей из цветных металлов Городка на р. Ловати, Гнёздова, Киева и др.: Горюнова В. М. Цветной металл Городка на Ловати (X–XII вв.). Спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 56–61; Кирилович С. Р., Орлов Р. С. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. // Археологические исследования Киева. С. 61–76.

³²⁶ Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // СС. 1977. Вып. XXII. С. 147–151; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. 1984. № 3. С. 58.

³²⁷ Янин В. Л., Колчин Б. А. Археологии Новгорода — 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1980. С. 110; Носов Е. Н. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. С. 3–38.

³²⁸ Исследование соотношения племенных центров и погостов осложнено слабой изученностью ранних слоев древнейших русских городов. Ранние маломощные слои разрушались наиболее интенсивно, и во многих городах, о существовании которых в IX–X вв. известно из сообщений летописи, слои этого времени пока не прослежены. Это дало повод для создания теории «переноса городов» в Древней Руси. В частности, считалось, что первоначальный Ростов — это Сарское городище; на своем месте Ростов возник благодаря «переносу» (Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 78–37). Современными исследованиями в Ростове открыты слои X в. и доказано, что Ростов сосуществовал с Сарским городищем в эпоху расцвета последнего (Леонтьев Е. А. Ростов (предпосылки образования древнерусского города) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. С. 61–62).

жины призваны были не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям боярской «верхушки» древнерусских городов – старых племенных центров. Очевидно, что помимо внутривластной (военно-административной) функции погосты обладали и фискальной – сбора, а затем и сбыта дани на международных рынках. Погосты были, собственно, местом перераспределения прибавочного продукта: об этом могут свидетельствовать клады серебряных монет и вещей, призванных украсить быт дружинной «верхушки» и подчеркнуть ее высокий социальный статус. Таким образом, вероятно противостояние на Руси погостов (центры формирующегося государства) и «племенных городов» (центры местной округи)³²⁹.

К середине X в. древнейшие городские центры включаются в общерусскую городскую сеть: судя по сообщению Константина Багрянородного, не только Киев, где правил «архонт росов» Игорь, и Новгород, где сидел его сын Святослав, но и Чернигов, и Смоленск, наряду с Витичевым, Вышгородом и Любечем (если под хоронимом Телюца понимать Любеч, а не Полоцк), участвуют в сборе лодок-однодеревков. Показательно, что славяне продают однодеревки росам³³⁰ (под последними Константин Багрянородный понимает великокняжескую дружину), а не поставляют их как подать. С другой стороны, уже в договоре русских с греками, помещенном в ПВЛ под 907 г., «заповѣда Олег... даяти уклады на рускыя грады: первое на Киевѣ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтвскѣ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы; по тѣмъ бо городомъ сядяху велиции князи, под Олгом суще»³³¹.

В истории формирования Древнерусского государства и его городской сети особое значение имеет Киев и его округа, получившие позднее – в XII в. – название «Русская земля» (в узком смысле) и представлявшие княжеский домен³³², типологически близкий Упсальскому лену в Свеаланде. Киев, племенной центр полян, ставший столицей огромного государства, в летописи начиная с договора 907 г. постоянно связывается с двумя городами: Черниговом и Переяславом, которые входят в великокняжеский домен. Курганы Чернигова – свидетельство присутствия в городе великокняжеской дружины, по крайней мере с середины X в. Более того, дружинные курганы известны по всей Черниговщине, а главные погосты были расположены в Шестовице и, видимо, в Седневе (древнерусский Сновск)³³³. Однако и вокруг самого Киева образуется сеть поселений, обеспечивавших деятельность князя и его дружины: Любеч (?), Вышгород, Витичев, «киевская крепость» Самбатас (если это не иноязычное название самого Киева)³³⁴, упомянутые Константином Багрянородным, а также княжеский теремный дворец X в. «вне града», на функции экстерриториальной резиденции которого указал М.К. Каргер³³⁵. Структура поселений, принадлежавших непосредственно великому князю, оформляется, согласно ПВЛ, ко времени правления Ольги: в Киев идут две трети дани с древлян, треть – в «Вольин град» Вышгород; среди мест, погостов, перевесищ, основанных Ольгой, упомянуто ее село Ольжичи³³⁶. Эта структура в общем сохраняется и

³²⁹ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города. С. 110–112. Ср. также: Шинаков Е. А. К вопросу о происхождении.

³³⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 9 // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272. [Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 46 (текст), 47 (перевод). – Прим. ред.].

³³¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 24 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 11. – Прим. ред.].

³³² Ср.: Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 68.

³³³ Ср.: Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 66; см. также: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 12.

³³⁴ См. карту древнерусских городищ вокруг Киева: Ратнопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 172–173.

³³⁵ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 267.

³³⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 43 [= ПВЛ-1996. С. 29. – Прим. ред.].

при Владимире, который держит наложниц в Вышгороде, Белгороде и селе Берестове³³⁷. В целом сеть контролируемых великокняжеской властью поселений в пределах домена напоминает сходную систему хусабу в Упсальском уделе. Дифференцированными оказываются и функции перечисленных пунктов: от старого племенного центра Киева (со святилищем и т. п.), ставшего столицей государства, до княжеского «града» (Вышгород), возможно, восходящего к княжескому двору-замку³³⁸, села и экстерриториальной резиденции князя («теремный двор»). Как уже упоминалось, древлянская дань распределялась между Киевом и Вышгородом как «Ольгиным градом». Отношения подчинения Киеву охватывали города всей Русской земли (в широком смысле): те центры, которые, согласно Константину Багрянородному, летом поставляли в Киев одnodеревки, зимой, по убедительному предположению Б.А. Рыбакова, участвовали в кормлении дружины росов, собиравшей полюдь³³⁹. Четко прослеживается присутствие великокняжеской дружины в Чернигове, Пскове, Ладоге. Среди племен, входивших в зону полюдя, не названы словене новгородские, зато Новгород, где сидел в X в. старший сын киевского князя, платил в Киев дань (урок)³⁴⁰. Эта взаимосвязь административных и фискальных функций, роль разных городов как подателей и получателей даней свидетельствуют о сложной и иерархизированной древнерусской городской сети в X в. и ее развитии по мере становления государственности.

Таким образом, вырисовывается картина сосуществования нескольких различных по характеру, но взаимосвязанных и функционально дополняющих друг друга поселений. Они образуют сеть, основанную на административно-территориальном делении земель и отражавшую разнотипные системы управления. Это старые племенные центры (на Руси) и туны (в Скандинавии), выполнявшие культовые и административные функции; опорные пункты центральной (государственной) власти: хусабу в Скандинавии (на территории королевского домена и в каждой из сотен) и погосты на Руси, куда свозилась дань с округи и где находилась резиденция представителя верховной власти; наконец, торгово-ремесленные центры (собственно протогорода), концентрирующие ремесла, торговлю и перераспределение прибавочного продукта (на Руси частью совпадают с погостами, в Скандинавии – вики). Такое сочетание функционально различных поселений на уровне «земли» (ланда) наиболее ярко проявляется в «Русской земле» (в узком смысле) и в Свеаланде; в последнем сосуществуют и взаимно дополняют друг друга Старая Упсала (культовый и племенной центр), Бирка и королевская усадьба на Адельсё. Аналогичная картина наблюдается в Дании, где сосуществуют Хедебю и, видимо, королевская усадьба (Хусбю) в 5 км от него³⁴¹; в Норвегии, где рядом с торгово-ремесленным центром конца VIII – начала IX в. Скирингссалем (Каупанг) находится хутор, носящий название Хусебю, и языческое капище³⁴². Рядом с большинством протогородов (но за пределами укрепленной части) расположены крепости, где, видимо, находился «гарнизон» конунга (в Хедебю, Бирке, Павикене и др.). Наконец, в более развитой в социально-экономическом отношении Дании возникают «укрепленные лагеря» типа Треллеборга, рассматриваемые как опорные пункты королевской власти³⁴³ и сопоставимые с такими древнерусскими центрами, как Гнёздово, расположенное на пути между главными центрами Руси – Киевом и Новгородом, и Шестовица на территории северян, подчиненной Киеву.

³³⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 57 [= ПВЛ-1996. С. 37. – Прим. ред.].

³³⁸ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества. С. 68.

³³⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 322–323.

³⁴⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 88–89 [= ПВЛ-1996. С. 58. – Прим. ред.].

³⁴¹ Gregersen H. V. Slesvig og Holsten f0r 1830. Copenhagen, 1981. S. 75.

³⁴² Blindheim Ch. Kaupaug by the Yiks Fjord in Yestfold. Excavations and Research // Herteig A. E., Liden H.-E., Blindheim Ch. Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo, 1975. P. 136.

³⁴³ Randsborg K. The Viking Age in Denmark. P. 99–101.

* * *

В конце X – первой половине XI в. в этой картине происходят существенные перемены: в первую очередь и в Скандинавии и на Руси исчезают или приходят в упадок многие из наиболее крупных торгово-ремесленных центров: Бирка, Хедебю, Гнёздово, Тимерево. В тех скандинавских городах, которые, как считается, продолжили свое существование в средние века, наблюдаются в это время топографические изменения. Так, в Рибе поселение эпохи викингов на северном берегу р. Рибе исчезает в XI в., а вместо него возникает город на южном берегу реки³⁴⁴; перемещается центр поселения в Роскильде; вместо сожженного в середине XI в. Хедебю на противоположном берегу р. Шлее вырастет Шлезвиг³⁴⁵. На Руси сходные процессы отмечаются в Полоцке, где к началу XI в. забрасывается старое укрепленное поселение и с ростом города возникает новый детинец (Верхний Замок)³⁴⁶, а по последним предположениям, также и в Новгороде, где жизнь на Городище временно затухает в XI в., княжеская резиденция переносится на Ярославово Дворище³⁴⁷. Эти топографические изменения, видимо, связаны с формированием структуры, ставшей традиционной для средневековых городов.

Одновременно происходит и функциональная переориентация хусабю. Их административно-фискальные функции сокращаются, и из поселений, близких ранним погостам, они превращаются в усадьбы, которые контролируют королевские земельные владения (например, на о. Адельсё в XII в. строится королевский замок).

После введения христианства падает роль культовых центров, таких, как Старая Упсала. Становление церкви под прямым покровительством королевской власти обуславливает размещение церковной администрации в поселениях, находящихся под контролем королевской власти.

Таким образом, монофункциональные поселения VIII–X вв. по мере усиления королевской власти, формирования центрального управления, становления податной системы оказываются неспособными удовлетворить широкий спектр новых общественных потребностей. В этих условиях развитие поселений с дифференцированными функциями подчиняется общей тенденции к синтезу разных функций в формирующихся городах феодальной эпохи³⁴⁸. Наиболее наглядно этот процесс протекает в Свеаланде. Старая Упсала – Бирка — усадьба на Адельсё, три центра Свеаланда (культовый, торговый, административный) в конце X – начале XI в. уступают место Сигтуне, также расположенной на оз. Меларен³⁴⁹. Она становится важнейшим центром ремесла, торговли, королевской власти, церкви. В ней начинается чеканка монет, находится резиденция конунга Швеции (к этому времени включив-

³⁴⁴ *Bencard M.* Introduction // *Ribe Excavations, 1970–1976*. Esbjerg, 1981. Vol. 1. P. 10–11. Map: p. 6–7.

³⁴⁵ *Olsen O.* The Medieval Town. A Historical-Archeological Project Initiated by the Danish Research Council for the Humanities // *Danish Medieval History. New Currents*. Copenhagen, 1981. P. 137–152. Закрепление названий «Хедебю» за поселением эпохи викингов и «Шлезвиг» – за средневековым городом принадлежит современной литературе. В средневековых источниках они употребляются альтернативно.

³⁴⁶ *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 31–33.

³⁴⁷ *Носов Е. Н.* Новгород и Новгородская округа IX–X вв. С. 34. Автор справедливо отмечает, что такие топографические сдвиги не имеют отношения к «переносу городов».

³⁴⁸ Очевидно, что эта дифференциация и синтез функций проявились только в процессе развития сети поселений. Как считает Б. А. Тимошук, «древнерусские города впервые появились тогда, когда ремесленные поселения, военно-феодальные центры и окружающие их селища слились в одно взаимозависимое целое» (*Тимошук Б. А.* Древнерусские города Северной Буковины. С. 119–120).

³⁴⁹ *Douglas M.* Sigtuna. Stockholm, 1978. П. Сойер предполагает даже, что торговля и ремесла были преднамеренно перенесены конунгом Свеаланда из Бирки в Сигтуну (*Sawyer P. H.* Kings and Vikings. Scandinavia and Europe, AD 700–1100. L., 1982. P. 130). См.: *Ambrosiani B.* Birka – Sigtuna – Stockholm. Ett diskussionsinlägg // *Tor*. 1957. B. 3. S. 148–158.

шей Ётланд и другие области). О процветании в Сигтуне торговли и ремесел говорят рунические надписи, упоминающие «фризскую гильдию», и найденные при раскопках остатки мастерских: ювелирных, косторезных и др. В 60-х гг. XI в. Сигтуна становится центром вновь образованной епископии, в ней строятся каменные церкви св. Петра, св. Олава, св. Ларса. Во второй половине XI в. в ней сосредоточиваются все основные городские функции, ранее до известной степени расчлененные между тремя поселениями.

В процессе становления Древнерусского государства также наиболее прогрессивными образованиями были поселения, синтезировавшие функции торгово-ремесленных и княжеских административных центров и центров местной (в прошлом – племенной) округи. Очевидно, что интенсивный рост древнерусских городов во второй половине X–XI в. (Киев, Новгород, Псков, Ростов, Смоленск, Полоцк и др.)³⁵⁰ делал малоэффективной систему полюдья, что ослабило роль погостов. Естественно стремление русских князей, особенно начиная с Владимира, закрепить за собой города, посадив туда своих сыновей. Согласно ПВЛ, после 988 г. Владимир «посади Вышеслава в Нов#город#, а Изяслава Полотьск#, а Святополка Туров#, а Яро сла ва Ростов#. Умершю же стар#йшему Вышеславу Нов#город#, посадиша Ярослава Нов#город#, а Бориса Ростовм, а Гл#ба Муром#, Свя то сла ва Дерев#хъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»³⁵¹. А. А. Шахматов считал летописную статью о распределении волостей между сыновьями Владимира искусственной. Неясно, писал он, почему не указано, кто сидел в Смоленске, Чернигове, Переяславле, названных в летописи среди древнейших городов. Но, как уже указывалось, Чернигов и Переяславль входили в великокняжеский домен в X в. и лишь после смерти Ярослава (1054 г.) стали столицами самостоятельных княжеств. Что же касается Смоленска, то сам Шахматов отмечал, что в поздних летописных сводах, сведения которых, видимо, подтверждаются византийским хронографом (Скилица-Кедрин), к списку волостей, полученных сыновьями Владимира, добавлен и Смоленск, где был посажен Станислав, и Псков, куда Владимир посадил Судислава³⁵².

В Новгороде появление князя отмечается переносом княжеской резиденции с Городища на Ярославово Дворище в сам город: жизнь на Городище временно затухает. Но так же затухает жизнь и в Гнёздове под Смоленском – не с вокняжением ли Станислава в городе связано это событие? Вероятно, с утверждением Ярослава на ростовском столе можно увязать и упадок поселения на Сарском городище, а с основанием им княжеской крепости, Переяславля, – исчезновение Тимерева и других погостов в Верхнем Поволжье.

Следует отметить, что помимо главных погостов и дружинных лагерей типа Шестовицы к началу XI в. прекращают существование или приходят в упадок многие племенные и ранние протогородские центры (Искоростень, поселение на Ревнянском городище, на Титчихе, Хотомель и др.)³⁵³, в процессе христианизации уничтожаются культовые центры (Перынь) и т. и. Функции погостов по мере феодализации отходили к ближайшим городам – центрам местной округи (волости)³⁵⁴ и княжеской администрации, в некоторых случаях – экстерриториальным княжеским резиденциям. Наименование «погосты» (как и «хусабы» в Скандинавии) закрепилось за центрами сельской округи. На месте Гнёздовского и Сарского городищ возникли феодальные усадьбы, а центрами княжеств стали Смоленск и Ростов.

³⁵⁰ Ср.: Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 50, 53.

³⁵¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 83 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 54. – Прим. ред.].

³⁵² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 88–89.

³⁵³ Ср.: Тимощук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины; Куза А. В. Древнерусские поселения. С. 42, 50.

³⁵⁴ Куза А. В. Города в социально-экономической системе. С. 3–11.

* * *

Опыт историко-типологического исследования позволяет выявить некоторые закономерности в возникновении и развитии раннегородских центров, которые в процессе становления государства образуют сеть взаимосвязанных поселений с различными функциями. Наряду с традиционной системой «племенных» административных, культовых центров формируется и накладывается на нее система опорных пунктов государственной власти. В иерархизирующуюся с укреплением государства сеть раннегородских поселений входят также торгово-ремесленные «протогорода», контролируемые центральной властью. Завершение процесса сложения феодальных государств сопровождается отмиранием некоторых звеньев этой сети: в первую очередь, тех протогородских образований, которые по тем или иным причинам не были в состоянии синтезировать основные городские функции, и развитием полифункциональных городов феодальной эпохи.

(Впервые опубликовано: ИСССР. 1986. № 5. С. 64–78)

Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен»

Е. А. Мельникова

1. Сообщения ПВЛ и НПЛ об этнополитической ситуации на Северо-Западе Восточной Европы к моменту «призвания варягов» позволили предположить, что в середине IX в. здесь существовало межплеменное объединение, получившее условное наименование «северной конфедерации племен». Оно характеризовалось как территориально-политическое образование, возглавляемое нобилитетом входивших в его состав племен и возникшее в ходе борьбы с «северной опасностью» (В.Т. Пашуто и др.). Однако, поскольку малоблагоприятные природные условия для производящего хозяйства вряд ли могли обеспечить интенсивное социально-политическое развитие региона, остаются неясными экономические предпосылки и общественный строй этого объединения.

2. Легенда о призвании и другие известия ПВЛ и НПЛ, сообщения восточных источников, восходящие к IX в., а также археологические материалы дают основания для уточнения этих вопросов. Территория «конфедерации» складывалась вокруг северной части Балтийско-Волжского пути. Она объединяла племена, земли которых располагались на его отдельных участках от Финского залива (чудь) до Волжской Болгарии (меря). Крупный торговый путь консолидировал округ, создавая вокруг него обширную (благодаря разветвленной речной сети) зону, в которой доминировали тенденции к политической интеграции. На земле каждого из входивших в нее племен в VIII–IX вв. возникают торгово-ремесленные и военно-стратегические центры: Ладога в земле чуди, Изборск и Псков — у кривичей, Городище и позднее Новгород — у словен, Сарское и Тимерево — у мери. В них происходило перераспределение движущихся по торговому пути ценностей. Контроль над ними обеспечивал концентрацию богатств и укрепление центральной власти. Ядром этого образования являлся Волхов-Ильменский участок пути. В рассказе об «острове русов» (Ибн Русте, Гардизи), локализуемом на этой территории, объединение названо «страной русов» (ар-Русийя). Видимо, оно же обозначается как ас-Славийя (второй вид русов) в несколько более поздней арабской традиции (ал-Истахри, Ибн Хаукаль).

3. Центральная власть, глава которой обозначается восточными авторами как «хакан» (Ибн Русте и др.) — титул правителя наивысшего ранга, — опирается на иноэтническую, т. е. не связанную с узко племенными интересами военную силу, и осуществляет над нею контроль («призвание» совершается согласно «ряду»-договору). Уровень социальной стратификации отражается не только в выделении «знатных русов», погребаемых по особому обряду (Ибн

Русте), но и в обособлении военного слоя. Представители центральной власти («мужи» Рюрика) вместе с дружинами размещаются в основных центрах на территориях отдельных племен — согласно легенде, для кормления, но, вероятно, в первую очередь, для контроля над ними.

4. Экономическую основу власти создают торговля по Балтийско-Волжскому пути (особое внимание на нее, в силу преимущественно торговых контактов, обращают восточные источники) и дани с местного населения (легенда, Гардизи). Торговля пушниной и рабами составляет, по мнению восточных писателей, основное занятие верхушки общества; десятина от нее поступает правителю (Худуд ал-Алам, Гардизи). Важной предпосылкой участия местной знати в торговле по Балтийско-Волжскому пути было наличие в регионе пушного зверя, одного из главных предметов торговли. Получаемые в виде дани меха, а также другие предметы промыслов, поступали в торговлю, обогащая племенную верхушку,

что укрепляло ее социальное положение. Очевидно, существуют определенные правовые нормы, ограждающие торговлю (по Гардизи, за оскорбление чужеземца (купца) отдается половина имущества оскорбителя). Дани собираются в натуральной форме путем полюдья (Ибн Русте, Гардизи и др.). Можно предполагать наличие некоего аппарата для взимания дани: и после ухода Олега в Киев дань от Новгорода продолжает поступать к нему.

5. Правовая регламентация общественной жизни касается, видимо, не только обеспечения торговой деятельности, но и функционирования властных структур. Наличие правовых норм в этой сфере частично отражено в статьях «ряда» с варягами, а также в самом факте его заключения.

6. Неполные и отрывочные, эти данные, тем не менее, указывают на то, что уже в середине IX в. на Северо-Западе Восточной Европы сложилось территориально-политическое образование более высокого, нежели союз племен, уровня. В его возникновении решающую роль сыграла торговля по Балтийско-Волжскому пути. Само же оно может быть охарактеризовано как раннее государство дружинного типа.

(Впервые опубликовано: ВЕДС. V: Спорные проблемы истории. 1993. С. 53–55)

Формирование территории Древнерусского государства в конце IX – начале X в.

Е. А. Мельникова

История единого Древнерусского государства, по общему мнению, начинается с прихода с севера (из Ладоги?) в Киев скандинавского хёвдинга Хельги-Олега. Русские летописцы практически ничего не знают о докиевском периоде жизни Олега, домысливая его отношения к Рюрику и Игорю (родственные или вассальные), условно восстанавливая дату его прихода в Киев – 882 г., и реконструируют его деятельность в качестве киевского князя на основании ряда преданий о нем дружинного происхождения. Единственным документальным свидетельством, на которое мог опираться летописец, являются тексты двух договоров с Византией, заключенных в 907 и 911 гг. Договоры свидетельствуют о самостоятельном (без участия Игоря) правлении Олега в Киеве в начале X в. в качестве верховного правителя Руси, о территории и социально-политической структуре Древнерусского государства к концу правления Олега. Они показывают, сколь радикальные изменения произошли на землях восточнославянских племен в конце IX – начале X в.

По свидетельствам восточных писателей X в., использовавших не дошедшие до нас источники второй половины IX в., на землях восточных славян существовало по меньшей мере два предгосударственных образования, различавшихся экономической основой и социально-политической структурой. Одно из них, располагавшееся на севере (вероятно, с центром в Ладоге), получило в арабской литературе наименование «Славия». В нем выделялись две категории населения: военизированные русы, составлявшие верхушку общества, и сакалиба-славяне, выплачивавшие русам дань натурой. В экономике Славии ведущую роль играли осуществляемые русами торговля и военная деятельность. Эти сведения хорошо согласуются с летописными сообщениями о Приладожско-Ильменском регионе второй половины IX в.: появлении там варягов-скандинавов, обложении даями местных племен, установлении господства одного из скандинавских предводителей (Рюрика-Хрёрика). Другое объединение, названное арабскими писателями «Куявией», находилось на юге территории восточных славян, было земледельческим и скотоводческим по своей экономике. Оно связывается с неоднократно упоминаемым летописцами племенным княжением полян, обитавших в Среднем Поднепровье и имевших своим центром Киев.

Отдельные упоминания составителя «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) позволяют в общих чертах представить себе картину жизни славян Поднепровья. Они жили «каждый своим родом» и имели собственные правящие династии. Политическая независимость полян, древлян, северян и других племен подразумевается также в рассказах об их подчинении Олегом и его преемниками. Летописец отмечает и то, что поляне в какое-то время «быша обидимы древляны и иншими околними», т. е. между славянскими племенами Поднепровья существовали сложные и подчас враждебные отношения.

Важнейшим политическим фактором в развитии среднеднепровских племен было доминирование Хазарского каганата в южной части Восточной Европы, установившееся с конца VIII в. Стремясь к прочному контролю над восточноевропейскими торговыми путями, Хазария подчиняет себе Волжскую Булгарию, а позднее данниками каганата становятся поляне, северяне, радимичи и вятичи, т. е. славянские племена левобережья Днепра.

Появление в Среднем Поднепровье новой силы, претендующей на власть, столкнулось с разнонаправленными интересами как восточнославянских племен, так и Хазарского каганата. Не случайно, даже согласно ПВЛ, отразившей, естественно, лишь незначительную часть событий, вокняжение Олега в Киеве было далеко не первой попыткой скандинавов

закрепиться в Среднем Поднепровье – достаточно вспомнить Аскольда и Дира, объединенных летописцем в качестве соправителей.

Что же влекло в Среднее Поднепровье скандинавов, закрепившихся во второй половине VIII в. в Ладоге, а в IX в. в других центрах на Волхове, Ильмене, Волге, контролировавших торговлю по Балтийско-Волжскому пути и возглавивших «Славию» во второй половине IX в.? Вероятно, это было то же стремление обеспечить себе доступ к богатым рынкам сбыта своих товаров, которое полутора столетиями ранее привело к открытию Балтийско-Волжского пути. Однако Хазария, которая контролировала торговлю с халифатом, была не склонна допускать прямые контакты северных купцов с арабским миром и пропускать их по Волге на Ближний Восток. Подавляющее большинство купцов-русов вынуждено было торговать мехами и рабами в Булгаре на Средней Волге, откуда эти ценные товары – уже при посредстве булгарских (подчиненных хазарам) и хазарских купцов переправлялись в халифат. Хотя известно, что отряды русов неоднократно прорывались на Каспийское море (иногда с согласия Хазарин для борьбы с ее собственными врагами) и даже доходили до Багдада, это были отдельные походы, нередко заканчивавшиеся гибелью их участников.

О существовании другого крупнейшего потребителя мехов и рабов – Византии – скандинавы узнают к концу VIII в.: известны одиночные походы викингов вокруг Европы в Средиземное море, к началу IX в. относятся первые упоминания о нападениях росов на византийские земли, а в 839 г. к германскому императору Людовику Благочестивому приходят росы (как оказалось, свеоны) – послы некоего (хазарского?) кагана к византийскому императору Феофилу. Именно с этого времени начинается постепенное освоение скандинавами Днепровского пути. Важным показателем начала его регулярного функционирования является появление Гнёздова, важнейшего контрольного пункта на переходе из Балтийско-Волжского в Днепровский путь. Время его возникновения спорно, но единодушно признано, что на рубеже IX–X вв. он становится одним из крупнейших центров Восточной Европы.

Первоначально подвластные Олегу территории представляли собой две разделенные восьмисоткилометровым речным путем области: регион вокруг Балтийско-Волжского пути, от южного побережья Ладожского озера до Ярославского Поволжья, и округа Киева, населенная полянами. Ни Олег, ни его преемники, обосновавшись в Киеве, не намеревались отказываться от своих северных владений: по сообщениям ПВЛ, Олег устанавливает ежегодную «дань» от Новгорода; в его войске, равно как и в войске Игоря, участвуют представители племен, входивших в «Славию» (кривичи, словене, меря и чудь); Константин Багрянородный упоминает, что в Новгороде сидит сын Игоря Святослав. Поэтому обеспечение устойчивой связи между двумя частями территории было жизненно необходимо.

Согласно ПВЛ, захватив Киев, Олег совершает ряд походов против славянских племен (племенных княжений): древлян, северян и радимичей. Древляне, не зависимые ни от полян, ни от Хазарин, обитали на западном берегу Днепра к северу от полян по рекам Уж и Тетерев до Припяти. Их подчинение описано в ПВЛ как завоевание военной силой: «Поча Олег воевати деревляны, и примучив я, имаше на них дань по черной куне». Позднее древляне названы в числе племен, составлявших войско Олега в походе на Константинополь. Таким образом, главными проявлениями подчинения древлян стали выплата ими дани и участие в военных предприятиях киевского князя. Однако их включение в Киевское государство не было прочным. После смерти Олега они «затворишася от Игоря», который предпринимает новый военный поход и приводит их под свою власть. Четвертью столетия позже, в 945 г., древляне снова восстанут против власти киевского князя, убивают Игоря, но вновь оказываются разгромлены – на этот раз окончательно – его вдовой Ольгой.

Племенной союз северян занимал обширную территорию на восточном берегу Днепра по Десне. Их покорение не только позволяло Олегу установить контроль над значительной частью Днепровского пути к северу от Киева, но и открывало пути в Хазарский каганат по

Дону и в Волжскую Булгарию на Среднюю Волгу, а также в Волго-Окское междуречье с дальнейшим выходом в верховья Волги. Включение северян в молодое государство происходило, судя по рассказу ПВЛ, иным, нежели покорение древлян, мирным путем. В первую очередь, это объяснялось тем, что северяне на протяжении нескольких десятилетий находились в зависимости от Хазарского каганата и, видимо, союз с киевскими правителями выглядел для них предпочтительнее. К концу правления Олега их племенной центр Чернигов приобретает такое значение в государстве, что получает часть византийской «дани» по условиям договора 911 г. Их переход под власть киевского князя, очевидно, не сопровождался военными действиями и оказался устойчивым. Формы зависимости также заключались в выплате дани и участии в войске киевского князя.

Радимичи обитали на восточном берегу Днепра к северу от северян и вплоть до территории смоленских кривичей, которые были подчинены Олегом на его пути из Ладоги в Киев. Покорение радимичей позволяло сомкнуть северные и южные владения Олега, окружить Днепровский путь подчиненными Киеву землями и тем самым закрепить власть над Днепровским путем. Их присоединение происходило тем же способом, что и северян, и также, очевидно, оказалось бесконфликтным.

Таким образом, согласно рассказам ПВЛ, территория Древнерусского государства к 10-м гг. X в. включала земли племен, обитавших вдоль двух главных путей Восточной Европы: Балтийско-Волжского и Днепровского. Ту же территорию очерчивает и состав войска Олега в 907 г. (словене, чудь, кривичи, меря и древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы), и резюме летописца, подведшего итоги деятельности Олега («и б# Олег обладая поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тиверци им#яше рать»).

Интеграция восточнославянских земель в государство, формирующееся вокруг Киева, была не подчинением ранее независимых племен или племенных объединений, как в случае с древлянами (чем, возможно, и объясняется длительность и трудность их покорения), а борьбой за влияние над ними с могущественнейшим государством Восточной Европы того времени – Хазарским каганатом, хотя и пережившим уже пору своего расцвета. Эта борьба завершилась лишь после победоносных походов Святослава в 965 и 968–969 гг. захватом и разрушением хазарской крепости на Дону Саркела, столицы каганата Итиль в дельте Волги и торгового города Семендер.

Подчинение восточнославянских племен сопровождалось регламентацией отношений между ними и центральной (киевской) властью. В середине X в. в трактате «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный характеризует славян как «пактиотов» росов, т. е. данников, отношения с которыми определены договорами (соглашениями) и которые выступают в качестве союзников. Регламентации в первую очередь подлежала выплата дани. Упоминание летописцем «варяжской» и «хазарской» дани в преамбуле к сказанию о призвании варягов включает немаловажную деталь: «хазарская дань» фиксирована – это серебряная монета (щеляг-дирхем) и белка от хозяйства («дыма»), размер же «варяжской» дани не определен, что естественно, поскольку Хазария имела развитую фискальную систему. «Перенимая» «хазарскую дань», Олег, очевидно, сохранил как сам принцип регламентации дани, так и ее размер. Древлянам же, которые дани хазарам не платили и были завоеваны силой, устанавливается фиксированная дань – по черной кунице (также от хозяйства?), видимо, по хазарскому образцу. Наличие установленного размера дани, взимаемой Киевом с древлян, подтверждается и рассказом об убийстве Игоря. Таким образом, в противоположность мнению о том, что фиксированные дани (подати) были введены Ольгой в середине X в., представляется, что они появились уже в конце IX в. как наследие хазарского каганата при отвоевании находившихся под его властью племен. Однако размер дани мог

различаться в разных регионах восточнославянского мира и определялся индивидуально для каждого племени или племенного объединения.

Сбор даней-податей был прерогативой киевских князей. Процедура сбора даней получила название «полюдье» и подробно описана Константином Багрянородным. По осени киевский князь со своей дружиной («всеми росами») выезжают из Киева, посещают подвластные им «славинии» (перечень «славиний» близок составу подчиненных Олегом племен), где собирают дань. Реконструкция маршрута полюдья согласуется с названными Константином «славиниями», а также с археологически исследованными крупными дружинными стоянками («погостами») типа Гнёздова, Тимерева, Шестовиц и др.: начинаясь в Киеве, он шел вдоль западного берега Днепра через Искоростень, племенной центр древлян, и Любеч вплоть до Смоленска (Гнёздова), где поворачивал назад и продолжался по восточному берегу Днепра через земли радимичей и северян. Примечателен тот факт, что полюдье охватывает лишь те территории, которые были присоединены Олегом после его вокняжения в Киеве: земли же племен, входивших в «Славию», исключены из системы полюдья, и дани там, очевидно, собираются иным способом.

В социально-политической структуре формирующегося Русского государства доминировала *русь* – новая военная аристократия, по преимуществу скандинавского происхождения, во главе с великим «руским» князем. Она осуществляла верховную власть над славянским населением, которое образовывало «славинии» (племена, племенные союзы) и рассматривалось как «пактиоты» (зависимые союзники, данники) руси. Однако русь быстро интегрировалась в восточнославянское общество. Уже отмечалось, что внешняя и внутренняя политика Олега, первого «руского» князя, была – вне зависимости от субъективных намерений самого Олега – общегосударственной, направленной на консолидацию и укрепление подвластных ему земель, а не преследовала, как характерно для викингских походов, целей личного обогащения. Еще показательнее быстрое усвоение скандинавами восточнославянского языка. Не позднее середины X в. (а вероятно, и значительно раньше, уже в конце IX в.) русь становится двуязычной: приводимые Константином Багрянородным названия Днепровских порогов на двух языках, «по-росски» (на древнескандинавском языке с древнешведскими элементами) и «по-славянски», сообщены ему информатором, принадлежавшим, очевидно, к числу тех самых росов, которые плавали в Византию и заключали договор 944 г.

Для новой военной аристократии была характерна смешанная, впитавшая разноэтничные признаки культура, получившая наименование дружинной. Наиболее ярко выраженным компонентом этой полиэтничной культуры является скандинавский, представленный погребальным обрядом, оружием, украшениями. Но наиболее важной ее характеристикой является не этническая принадлежность, а социальная маркированность. Разнообразное оружие, богатые украшения, останки коней, пышность ритуала, зачастую связанного с культом Тора, указывает на ее принадлежность новой военной аристократии Древнерусского государства. Дружинная культура выделяла на первый план социальный статус погребенного. В рамках дружинных погребений выделяются особо богатые захоронения и захоронения относительно бедные, свидетельствующие об иерархизации военной верхушки. Включение большого числа разноэтничных элементов подчеркивало ее несвязанность с племенными традициями, противопоставленность им. Дружинная культура ставила ее носителей вне и над племенной организацией, изолировала военную аристократию от общества и подчеркивала ее принципиальное отличие от старой племенной знати. Одновременно она знаменовала зарождение нового типа самосознания, надплеменного и более открытого для культурных и религиозных влияний.

(Впервые опубликовано: Четвертый міжнародний конгрес українців. Одеса, 26–29 серпня 1999 р. Доповіді та повідомлення. Історія. Одеса; Київ; Львів, 1999. Ч. I: Від давніх часів до початку XX ст. / Я. Ісаєвич. С. 13–20)

Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати

Е. А. Мельникова

Первые памятники национальных историографических традиций раннего средневековья, так называемые варварские истории³⁵⁵, посвящены судьбам народов, недавно приобщившихся к христианству и еще только вступающих в «цивилизованный» мир. Это первые попытки осмыслить историю своего народа: готов, франков, скандинавов, англо-саксов, русских и др., и представить ее в развернутой и связной последовательности от истоков до времени хрониста.

Получив в наследство вместе с христианской идеологией «всемирную» (т. е. библейскую) историю, каждое «новое» общество стремилось, во-первых, включить себя в единую семью христианских народов, связав свою историю с библейской; во-вторых, определить свое место во всемирно-историческом ряду.

Первая задача достигалась несколькими путями, среди которых важнейшее место занимали возведение крещения страны или, по меньшей мере, первой проповеди христианства к апостольским временам (см. например, легенду об Апостоле Андрее на Руси), а также включение своего народа (или территории) в этногеографическое описание ойкумены. Одним из наиболее распространенных типов такого описания была переработка библейской этногенетической легенды о происхождении всех обитателей ойкумены от одного из потомков Сима, Хама и Иафета, сыновей Ноя. Пополняемая списками «новых» народов, она позволяла устанавливать их генетическое родство с другими народами христианского мира и определяла их положение в мировом пространстве³⁵⁶.

Большую сложность представляла вторая, собственно историографическая задача, поскольку для ее решения не существовало прямых, освященных авторитетом Библии образцов. Авторы «варварских историй» были в большинстве случаев основоположниками национальных историографических традиций или стояли близко к их истокам, как Снорри Стурлусон, составители «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), Беда Достопочтенный. В своем распоряжении они имели два принципиально различных вида источников. Одним из них была Библия, содержащая «историю мира» от его сотворения до апостольских времен и распространения христианства, а также основанные на ней и продолженные далее ранние всемирные истории, среди которых для Западной Европы особую роль играл труд Павла Орозия, для Восточной Европы – сочинения Евсевия Кесарийского и Георгия Амартола. Но эти произведения предлагали историографам варварских народов лишь общую канву повествования и изложение предыстории человечества, лишь изредка и крайне скупое затрагивая судьбы интересующего хрониста народа – франков, англо-саксов, скандинавов, славян. Собственная же историческая память варварских народов воплощалась в совершенно иных формах: она была облечена в мифы, легенды, эпические сказания. Эти исторические предания, передававшиеся по преимуществу в устном виде, составляли вторую и основную группу источников, к которой и приходилось в первую очередь обращаться ранним хронистам и из кото-

³⁵⁵ Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A. D. 550–800). Princeton, 1988.

³⁵⁶ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 130–138.

рой только они и могли черпать необходимую им информацию о ранней истории своего народа.

Начальную точку «исторического существования» хронисты усматривают в появлении народа на занимаемой им во времена хрониста территории — во «взятии земли» (*landnam*, по определению древнескандинавских историографов). Вторым кардинальным моментом было возникновение правящей в период работы хрониста династии. Именно первым ее представителям («основателям») принадлежало установление («создание») той общественной системы, «порядка», которые продолжали существовать и при хронисте. Поскольку этой общественной системой было нарождающееся государство, то его образование осмыслялось как происхождение династии, а его история как смена династий того же рода.

Сюжет о происхождении правящей династии занимает важное место в подавляющем большинстве «варварских историй». Он представлен в «Истории франков» Григория Турского (кон. VI в.), в «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного (нач. VIII в.), в «Истории бриттов» Ненния (IX в.) и Гальфрида Монмутского (1130-е гг.), в «Истории данов» Саксона Грамматика (нач. XIII в.) и «Круге земном» Снорри Стурлусона (нач. XIII в.), в хрониках Галла Анонима и Козьмы Пражского, в ПВЛ и многих других. Однако при всем разнообразии исторических судеб этих народов и несходстве их описаний сам сюжет обнаруживает единую основу.

Структура сюжета отражает лежащий в его основании тип этиологического мифа: ее важнейшими элементами являются описание ситуации, связанной с отсутствием некоей культурной ценности (в данном случае правителя, создателя и гаранта общественного порядка, а соответственно, и «порядка» как такового); перипетии добывания этой ценности (нахождения, завоевания, изготовления) культурным героем (в данном случае «народом» или его представителями); изображение обретенного в результате получения этой культурной ценности благоденствия (изобилия, «порядка» и т. п.).

Этиологическое сказание об обретении династии (государственности) представлено в европейских памятниках двумя, подчас сочетающимися в одном тексте, вариантами, которые можно условно обозначить как переселение и призвание.

«Переселенческий» вариант сюжета³⁵⁷ получил яркое воплощение у Снорри, подробно рассказывающего о переселении из Азии в Скандинавию асов под предводительством Одина, ставшего основателем — на новом месте — династии шведских и норвежских конунгов, и о мифопоэтических деяниях его потомков Инглингов. Представлен он также у Гальфрида и его предшественника Ненния, выводящих бриттов и их вождей (будущих правителей кельтской Британии) от потомков Брута, переселившихся на остров из Италии.

Сюжет, как правило, состоит из трех основных элементов, последовательно отражающих структуру этиологического мифа:

- описание ситуации, потребовавшей переселения (угроза истребления на старом месте, перенаселение и грозящий голод и т. д.);
- ход переселения (подчас лишь коротко отмечаемый хронистом) и «взятие земли»;
- деяния главы переселенцев, становящегося основателем династии, по устройству общественного порядка на новом месте.

У Ненния, Гальфрида, Снорри повествование обнаруживает контаминацию архаической сюжетики с реминисценциями ученой литературы, результатом чего является книжная, достаточно искусственная легенда. Но этот же вариант сюжета существует и без «книжных» напластований, в частности в германских переселенческих сказаниях, одно из которых представлено в «Саге о гутах». Среди других особенностей этого варианта следует отметить, что

³⁵⁷ Тиандер К. Германские переселенческие сказания // Тиандер К. Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. 3; Howe N. Migration and Mythmaking in Anglo-Saxon England. L., 1989.

он предполагает изначальную этническую однородность «народа» и его первого правителя, который возглавляет переселение на новые земли и тем самым обретает право на осуществление верховной власти, которая переходит к его потомкам.

Вариант «призвания правителя» предполагает более сложную структуру повествования, распространенную другими мотивами. В различных модификациях он получил развитие во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемисла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы), древнерусской (сказание о призвании варяжских князей) и др. На фабульном уровне он образуется следующими элементами:

- описание неустойчивости, неупорядоченности или просто отсутствия власти, что обосновывает необходимость обретения правителя;

- обращение к иноплеменникам или поиски правителя представителями местной власти или «народом». Личность будущего правителя в любом случае неизвестна заранее;

- приход приглашенного правителя (правителей) или нахождение будущего правителя (как правило, ребенка) по знамениям или другим приметам. Вариант «приглашения» представлен в древнерусском и англо-саксонском текстах, где на приглашение откликается не один человек, а родственная группа: три или два брата, первоначально правящие вместе. Второй – «нахождение» – в римском тексте, а также, например, в «Саге о Скъёльдунгах», где будущий основатель династии датских конунгов Скъёльд в период междоусобицы и раздоров приплывает ребенком к сакральному центру датчан в Лейре;

- заключение договора местной знатью (пригласившей правителя) с пришельцами, обуславливающее передачу власти; этот раздел отсутствует в сюжете нахождения правителя ребенком;

- реализация условий договора или события, связанные с осуществлением власти новым правителем, своего рода *gesta* этого правителя. Эта часть сюжета наиболее подтверждена модификациями и дополнениями. Так, в англо-саксонской традиции развернута широкая картина сражений Хенгиста и Хорсы, а Гальфрид вводит в нее авантурный любовный сюжет, типичный для куртуазной литературы;

- сосредоточение власти в руках одного из призванных правителей в результате смерти другого (или других) и установление преемственности правления, т. е. собственно основание династии. Эта часть сюжета также имеется только в варианте «призвания».

Как мы видим, этот вариант сюжета существует в двух основных модификациях: как «нахождение» и как «призвание» правителя. Последняя является наиболее усложненной и историзированной. Именно в ней обнаруживается сложное сочетание мифопоэтических, квазиисторических и исторических элементов, типичное для «эпической истории» периода перехода от племенного строя к государственному. Вместе с тем, ни в одном случае истинность сюжета (т. е. сам факт призвания) не поддается верификации, хотя историческое правдоподобие сюжета, как и достоверность отдельных реалий, вряд ли могут вызывать сомнения.

Так, описание условий, создавших необходимость призвания, и в ПВЛ, и в англо-саксонской традиции, в целом согласуется с данными других письменных источников и археологии. Римско-кельтское население в первой половине V в. после ухода из Британии римских легионов и нового наступления пиктов и скоттов действительно оказалось в сложном положении, усугубленном межплеменными распрями. В это же время начинается инфильтрация германцев. Привлечение германских дружин тем или иным кельтским правителем вполне вероятно, так же как и оседание германцев на юго-востоке Англии: увеличение германских древностей совпадает со временем призвания Хенгиста и Хорсы. Имя Вортигерны упомянуто на одном из бриттских мемориальных камней. Вместе с тем, к

бесспорно мифологическим элементам англо-саксонской легенды – наследию германского близнецового мифа – следует отнести имена приглашенных братьев: «жеребец» (Хенгист) и «конь» (Хорса)³⁵⁸.

Столь же исторически правдоподобна и представленная в ПВЛ ситуация на Северо-Западе Восточной Европы в середине IX в.: межплеменные конфликты в ходе славянской колонизации финских территорий, проникновение скандинавских отрядов вглубь Восточной Европы через Неву и Ладожское озеро на Волгу, утверждение на Северо-Западе скандинавской по происхождению – судя в том числе и по личным именам первых русских князей – династии. «Историческим ядром» сказания о призвании варяжских князей, вокруг которого формировалось повествование, был, очевидно, «ряд», соглашение между племенной знатью северо-западных племен и предводителем одного из скандинавских отрядов, осевших на этой территории³⁵⁹.

Более того, в условиях формирования ранних государств установление власти иноэтничных правителей и сложение знати на полиэтничной основе было скорее правилом, нежели исключением³⁶⁰. Но это создавало ряд проблем, решить которые помогало сказание о призвании. Среди других, его важнейшей задачей было обоснование прав династии на власть. Приглашение или избрание ее основателя «народом» утверждало законность правления представителей этой династии. Не случайно, более поздние переработки сказаний о призвании вносят дополнительные мотивы, чтобы подкрепить именно легитимность власти основателя династии. Гальфрид повествует о женитьбе Хенгиста на дочери Вортигерна. В.Н. Татищев, ссылаясь на имевшуюся у него Иоакимовскую летопись и, вероятно, действительно используя какие-то несохранившиеся источники, хотя, возможно, и далеко не столь ранние, рассказывает о женитьбе Рюрика на Ефанде, дочери новгородского посадника Гостомысла, инициатора приглашения Рюрика. Брак с наследницей престола создавал – в более поздней исторической практике – законное основание для наследования власти и успешно дополнял «народное волеизъявление».

Таким образом, сказания о призвании правителя в раннесредневековой историографической традиции, восходящие к мифоэпической этиологической легенде, историзировались, отражая реальные межэтнические контакты периода образования «варварских» государств. Одной из важнейших их функций была легитимизация иноэтничных правящих династий, обоснование их права на власть.

(Впервые опубликовано: Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 39–44)

³⁵⁸ *Schreiner K.* Die Sage von Hengest und Horsa. Entwicklung und Nachleben bei den Dichtern und Geschichtsschreibern England // *Germanische Studien*. B., 1921. H.12.

³⁵⁹ Мельникова Е.А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229; Они же. Сказание о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ (в печати) [Статья опубликована: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57. – Прим. ред.].

³⁶⁰ *The Medieval Nobility. Studies in the Ruling Classes of France and Germany from the 6th to the 12th Centuries.* Amsterdam, 1979.

«Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси

Е. А. Мельникова

Изучение древнерусской социально-политической терминологии IX–XI вв., в том числе титулатуры, чрезвычайно осложнено состоянием источников, а именно отсутствием одновременных древнерусских текстов и спецификой «инокультурности» зарубежных памятников. Неизбежное обращение к данным летописей – основному и почти единственному комплексу нарративных документов – далеко не всегда сопровождается учетом двух важнейших обстоятельств, сильно влияющих на достоверность этих данных.

Во-первых, даже если согласиться с наиболее ранними датами начала русского летописания – 1030-е гг. (А. А. Шахматов) или конец X в. (Л. В. Черепнин, А. А. Гиппиус), то все равно древнейший дошедший до нас летописный текст, «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), был написан в начале XII в., и можно предполагать, что он скорее отражает актуальную терминологию этого времени, нежели сохраняет словоупотребление X и тем более IX в.

Подтверждением этого предположения служат данные ономастики: скандинавские по происхождению имена первых русских князей передаются на протяжении всей ПВЛ в форме, сложившейся, видимо, к середине XI в. Так, в середине X в. Константин Багрянородный в трактате «О церемониях» приводит имя княгини Ольги в форме $\# \lambda \gamma \alpha$ с придыханием перед начальным гласным и передним e , что полностью соответствует др. – сканд. *Helga*, но не др. – русск. *Олга*³⁶¹. В конце X в. Лев Диакон передает имя *Игорь* < *Yngvarr* как $\# \gamma \gamma \theta \#$, сохраняя первую основу *Yng-* и фиксируя стяжение второй основы – *varr*³⁶². Очевидно, что в текстах договоров X в. летописец заменяет современными ему формами имени русских князей *Оле́гъ* и *Иго́рь*, которые в середине, и тем более в начале X в., еще сохраняли исходное скандинавское произношение *Helgi* и *Yngvarr* или были достаточно близки к нему. В то же время многочисленные скандинавские имена в договорах не несут следов славянизации. Более того, летописец оказывается не в состоянии «опознать» скандинавское имя, лежащее в основе древнерусского, если оно претерпело существенные изменения: он, например, не заменяет в договоре 944 г. имя *Guðleifr* именем *Гл#бъ*, сохраняя более близкую к оригиналу форму *Вуэл#въ*³⁶³. Формы личных имен, таким образом, указывают на тенденцию к «актуализации», свойственную летописцам конца XI – начала XII в.

Во-вторых, сохранившиеся рукописи ПВЛ датируются временем на два-три столетия более поздним, чем ее составление. За отсутствием сопоставительного материала нет возможности установить, какие изменения, в том числе в области словоупотребления, были внесены переписчиками (и авторами) таких компиляций, как Лавр., Ипат. и другие летописи.

Все сказанное заставляет с крайней осторожностью относиться к политической терминологии, отраженной в ПВЛ для IX–X вв., в том числе к титулатуре верховных правителей Древней Руси, и отдавать предпочтение пусть и немногочисленным, но аутентичным источникам соответствующего времени: древнерусским эпиграфическим текстам, а также иноязычным сочинениям.

Единственным титулом правителя в Древней Руси, засвидетельствованным ПВЛ, является термин «князь», применяемый к правителям разного ранга, статуса и происхождения.

³⁶¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Io. Iac. Reiski. Bonnae, 1829. Vol. 1: Text. P. 694.

³⁶² Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X / C.B. Hasii. Bonnae, 1828. P. 106.5, 144.6.

³⁶³ См. подробнее: Мельникова Е. А. Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: Сб. статей в честь чл. – корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. Ч. 1. С. 82–92.

«Князьями» называются верховные правители Руси – великие князья киевские (затем владимири-суздальские, тверские и т. д.) вплоть до XVI в. Тем же термином обозначаются главы отдельных территориально-политических образований, входивших в состав Древнерусского государства (княжеств), фактические вассалы великого князя киевского. Наконец, он применяется для обозначения глав племенных объединений (древлян и др.), подчиненных на протяжении X–XI вв. власти Киева, а также печенежских и половецких ханов, литовских вождей и пр. Иерархия властных статусов тем самым в терминологии ПВЛ не получила отражения³⁶⁴.

Недифференцированность обозначения представителей верховной власти в ПВЛ находит определенное соответствие в византийских источниках, но лишь применительно к X в. В труде «Об управлении империей» Константин VII Багрянородный обозначает одним и тем же термином *ζάκανον* как киевского «великого» князя Игоря («архонта Росии»), так и других представителей власти, которые «вместе со всеми росами» отправляются по осени в полюдье из Киева³⁶⁵. Определить статус «архонтов» не представляется возможным: это могут быть и главы (или их представители) подвластных Игорю племен, к которым направляется полюдье, и военные предводители отдельных отрядов росов, и, наконец, члены великокняжеской семьи.

Вместе с тем в IX–XI вв. использовалось и другое обозначение древнерусских правителей – «каган»³⁶⁶. Древнейший случай его употребления засвидетельствован в Вертинских анналах под 839 г. Он относится к правителю росов, направивших посольство в Константинополь к императору Феофилу, которое затем прибыло в Ингельгейм к Людовику Благочестивому. Недвусмысленное отождествление Пруденцием росов со «свеонами», явившееся результатом произведенного при дворе императора расследования, не оставляет места для сомнения в том, что посольство состояло из скандинавов (свеев), которые «называли себя, то есть свой народ, рос» («qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»), а своего правителя («тех») – каганом («rex illorum chakanus vocabulo»)³⁶⁷. Появление этого термина в Вертинских анналах не было случайностью: в IX в. он являлся принятым в византийской имперской канцелярии титулом скандинавских правителей в Восточной Европе, что вызвало недоумение императора Людовика II Немецкого, писавшего византийскому императору в 870-х гг., что термином «каган» в его делопроизводстве называется «государь авар, а не хазар или норманнов»³⁶⁸.

Термин «каган» остается официальным титулом великого князя вплоть до последней четверти XI в., когда на фреску с изображением патронального святого киевского князя Святослава Ярославича (1073–1076) наносится граффито с молитвой о спасении его души: «Съпаси Г[оспод]и каг[а]на нашего»³⁶⁹. В этой надписи Святослав именуется каганом.

³⁶⁴ Попытки увидеть различия в обозначении правителей разного ранга в терминологии договоров руси с греками X в. представляются малоубедительными: если согласиться, что тексты договоров были переведены на русский язык лишь в конце XI в. – что считается ныне доказанным, – то они никоим образом не могут включать термины, бытовавшие в IX или X в. (см. подробнее: *Платонова Н. И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. IX: Международная договорная практика Древней Руси. 1997. С. 70–73).

³⁶⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–45, 50–51.

³⁶⁶ *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. 1982. № 4. С. 150–159 (репр.: ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 367–379); *Коновалова И. Г.* Древнейший титул русских князей «каган» // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 226–237.

³⁶⁷ *Annales Bertiniani* / G. Waitz // MGH SRG. 1883. Т. 4, 5. а. 839.

³⁶⁸ *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Е. А. Мельникова. М., 1999. С. 290–292.

³⁶⁹ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 49–52, № 13.

Особенно показательно титулование «каганом» Владимира Святославича и Ярослава Мудрого митрополитом Иларионом в середине XI в. в произведениях, содержание которых предполагает использование максимально престижных и максимально официальных титулов³⁷⁰.

Однако в тех же граффити уже во второй половине XI в. отмечается обозначение киевских князей и другими титулами: так, Ярослав Мудрый в сообщении о его смерти поименован «царем» (от лат. *Caesar*)³⁷¹. В текстах конца XI в. и далее термин «каган» больше не встречается, и устойчивым обозначением древнерусских правителей становится кѣнѣзь. Так, на раке Всеволода (в крещении Андрея) Ярославича, захоронение которого состоялось 14 апреля 1093 г., читается: «В великий четверг рака положена была <...> Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14»³⁷². Одновременно надписи на раке граффито в Антониево-Феодосиевском приделе Софии Киевской: «Приде князь Стопѣлкѣ» («Пришел князь Святополк»), причем между третьей и четвертой строками этого граффито читается слово «князьѣ» от другой надписи³⁷³.

Употребление титула «князь» верховными правителями Руси засвидетельствовано впервые на печати Ярослава Мудрого, найденной в Новгороде и датируемой в широких рамках правления Ярослава: «о #росла[в] к. н#. роус. с» («Ярослав – князь русский»)³⁷⁴. В надписи из Софии Киевской, относящейся к Святославу Ярославичу, который в граффито № 13 был назван «каганом», и датируемой 1078 г., употреблен глагол, производный от слова «князь»: «Четыре лета княжил Святослав...»³⁷⁵. Наконец, в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (вторая половина XI в.) Владимир Святославич регулярно называется уже не «каганом», а «князем»: «Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ от многихъ о благов#рнемъ княз#Володимери всея Руския земля...», «како просв#ти благодать Божия серд це князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву...» и др.³⁷⁶.

В XII в. термин «каганъ» не был полностью предан забвению. В ПВЛ он встречается в рассказе о походе Святослава на хазар под 6473 (965) г. Однако здесь каганом называется не Святослав, а хазарский правитель: «Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ»³⁷⁷. Наименование «каганъ» употребляется здесь как равнозначное титулу «князь». Это упоминание особенно важно как свидетельство известности в Древней Руси, что каганом назывался именно хазарский правитель, и воспоминание о происхождении слова сохранялось вплоть до XII в., т. е. через 150 лет после падения Хазарского каганата. Однако нормальным для лексикона летописца было слово «князь», которое он и прилагает к правителю хазар в переложении сказания о хазарской дани: «Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечъ, и несоша козари ко князю своему и къ стар#йшимъ,

³⁷⁰ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Пер. диакона А. Юрченко; подгот. текста А.М. Молдован // БЛДР. 1997. Т. 1: XI–XII века. Заголовок: «О закон#... и похвала кагану нашему Володимеру» (С. 26–27); «Похвалимъ же и мы, по сил# нашей, малыими похвалами велика кагана земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...» (С. 42–43); «Сии славный от славныхъхъ рожься, благородень от благородныхъ, каганъ нашъ Влодимеръ...» (С. 44–45); «Паче же помолися о сын# твоємъ, благов#рн#мъ каган# нашемъ Георгии...» (С. 52–53).

³⁷¹ «В [лето] 6562 месяца февраля 20 кончина царя нашего...» (*Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи. С. 39–41. № 8).

³⁷² Там же. С. 34–37. № 6.

³⁷³ Граффито датируется временем вокняжения Святополка Изяславича в Киеве в 1093 г. (Там же. С. 18–24. № 4).

³⁷⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 113. № 2а.

³⁷⁵ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи. С. 41–45.

³⁷⁶ Память и похвала князю русскому Владимиру / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Милотенко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 316, 317. Не исключено, однако, что в дошедшем до нас тексте в рукописях XV в. и позже княжеский титул был подвергнут правке.

³⁷⁷ ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 65; 1998. Т. 2. Стб. 53. О предпочтительности истолкования слова «каган» как титула, а не имени собственного, в данном контексте см.: *Коновалова И. Г.* Древнейший титул. С. 227–228.

и р#ша имъ: “Се, нал#зохомъ дань нову”. Они же р#ша имъ: “Откуда?”. Они же р#ша: “Въ л#с#на горахъ, надъ р#кою Дн#прскою”. Они же р#ша: “Что суть въдали?”. Они же показаша мечь. И р#ша старци козарьстии: “Не добра дань, княже!”»³⁷⁸.

Последним древнерусским текстом, в котором использован термин «каганъ», было «Слово о полку Игореве», где встречается прилагательное «коганя»: «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля п^творца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти»³⁷⁹. Выражение «Ольгова коганя хоти» дискуссионно³⁸⁰, однако при любой его интерпретации не подвергается сомнению употребление термина «каганъ» применительно к Олегу Святославичу (ум. 1115 г.), который был в конце XI в. не только князем Тмутарокани, но и крымских хазар, что и может объяснять его титулование каганом.

Приведенные случаи употребления терминов «князь» и «каганъ» в XI–XII вв. дают основания полагать, что, по крайней мере, до последней четверти XI в. официальным титулом великих киевских князей был термин «каганъ», который на протяжении XI в. начал заменяться, а к концу столетия был окончательно вытеснен титулом «князь». Вместе с тем и в XII в. сохранялось представление если не о хазарском происхождении титула, то, по меньшей мере, о его связи с Хазарией и хазарскими правителями. При этом значение его не вызывает у летописцев и авторов граффити ни малейших сомнений: термин никогда не поясняется³⁸¹.

Неслучайно поэтому некоторые лингвисты пришли к выводу, что в Древней Руси титулы «каганъ» и «князь» употреблялись последовательно: сначала использовался термин «каганъ», и только затем появляется термин «князь», усвоенный восточными славянами в конце XI в.³⁸² Однако этому предположению категорически противоречит как происхождение слова «князь», так и его фиксация в иноязычных источниках. Общеизвестным является возведение др. – русск. *князь* к прагерм. (или готск.) *kuningaz*, которое было заимствовано еще в праславянскую эпоху: оно нашло отражение в большинстве славянских языков³⁸³. Нет никаких оснований полагать (и такие основания приведены не были), что первоначально слово *kuningaz* попало в западно- или южнославянские языки и только несколькими столетиями позже было заимствовано восточными славянами из других славянских языков. Более того, его использование славянами отмечает Ибн Хордадбех, писавший в 30-х гг. IX в.³⁸⁴ В перечислении титулов «владык Земли» он указывает, что «владыка («малик») ас-Сака-либа» именуется «кназ»³⁸⁵. Так же называет правителя славян и ал-Бируни³⁸⁶. В тексте Ибн Хордадбега термин искажен – *к. нан, к. бад*, но еще издателем сочинения Ибн Хордадбега М. де Гье была предложена конъектура «к. наз», принятая современными исследователями³⁸⁷. В тексте же ал-Бируни чтение «кназ» не вызывает сомнений. Однако ни Ибн Хордадбех, ни

³⁷⁸ ПСРЛ. 1997. Т. 1. Стб. 17; 1998. Т. 2. Стб. 12.

³⁷⁹ Слово о полку Игореве / В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 30.

³⁸⁰ Каган М.Д. Каган // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. СПб., 1995. Т. 3: К-О. С. 3–4.

³⁸¹ На это обстоятельство указала И. Г. Коновалова (Коновалова И. Г. Древнейший титул. С. 228).

³⁸² Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 198–200; см. также: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 269.

³⁸³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1967. Т. 2. С. 266.

³⁸⁴ Коновалова И. Г. К вопросу о датировке сообщения Ибн Хордадбега о путях купцов-русов // ВЕДС. X. 1998. С. 52–57.

³⁸⁵ BGA. *Lugduni Batavorum*, 1889. Yol. 6. P. 17; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент. исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 61. Прочтение *к. нан, к. бад* как *koningr* «конунг», предлагавшееся некоторыми исследователями, крайне маловероятно.

³⁸⁶ Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. 1: Памятники минувших поколений. С. 153.

³⁸⁷ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 159; см. подробнее: Калинина Т. М. Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в. // Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире в средние века: К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008 (Славяне и их соседи. Вып. 12). С. 76–89.

ал-Бируни не указали, правитель какого славянского народа обозначается этим термином. Тем не менее их сообщения, безусловно, указывают на использование термина «князь», и именно в славянском произношении, в славянской среде задолго до XI в.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью полагать, что титулы «князь» и «каганъ» сосуществовали в IX – первой половине XI в. Хотя и немногочисленные, но засвидетельствовавшие их употребление источники указывают, как представляется, и на их распределение. Титул «каганъ», начиная с Вертинских анналов, соотносится с русами-скандинавами (свеонами, норманнами), тогда как «князь» определяется восточными источниками исключительно как правитель славян.

Заемствованный в праславянскую эпоху для обозначения правителя (племенного или военного вождя, главы группы или союза племен) термин «князь» – поскольку он появляется в XI в. – вряд ли мог быть утрачен на несколько столетий, а затем возникнуть снова³⁸⁸. Значительно вероятнее, что он продолжал существовать в славянских племенных объединениях как традиционное обозначение статуса верховного правителя, превратившись со временем в титул. Этим термином в X в. могли называться правитель древлян Мал, вожди северян, вятичей и других племенных союзов до, а возможно, и после их подчинения Киеву. Когда возникает практика назначения киевским князем своих сыновей в качестве посадников в крупные города (бывшие племенные центры), то они принимают местный титул правителя – «князь».

Усвоение хазарского (тюркского по происхождению) титула «каган» скандинавскими вождями, обосновавшимися в Восточной Европе в IX в., ныне не вызывает сомнений у подавляющего большинства исследователей. По словам А. П. Новосельцева, «правитель русов принял титул хакан довольно рано, скорее всего, в первой половине или, точнее, в первой трети IX в. <...> Принятие русским князем титула хакан явно символизировало его претензии, во-первых, на независимость от Хазарии, а во-вторых, отражало реальное положение русского князя, под властью которого уже должны были находиться другие правители. После объединения южнорусских и севернорусских земель в конце IX в. титул хакан остался за князьями Киева»³⁸⁹. Внешнеполитическое значение принятия титула «каган» русами бесспорно. Однако думается, что не только, а на первых порах, может быть, и не столько оно определило обращение русов к хазарскому титулу. Их утверждение в Восточной Европе не могло не сопровождаться противостоянием с местной, племенной знатью (ср. летописный рассказ о покорении Ольгой древлян). Необходимость маркировать свой особый статус, отличный от славянской племенной знати, требовала принятия ими инокультурного по отношению к славянам титула. При этом, несомненно, предпочтителен был титул, с одной стороны, возможно более высокого ранга, с другой стороны, известный славянам. Этими качествами звание «конунг» не обладало, поскольку, во-первых, оно применялось в Скандинавии IX в. к правителям разного уровня, т. е. его статус колебался, а во-вторых, оно вряд ли могло быть знакомо восточным славянам до появления скандинавов. Напротив, титул «каган» соединял все необходимые условия: его, несомненно, хорошо знали славянские племена, платившие дань Хазарскому каганату; он обозначал правителя самого высокого ранга в Восточноевропейском регионе; наконец, он пользовался известностью в Византии, контакты с которой скандинавы установили уже в начале IX в. Все это делало хазарский

³⁸⁸ Ср.: «Титул “князь” мог быть усвоен восточными славянами не в конце XI в., а значительно ранее» (Коновалова И. Г. Древнейший титул. С. 229–230).

³⁸⁹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. С. 159. Ср.: «Претензии первых князей на престижный титул “каган” были связаны, прежде всего, с их политическими амбициями, направленными “вовне” и демонстрируемыми при дворах византийского и франкского императоров» (Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ. 1999 год. М., 2001; Он же. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Khazars / В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапиро. Иерусалим; М., 2005 (Jews and Slavs. Y. 16 / Евреи и славяне. Т. 16). С. 75–76).

титул максимально привлекательным для новой военной знати и правителей скандинавского происхождения, которые должны были познакомиться с ним уже при первых контактах с арабским миром – не позднее конца VIII в., когда восточное серебро начинает поступать в Восточную и Северную Европу³⁹⁰. Принятие этого титула как специализированного обозначения верховного правителя имело не только социально-политическое, но и символично-идеологическое, а может быть, и сакральное значение.

Ориентированность русов IX в. на символы власти Хазарского каганата, как представляется, проявилась не только в заимствовании титула верховного правителя. К концу IX – началу X в. (времени правления Олега) относится появление древнейшего типа знаков Рюриковичей – двузубца с немного отогнутыми зубцами и треугольным отростком внизу. Его изображения встречены в виде граффити на арабских монетах из кладов в Чиннер (Готланд, 880–885 гг.) и Погорельщине (младшая монета 902/903 г.). Наиболее близкие аналогии этому знаку обнаруживаются среди граффити на территории Хазарского каганата, что заставляет предполагать его хазарское происхождение³⁹¹. Вероятно, наряду с принятием хазарского титула была усвоена и хазарская символика высшей власти: предметы и/или изображения, использование которых являлось прерогативой верховного правителя.

Таким образом, представляется, что титулы «князь» и «каган» на протяжении IX–XI вв. сосуществовали, но в разных этнокультурных средах: первое являлось обозначением вождей восточнославянских племен и союзов племен, второе использовалось скандинавскими правителями сначала Волховско-Ильменского региона, а после установления власти над Средним Поднепровьем – Киева и возникающего Древнерусского государства. В конце X – первой половине XI в. «каган» был официальным титулом верховного главы Руси, в отличие от подчиненных ему региональных правителей, носивших титул «князь». Славянизация скандинавской верхушки, которая завершается, по языковым данным, лишь во второй половине, если не в конце XI в.³⁹², с одной стороны, и утрата хазарским термином актуальности из-за исчезновения самого каганата, с другой, привели к замене хазарского титула славянским в конце XI в.

С этого времени титул «князь» стал единственным обозначением государей Древней Руси, происходивших из рода Рюрика.

(Впервые опубликовано: Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010. С. 142–147)

³⁹⁰ Noonan Th. Why Dirhams First Reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Noonan Th. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. Aldershot, 1998 (Variorum Collected Studies Series, 595).

³⁹¹ Ср.: Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001. С. 53–64; см. подробнее: Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // ДГ. 2005 год. М., 2008. С. 47–75.

³⁹² См.: Мельникова Е. А. Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство восточных славян. С. 135–143; Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // Runica-Germanica-Medievalia. B.; N.Y., 2003. Bd. 37. P. 454–465.

Образование Древнерусского государства: состояние проблемы

Е. А. Мельникова

В 1992 г. на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных спорным проблемам образования Древнерусского государства, в ряде докладов (Н.Ф. Котляра, Е. А. Мельниковой, М.Б. Свердлова) была поставлена под сомнение сложившаяся в 1930-1950-е гг. и продолжавшая доминировать в отечественной исторической науке модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего, Руси (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, В.Д. Королюк, Б.Н. Флоря, и др.; критику этой концепции еще до придания ей «официального» статуса см.: С. В. Юшков, С. В. Бахрушин). В соответствии с этой моделью, Древнерусское государство возникает в IX в. как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. Однако даже сторонники этой модели находили затруднительным аргументировать наличие на Руси X и даже XI в. таких основополагающих признаков классовых (в первую очередь феодальной) формаций как феодальный способ производства, основанный на частной (или государственной) земельной собственности, внеэкономическое принуждение, оформившиеся классы и др. (что явилось отправным пунктом для концепции И. Я. Фроянова), и вынуждены были экстраполировать явления, фиксируемые для конца XI–XII в. на предшествующее время. Даже введение понятия «переходный период» (от племенного строя к государственному), принятого в западноевропейской медиевистике (период «варварских королевств», по А. И. Неусыхину), применительно к Древнерусскому государству встретило возражения как нарушающее «чистоту» формационной схемы (Л. В. Черепнин).

Эта модель образования Древнерусского государства теперь уже эксплицитно не высказывается в современных трудах по отечественной истории, но она и не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями) возникновения и формирования Древнерусского, равно как и других европейских средневековых государств.

Ныне не подлежит сомнению, что политик, к которым принадлежит Древняя Русь (по крайней мере, до конца XI в.), не могут быть охарактеризованы в рамках какой-либо формации. В то же время они обнаруживают черты, свойственные государству (если понимать его не как, прежде всего, репрессивный аппарат, а более широко – как институционально оформленную политическую систему, обеспечивающую функционирование общества): сильную центральную власть, осуществляющую военные, административные, фискальные и другие функции, фиксированную территорию и пр. Обращение к моделям государствообразования, предложенным в политической и исторической антропологии – введение понятия «вождество» и представлений об эволюции вождеств от простых к суперсложным, – было, безусловно, продуктивным (Н.Ф. Котляр, Е. А. Мельникова, Е. А. Шинаков и др.), однако предпринимаемые на этой основе реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам, поскольку, в первую очередь, столкнулись с острым недостатком источников, которые позволили бы аргументированно восстановить социальную и политическую структуру восточнославянских общностей и их эволюцию до XI в., особенно в VIII–IX вв. – определяющем периоде в переходе восточных славян к государственному устройству.

Проблема источников в последнее десятилетие встала особенно остро. С одной стороны, резко увеличился объем археологических материалов, существенно пополнивших

источниковую базу исследований восточнославянского общества в VIII–XI вв. Принципиально важную роль для освещения генезиса Древнерусского государства имеют региональные исследования, круг которых сильно расширился. Наряду с всегда имевшими большое значение раскопками городов: Киева (М.А. Сагайдак, Г. Ю. Ивакин, В.Н. Зоценко; новые данные, полученные при раскопках 2000-х гг., как кажется, радикально меняют наши представления о процессах, протекавших в Среднем Поднепровье и тесно связанных с образованием Древнерусского государства), Городища и Новгорода, Ладоги, Пскова, Гнёздова и Смоленска, Суздаля, Чернигова имн. др., возникновение и ранние этапы истории которых тесно связаны с формированием государства, ныне внимание археологов в большей мере сосредоточилось на широкой округе городских центров: Поволховье и Приильменье (Е.Н. Носов, В. Я. Конецкий), Черниговщина (В.П. Коваленко, А.П. Моця), Посеймье (В. В. Енуков) и др., и племенных территориях: древлян (Б. А. Звиздецкий), северян (А. В. Григорьев, И. Г. Сарачев), радимичей (А. С. Щавелёв, А. А. Фетисов) и др. Эти материалы формируют принципиально новую картину славянского расселения в Восточной Европе (по письменным источникам исследовано А. А. Горским), возникновения и характера социально-политических общностей (А. А. Горский, В.Я. Конецкий, А.П. Моця, Е. А. Шинаков).

Однако археологические материалы еще далеки от сколько-нибудь систематического осмысления и обобщения, что делает крайне затруднительным их использование в исторических исследованиях, которые, как мне представляется, не могут ныне опираться только на письменные источники.

Это тем более справедливо, что, с другой стороны, традиционные письменные источники находятся сейчас в процессе серьезного пересмотра. Реконструкция ранней, IX–X вв., истории Руси основывается по преимуществу на сообщениях одного единственного источника — «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), место которой в истории летописания определялось до последнего времени в соответствии со схемой А. А. Шахматова (1908 г.), ныне претерпевающей, во-первых, существенные изменения в отношении и датировок отдельных сводов, и — что особенно важно — их соотношения и отнесения к ним тех или иных частей ПВЛ (О. В. Творогов, А. А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А. Тимберлейк). Во-вторых, общая констатация того, что в основе сообщений ПВЛ лежат устные предания, сменилась систематическим изучением устной традиции, использованной летописцами при создании «начал Руси» (Е. А. Мельникова, А. С. Щавелёв). Казавшиеся ранее достоверными известия, используемые как основа для исторической реконструкции последовательных этапов образования Древнерусского государства, оказываются результатом осмысления летописцем XI в. устного предания, сложившегося столетием раньше, подвергнувшегося трансформации в процессе устного бытования и адаптированного летописцем в соответствии с его историософскими представлениями. В-третьих, требует дополнительного источниковедческого и — особенно — лингвистического исследования другой важнейший источник по ранней истории Руси: договоры с Византией первой половины X в. Признание того, что сохранившиеся тексты являются переводами конца XI в. с греческого языка (Я. Малингуди, С.М. Каштанов), лишает статуса аутентичности, прежде всего, их терминологию, но также выдвигает необходимость в более критическом подходе и к текстам в целом. Наконец, далеко не полностью использованы еще возможности, открываемые зарубежными источниками, среди которых особую ценность в контексте проблем образования Древнерусского государства представляют восточные и византийские источники IX–X вв., отразившие процессы эволюции социально-политического строя восточнославянских народов.

Таким образом, в изучении процессов образования Древнерусского государства современное состояние дел обнаруживает парадоксальную ситуацию: существенные достижения медиевистики и, особенно, политической и исторической антропологии в осмыслении процессов политогенеза, которые способны составить теоретическую основу для исследова-

ния перехода восточнославянских обществ к государству, не могут быть пока полноценно использованы в силу недостаточной изученности самих этих обществ, проистекающей – во всяком случае частично – из проблем, объективных и субъективных, Источниковой базы.

Тем не менее, новые археологические материалы и многочисленные конкретные исследования отдельных аспектов истории восточнославянских обществ выдвинули целый ряд актуальных проблем, которые непосредственно связаны с процессами политогенеза.

Принципиально важное значение имеет отмеченная в работах Е. А. Шишкова разноразличность развития отдельных восточнославянских общностей – базовая концепция для всей совокупности проблем перехода от племенного строя к государственному. Как правило, восточнославянское пространство рассматривается как некое единство, в котором процессы государствообразования протекают синхронно или почти синхронно от Ладоги до Переяславля Южного. Между тем, имеющиеся источники в своей совокупности с отчетливостью указывают на существеннейшие различия в развитии отдельных восточнославянских общностей, причем не только стадийном (как, например, поляне и вятичи), но и в предпосылках и механизмах государствообразования (в частности, у полян и у новгородских словен).

С этим частично связан и следующий вопрос, почему восточнославянская материальная культура практически не отражает стратификации общества: среди массовых малоинвентарных погребений нет захоронений, резко выделяющихся погребальным обрядом или инвентарем, что является первым признаком стратификации общества, нарастающим по мере ее углубления. Явные признаки стратификации (так называемые дружинные курганы, знаменующие выделение профессионального военного слоя) появляются только после появления скандинавов. Является ли эгалитарность погребального обряда отражением общественного строя или какой-то – нетипичной – особенностью восточнославянской культуры? Высказанное Е. Н. Носовым предположение, что крупная насыпь (курган, сопка) сама по себе маркирует элитное погребение, пока еще не получило развития.

Установление разностадийности развития восточнославянских общностей дает прочную основу для обсуждения вопроса о центрах возникновения государственности у восточных славян. Среднеднепровский (Полянский) моноцентризм, восходивший еще к представлениям летописцев XI–XII вв., сменился в последние десятилетия бицентризмом: к Среднеднепровскому региону добавилось Поволховье, которое ныне в части российской историографии представлено едва ли не как главный регион зарождения государственности у восточных славян. Можно предполагать, что таких центров в восточнославянском мире было не два, а больше: так, например, до сих пор не до конца ясно, что представляла собой политика древлян, конкурировавшая с Полянской в Среднем Поднепровье; какой уровень развития полоцких кривичей отражает отмеченная недавно на их землях иерархия поселений; и т. д. Решение этих вопросов в значительной степени зависит от продолжения и углубления исследований «племенных» территорий.

Следующий круг актуальных проблем связан с историческим и геополитическим контекстом образования Древнерусского государства. Постепенно преодолевается «рускоцентричный» взгляд на прошлое Восточной Европы, когда главным, если не единственным (за редкими исключениями: см., в частности, работы Е. А. Рябина, А. Е. Леонтьева) объектом исследования была Древняя Русь. Однако как ее возникновение, так и дальнейшая эволюция проходили не в изолированном пространстве. Восточнославянский мир теснейшим образом взаимодействовал с другими народами, населявшими Восточную Европу: финнами и балтами на севере и западе, кочевниками на юге, и уже сложившимися государствами Восточной Европы, прежде всего, с Хазарским каганатом и Волжской Булгарией. Изучение этих государств, практически прекратившееся во второй половине XX в. (исключение составлял труд М. И. Артамонова), стоит сейчас в центре внимания историков и археологов Москвы, Харькова, Казани и существенно продвинулось. Однако сколько-нибудь полной картины

этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний в Восточной Европе периода образования Древней Руси пока еще нет, хотя не вызывает сомнений, что изначально Древнерусское государство, как и древнерусская элитная культура, формируется на полиэтнической основе.

Одним из важнейших, но также недостаточно изученных факторов, способствовавших резкому усилению процессов государствообразования у восточных славян, признается их геополитическое положение. Густая речная сеть с единым водоразделом трех крупнейших рек – Волги, Днепра и Западной Двины, – соединявших Балтийское, Черное и Каспийское моря, позволила Восточной Европе занять исключительное положение в средневековом мире после того, как средиземноморская торговля с Востоком была прервана арабскими завоеваниями в VII–VIII вв. и основной трансконтинентальный путь переместился на Балтийское море и реки Восточной Европы. В результате изменения геополитической обстановки на Восточноевропейской равнине создаются экономические и интенсифицируются социально-политические предпосылки возникновения политики в Волховско-Ильменском регионе. Не случайно, на территории славянского расселения в IX–X вв. области, в которых идет бурный процесс зарождения предгосударственных образований, связаны с узловыми участками трансконтинентальных торговых путей, Балтийско-Волжского и Днепровского. Эта интерпретационная модель восточнославянского политогенеза, по крайней мере для Волховско-Ильменского региона, получила распространение.

Публикация большого числа зарубежных источников по истории Древней Руси, а также масштабные археологические работы дали прочную основу для разносторонних исследований взаимодействия восточнославянского мира с другими регионами Европы – скандинавским, западнославянским, восточным – как в период образования государства, так и на всем протяжении его развития. Изначальное участие народов Восточной Европы в трансконтинентальной торговле, главной движущей силой которой были скандинавы, вылилось в интенсивный культурный взаимообмен, способствовавший ускорению процессов восточнославянского политогенеза и заложивший прочные основы интегрированности Древнерусского государства в европейский средневековый мир.

Наконец, важное значение для изучения проблем восточнославянского политогенеза имеют сравнительно-типологические исследования, поскольку, с одной стороны, они до определенной степени могут компенсировать недостаток источников, с другой – разрушают популярный историографический миф об «особом пути» развития восточнославянской, а затем русской государственности.

Главным критерием сравнительного анализа, как представляется, должна быть схожесть исторических условий, в которых происходят процессы государствообразования. Для европейских народов важнейшим фактором, определившим начальные этапы возникновения и особенности структуры ранних государств, было наличие или отсутствие синтеза с позднеантичной цивилизацией. Поэтому наиболее продуктивным представляется сопоставление процессов становления государственности у восточных славян и тех народов, которые не испытали на себе или испытали в слабой степени социальные, политические, культурные влияния Рима (континентальные германцы) и Византии (южные славяне). Это, прежде всего, западные славяне, скандинавы, до определенной степени англо-саксы. Выделение «северного», от Британских островов до Восточноевропейской равнины, региона (ср. концепцию циркум-балтийской цивилизации Г. С. Лебедева) основывается не только на его «бессинтезности», но и на его объединении с VIII в. трансъевропейским путем, связывавшим Западную Европу с Арабским Халифатом и эксплуатируемым в значительной степени скандинавами. Благодаря скандинавской экспансии на западе и на востоке как материальные, так и культурные импульсы распространялись по всему этому огромному региону.

Вместе с тем, развитие каждой из входящих в этот регион областей в значительной степени обуславливалось особенностями их заселения. Завоевательный характер переселе-

ния англо-саксов на Британские острова в V–VI вв. вызвал распад кровнородственных общностей, глубокую стратификацию общества, резкое обособление военного слоя во главе с вождем, формирование обширного фонда «королевских земель» и образование ряда политий («королевств») уже к концу VI в. Восточнославянская земледельческая колонизация, напротив, носила мирный характер, не вызвала военизации общества (с вытекающими из нее последствиями) и, вероятно, ослабляя кровнородственные связи (А. А. Горский полагает их распад), не разрушала их полностью. В то же время взаимодействие с аборигенным населением усилило племенную дифференциацию: так, в роменской (северянской) культуре присутствует значительный салтовский (хазарский) элемент, тогда как в культуре кривичей прослеживаются балтские влияния. Северогерманские же племена не меняли основной территории своего обитания, ограниченная колонизация (островов Северной Атлантики, областей в Англии и Франции) не оказала существенного влияния на их социально-политическое развитие, отличавшееся консервацией родовых отношений. Экспансия викингов, однако, резко усилила роль профессионального военного слоя, выделившегося уже в первые века н. э., и углубила имущественную стратификацию.

Сопоставление отдельных явлений и процессов в разных частях региона представляется весьма продуктивным, причем принципиально важное значение имеют не только выявляемые сходжения (на них обычно и концентрируется внимание), но и различия, интерпретация которых подчеркивает специфику каждой из областей. Приведу несколько примеров.

В условиях военного завоевания формирование частной собственности на землю происходит в Англии весьма интенсивно, в первую очередь, выделяются земли, собственником которых является король. Уже в VIII в. фиксируются королевские земельные пожалования церкви и частным лицам. Иная картина характерна при мирной колонизации или стабильном расселении. В Скандинавии в период политогенеза целиком и полностью господствует общинная и семейно-родовая (одадь) собственность на землю; конунг не имеет права на какие-либо земельные владения, кроме собственных усадеб, и вплоть до XIII в. не претендует на распоряжение землей. Для Руси поземельные отношения до конца XI в. совершенно неясны из-за отсутствия источников. Однако обеспечение церкви только десятиной после принятия христианства Владимиром и длительное отсутствие земельных пожалований в ее пользу говорит, вероятно, о том, что земля вплоть до конца XI в. (по В. Л. Янину) находилась в общинной собственности, и князь не имел права отчуждать ее.

Королевская власть в Англии является развитием власти военного вождя, и уже в первых судебныхниках (конец VI в.) король – судя по вергельдам – получает особый статус, который неуклонно повышается. Скандинавские конунги – представители родовой знати, и их статус продолжает определяться обычаем, не закрепляясь законодательно вплоть до XII или XIII в. Древнерусские князья IX–X вв., скандинавы по происхождению, вероятно, сохраняют то же положение: так, князь не является субъектом права ни в Правде Ярослава, ни в последующих судебныхниках.

Основные функции верховной власти – военная, административная, фискальная и др. – в англо-саксонских полициях очень рано начинают дифференцироваться: первая выполняется дружиной и ополчением, остальные – королевскими чиновниками. В Скандинавии и на Руси, по крайней мере до начала-середины XI в., все эти функции осуществляет дружина верховного правителя, что приводит к корпоративности военной элиты (А. А. Горский).

На Руси, как кажется, значительно позже складывается система территориально-фискальных округов, нежели в Англии и Скандинавии, где она формировалась прежде всего для нужд военной организации общества.

Наконец, многочисленные сходства/различия обнаруживаются и в конкретных проявлениях исторических процессов: механизме сбора податей (полюдье/вейцла на Руси и в Скандинавии; в Англии – регулярное налогообложение), установлении верховной власти

(избрание конунга/«ряд» с Рюриком и дальнейшее приглашение князей Новгородом; отсутствует в Англии), харизматичности (сакральности) «королевского» рода (повсеместно) и его легитимизации с помощью династических легенд (ср. легенды о призвании основателя династии на Руси и в Англии) и ми. др.

Подавляющее большинство названных явлений никогда не исследовалось в сопоставительном плане, хотя отмеченные, равно как и многие другие сходства и различия в социальном строе, политической организации, административном управлении, наконец, в культуре Руси, англо-саксонской Англии и Скандинавских стран способны пролить новый свет на белые пятна ранней истории Руси и значительно углубить в целом наше понимание процессов европейского политогенеза.

(Впервые опубликовано: ВЕДС. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. 2011. С. 188–197)

Часть II

Скандинавы в истории Восточной Европы

Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.)

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

Предысторию Руси и Русской земли «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) начинает с Великого переселения народов: расселения славян с Дуная и освоения ими Восточноевропейской равнины. К этой эпохе восходит историческая память всех народов, принявших участие в Великом переселении, здесь «точка отсчета» авторов раннеисторических описаний. С переселения на Британские острова (середина – конец V в.) начинается история англов хронист Беда Достопочтенный; переселением из Азии в Скандинавию открывается история скандинавских народов в «ученой легенде» исландского автора XIII в. Снорри Стурлусона; и др.

Особой источниковедческой проблемой стала проблема этнонимии. Традиционное использование в древней и средневековой историографии этнонимов типа *скифы*, *гунны*, *франки* и др. по отношению к самым различным, часто неродственным народам, возникновение новых названий, их распространение, изменение изначального содержания, превращение в топонимы, хоронимы и политонимы – все это есть отражение в исторической этно- и топономастике комплекса противоречивых этнокультурных процессов, которые сопутствовали формированию классового общества, государства и раннесредневековых народностей³⁹³.

В полной мере это относится и к эволюции слова «русь». Острота споров вокруг этимологии названия восточнославянского государства, возникших во второй половине XVIII в. в полемике М.В. Ломоносова с немецкими учеными в Российской академии и имевших в то время отчетливо выраженный политический характер, сохранялась до последних десятилетий. И норманисты, и антинорманисты в XVIII – первых десятилетиях XX в. стояли на единых методологических позициях: идеалистическом представлении о возможности создания государства одним лицом или группой лиц. Это обусловило подмену проблемы происхождения государства вопросом о происхождении его названия. Именно поэтому в домарксистской науке признание скандинавской этимологии названия Древнерусского государства неизбежно вело к утверждению приоритета скандинавов в самом его формировании³⁹⁴.

В советской историографии показано, что возникновение Древнерусского государства стало возможным лишь в результате экономического и социального развития, внутренних процессов; что внешние влияния могли несколько ускорить или замедлить, но отнюдь не заменить их. Не без воздействия этой концепции в 1950–1960-е гг. в зарубежной историографии наметился пересмотр взглядов на образование Древнерусского государства и изменилась оценка роли скандинавов в этом процессе, а обсуждение славяно-скандинавских связей стало более объективным. Было обращено особое внимание и на принципиальное различие

³⁹³ См.: Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

³⁹⁴ Впрочем, уже В. О. Ключевский отмечал нетождественность этих вопросов (Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114).

и независимость вопросов этимологии названия (проблемы преимущественно лингвистической) и образования государства (проблемы сугубо исторической), которые не могут и не должны подменять друг друга.

Однако еще в конце 1950-х гг. польский историк Х. Ловмянский, различая эти два вопроса, отмечал, что, хотя скандинавская этимология слова «русь» «не свидетельствует как таковая о решающей роли норманнов» в процессе возникновения Древнерусского государства и, более того, убедительно обоснована лингвистически³⁹⁵, тем не менее местное происхождение названия заслуживает предпочтения и потому следует попытаться установить именно местную, исконно славянскую этимологию названия «русь»³⁹⁶. И до сих пор, хотя языковеды считают доказанной его скандинавскую этимологию³⁹⁷, время от времени проявляется стремление обосновать любое – кроме скандинавского – происхождение этого слова: готское, прибалтийско-славянское, иранское, кельтское или иное³⁹⁸.

И.П. Шаскольский показал, что «антинорманизм» подобного рода использует устаревшую аргументацию, игнорирует достижения современной науки, а Д. А. Авдусин отметил связь его распространения в 1940-1950-е гг. с общественно-политической ситуацией в СССР, борьбой против «космополитизма»³⁹⁹. Продуктивность и научное значение антинорманизма заключаются не в оспаривании скандинавского происхождения русских князей, скандинавской этимологии слова «русь», не в отрицании присутствия скандинавов в Восточной Европе, а в освещении тех процессов развития восточнославянского общества, которые привели к формированию государства, в выявлении взаимных влияний древнерусского и древнескандинавского миров.

В последние десятилетия в мировой науке конкурируют две трактовки слова «русь». Многие советские и зарубежные лингвисты, историки и археологи придерживаются скандинавской этимологии названия и постепенно пополняют ее аргументацию (лингвистическую — А. И. Попов, Г. А. Хабургаев, Г. Шрамм, археологическую – Г. С. Лебедев). Ряд советских историков вслед за М.Н. Тихомировым⁴⁰⁰ настаивает на автохтонном (среднеднепровском) происхождении этого названия, однако доказательства в их трудах либо отсутствуют, либо сводятся к общим соображениям о существовании в Среднем Поднепровье Русского государства на рубеже VIII–IX вв. (или раньше) при отсутствии здесь скандинавских древностей.

В отечественной и зарубежной этнографии, лингвистике и археологии накоплено много новых данных, прямо или косвенно проливающих свет на спорный вопрос. Важны, в частности, общетеоретические исследования, раскрывающие механизм взаимодействия этносов в эпоху образования раннегосударственных структур. При этом отмечается полиэтничность господствующего слоя нарождающегося государства. Культура этого слоя в отличие от массовой, крестьянской, этнические характеристики в которой более устойчивы, по своему существу призвана отмечать социальный статус ее носителя, а не его этническую принадлежность. Наконец, применительно к собственно русско-скандинавским связям поставлен вопрос о синтезе обоих – наряду с другими – этносов в процессе формирования

³⁹⁵ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 163–165.

³⁹⁶ Там же. С. 163–203.

³⁹⁷ Попов А. И. Названия народов СССР. М., 1973. С. 47; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 216.

³⁹⁸ Как правило, эти попытки предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки (см. например: Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11).

³⁹⁹ Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983; Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

⁴⁰⁰ Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. № 6–7; Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 31–33.

Древнерусского государства⁴⁰¹. Необходимо отметить углубление комплексности исследования проблемы – широкого использования и взаимопроверки данных языка, письменных источников и археологических материалов.

В опосредованной форме эволюция содержания термина «русь» отразила важнейшие этносоциальные сдвиги в восточнославянском обществе, причем настолько последовательно, что представляется возможным сопоставить основные этапы этой эволюции с этапами русско-скандинавских связей раннего средневековья. Наиболее существенные преобразования в семантике, употреблении и форме названия «русь» в целом завершаются с консолидацией государства, т. е. к концу X в., и, таким образом, приходится на первые три этапа восточнославянско-скандинавских отношений: до середины IX в., вторая половина IX – первая половина X в., вторая половина X в. Истоки же названия «русь» восходят ко времени, предшествовавшему славянскому проникновению на северо-запад Восточной Европы, населенный западнофинскими племенами.

Контакты населения Скандинавии, Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики прослеживаются археологами уже с бронзового и раннего железного века. Более интенсивными становятся они с середины I тыс., в эпоху Великого переселения народов, продолжают в вендельский период (VI–VIII вв.) и в эпоху викингов. При этом скандинавы, судя по погребальным памятникам, с середины I тыс. проникают в соседнюю западную Финляндию (здесь найдены типично вендельские погребения в ладье), на Аландские острова, где складывается своеобразная метисная финно-скандинавская культура, а также на восточно-балтийское побережье, где имеются погребальные комплексы, близкие скандинавским. Они свидетельствуют о постоянных контактах скандинавских и прибалтийско-финских племен уже в довикингское время и в эпоху викингов.

Культурное взаимодействие и взаимообмен проявились в различных формах: в погребальном обряде, в языках взаимодействовавших этнических групп⁴⁰². В этом культурно-историческом контексте в финской среде появляется специальное обозначение пришедших на финские территории скандинавов; финск. *ruotsi*, эст. *roots*, водск. *rōtsi*, ливск. *rūtš*, карельск. *rōtsi*, сохранившееся в финских языках до настоящего времени со значением «Швеция», и производным финск. *ruotsalainen*, эст. *rootslane* – «швед», «шведский». Топонимы с корнем *ruoci* распространены в Латвийской ССР⁴⁰³ и в других восточноприбалтийских землях.

Ареал слова – пространство от Кольского полуострова до Урала, причем, как показал К.-О. Фальк, по мере продвижения на восток его употребление сокращается, а значение видоизменяется: уже в ряде саамских и карельских диалектов этноним используется для обозначения как шведов, так и русских⁴⁰⁴, т. е. иноэтничного населения вообще, пришлых инноплеменников, собиравших дань. Функциональное сходство затушевывало для местного населения этнические различия⁴⁰⁵. Далее на восток корень *роч-* в языке коми (из общепермского **ro#č*, за им ст во ван но го из прибалтийско-финских языков⁴⁰⁶), а также ненецк. *луца*

⁴⁰¹ *Найцумо В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // СС. 1970. Вып. XV. С. 51–61.

⁴⁰² *Setälä E. N.* Beiträge zu den germanischen Wortern im finnischen und ostseefinnischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1913. Bd. 13. S. 316–377; *Oehmann E.* Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse*. 1954. Bd. 1.

⁴⁰³ *Jansons A.* Toponimi «zviēdri», «ruoci», «normani» Latvijas PSR // Изв. Акад. наук Латвийской ССР. 1963. № 11.

⁴⁰⁴ *Falk K.-O.* Einige Bemerkungen zum Namen Rus' // *Les pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981. S. 147–159.

⁴⁰⁵ *Попов А. И.* Названия народов СССР. С. 47–50; ср. также: др. – русск. *немцы*, обозначающее этнически различные народы Западной Европы; саамск. *Tara, Tagga* – «Норвегия» и «Русь».

⁴⁰⁶ *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

(< **luo#tsā*), эвенк., *л#ча*, *н#ча* и др. имеют единственное значение «русский», поскольку население этих областей сталкивалось только с русским колонизационным потоком.

Наличие корня *ruots-* во всех западнофинских языках свидетельствует о появлении слова в период языковой общности, распад которой относят ныне к VI–VIII вв.⁴⁰⁷ Отсутствие же производных от него, узость семантики и изолированность указывают на то, что корень этот не является исконно финским.

Источником заимствования финск. *ruotsi* традиционно считается производное от древнескандинавского глагола «грести» (др. – исл. *róa*). Отнесение заимствования *ruotsi* ко времени ранних (до эпохи викингов) скандинаво-финских контактов не вызывает сомнений⁴⁰⁸. Однако поиски однозначной исходной словоформы для *ruotsi* затруднительны из-за отсутствия письменных источников (лексикон современных заимствованиям старшерунических надписей насчитывает менее 500 слов), да и вряд ли необходимы. Существование глагола *róa* и его производных, в том числе *rōþer* («гребец») и **rōþs(-maðr, – karl)* и др., отразившихся во всех германских языках⁴⁰⁹, бесспорно. Фонетически закономерен и переход древнесеверогерманского *rōþs-* (первый элемент композита) > финск. *ruots-*⁴¹⁰

Комплекс значений слова *rōþ(e)r* – «гребец; гребля; весло; плавание на гребных судах» – устойчив во всех германских языках: др. – исл. *róðr*, др.-в. – нем. *ruodar*, др. – англ. *rōðor* и др. В рунической надписи первой половины XI в. засвидетельствовано значение «морской поход»: **han. uas. buta. bastr. i ruði** (др. – исл. *í róði*) . **hakunar** («Он был лучшим из бондов в походе Хакона»)⁴¹¹.

Обозначение морского похода и его участников однокоренными словами традиционно для Скандинавии. Таковы существительное ж. р. *viking*, употреблявшееся для называния похода викингов (*vara í víkingi* – «находиться в викинге», т. е. в морском походе), и существительное м. р. *vikingr* для обозначения его участников (*vikingr* = «викинг, воин»). На территории между Рослагеном и Онежским озером (как предположил на основании ареала заимствований в прибалтийско-финских языках Е. А. Хелимский) собирательное самоназвание «профессиональных» групп пришельцев, более или менее однородных этнически, было наиболее подходящим для усвоения местным населением.

Таким образом, в эпоху, предшествовавшую восточнославянско-скандинавским контактам, в финской среде возникает этносоциальный термин *ruotsi*, позднее, при изменении форм деятельности скандинавов, удержавший только этническое значение и превратившийся затем в хороним *Ruotsi*.

Судя по топографии погребений в ладье, скандинавская племенная знать, особенно в Средней Швеции, уже в вендельскую эпоху отличалась значительной активностью и подвижностью как в процессах внутренней колонизации, так и в связях с континентом. В это время скандинавские погребения в ладье появляются на территории Финляндии и на Аландских островах⁴¹². В IX в. возникает некрополь с трупосожжениями, в том числе в ладьях, под Ладогой в урочище Плакун. Сожжения производились по типично скандинавскому ритуалу, помещались под низкими насыпями и содержали не только мужские, но и женские захоро-

⁴⁰⁷ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 80.

⁴⁰⁸ На вероятность раннего заимствования *ruotsi* указывали еще В. Томсен и А. Л. Погодин (Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 84; Погодин А. Л. Вопрос о происхождении имени Русь // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 272).

⁴⁰⁹ de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977. S. 450.

⁴¹⁰ Ср. др. – швед. *botsmoen* > финск. *puosi*, др.-швед. *hofmoen* > финск. *huovi*.

⁴¹¹ Nibble, Up, 16 (Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1940. B. 6: Upplands runinskrifter, H. 1. S. 24–26); см. также: Hovgarden, Up, 11 (Ibid. S. 11–20), около 1080 г.

⁴¹² Anderson G. Boatgraves in Finland // Suomen museo. 1963. Vol. 70. P. 5–23.

нения⁴¹³. В культуре приладожских сопок выделяется пласт норманнских древностей, а на сложение этой культуры повлияли, видимо, четыре этнических компонента: финский, балтский, славянский и скандинавский⁴¹⁴.

Появление скандинавов на территориях, удаленных от побережья Балтийского моря, среди финских племен, в первую очередь в Приладожье, было близко по времени к началу славянской колонизации этого региона. Контакты всех трех этнических групп на первом этапе восточнославянско-скандинавских связей – до середины IX в. – прослеживаются в Старой Ладоге (древнейший открытый скандинавский комплекс датируется серединой VIII в.), на Сарском городище под Ростовом (IX в.), на Рюриковом городище под Новгородом (IX в.)⁴¹⁵. Эпизодические, нерегулярные связи местного (финского) населения со скандинавами при торговых и грабительских походах норманнских дружин «на восток» дополнились с середины VIII в. более устойчивыми контактами со скандинавами, оседавшими в Старой Ладоге, где показателен смешанный характер расселения скандинавов, финнов, балтов и славян.

К VIII–IX вв. относятся и древнейшие западнофинско-славянские языковые связи: в западнофинских и эстонском языках имеются заимствования, сохранившие неполногласие, что могло быть лишь до IX в.⁴¹⁶. Очевидно, именно в это время на основе устоявшегося финского возникает и восточнославянское обозначение скандинавских купцов и воинов⁴¹⁷. Переход финск. *ruotsi* > др. – русск. *русь* фонетически убедительно обоснован. Зап. – финск. *uo/oo* закономерно отражалось в др. – русск. #, что подтверждается рядом аналогий (например, финск. *suomi* > др. – русск. *сумь*) и общим соответствием др.-русс. # / финск. *uo/oo*. Возможность перехода финск. *ts* > др. – русск. *с* имеет несколько наиболее вероятных объяснений: во-первых, заимствование могло иметь место до образования *ц* в древнерусском языке, во-вторых, если заимствование и проходило позже, то *с* в слове *русь* могло возникнуть как упрощение консонантной группы *ts* (ср.: *vepsä* > *весь*)⁴¹⁸.

Неоднозначности финск. *ruotsi* (соединению в нем этнического и социального значений) соответствует исходная полисемия др. – русск. *русь*. Письменные источники, в первую очередь ПВЛ, не содержат однозначного понимания этого слова. Поэтому выборочное привлечение источников позволяет достаточно убедительно, на первый взгляд, интерпретировать название и как социальный термин, и как этноним, и как хороним. До середины IX в. актуальны, хотя в разной степени, и, как правило, во взаимосвязи, первые два значения. Важнейшим подтверждением доминирующего этнического содержания слова является его морфологическая структура, недвусмысленно связывающая его с древнерусским этнонимическим рядом для обозначения народов северо-запада Европейской части СССР, по преимуществу финских и балтских⁴¹⁹.

⁴¹³ Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.

⁴¹⁴ Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe // Там же; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 68–69.

⁴¹⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // ИСССР. 1984. № 3. С. 54–55; Носов Е. Н. Новые скандинавские находки с Рюрикова городища под Новгородом // X Сканд. конф. 1986. Ч. 1.

⁴¹⁶ Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938; Kalima J. Die slawischen Lehnwörter im Ostseefinnisch. B., 1955; Кунарский В. О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica. 1958. Т. 4.

⁴¹⁷ Аналогично, хотя и в более позднее время, возникает название *варяг*, также использовавшееся как этносоциальный термин и, вероятно, заменившее название *русь* после того, как последнее было перенесено на древнерусскую народность.

⁴¹⁸ Schramm G. Die Herkunft des Namens Rus' // FzOG. 1982. Bd. 30. S. 19.

⁴¹⁹ См.: Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 167–168. Собственно, славянские этнонимы образованы по двум основным словообразовательным моделям. Первая имела аппелятивную основу + суффикс – *ан/-ян* или – *ен* (из общеслав. *-janin, *-etn); ср.: *древляне, северяне, бужане*. Вторая – топографическую или псевдопатронимическую основу + патронимический суффикс – *ич* (из общеслав. *-itjo): *кривичи, радимичи, вятичи*. Обе модели восходят к обще-

Эта этнонимическая модель основана на фонетической (более или менее точной) передаче самоназвания и морфологически оформлена как собирательное существительное женского рода на – ь (< *-i): *кърсь* (> *корсь*) < балтийских языков, латв. *kuřsa*, лит. *kur#šas*; *чудь* (< гот. *điudā?*) < саам. норв. *čutte*, *siðde*, саам. швед. *čute*, *čude* – «преследователь, враг», саам. кольск. *čutte*, *čut*; *сумь* < финск. *Suomi*, эст. *Soome Maa*, лив. *Sùo#m*; *ямь, емь* < финск. *Häme* (название области); *весь* < финск. **vepsi*, *vepsi*; *водь* < водск. *vad'd'a*, финск. *vaaja*; *лопь* < финск. *lappi*; *либь* < латв. *lībis*, *lībiētis* и др.

Наконец, на неславянскую этническую принадлежность первоначальной «руси» указывает и то, что этническая группа «русь» не включена летописцем ни в один из перечней славянских «племен» (полян, древлян и др.), расселившихся по Восточноевропейской равнине⁴²⁰.

Этническое значение слова «русь» устанавливается, таким образом, этимологически, по морфологической структуре слова, по его включению в соответствующий контекст в ПВЛ. Для летописца XII в. его этническое содержание не вызывало сомнений: он ставит русь в один ряд с другими скандинавскими народами: «Сие бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зъвутся свие, друзии же урмане»⁴²¹. Однако в легенде о призвании варягов, как полагает большинство исследователей, частично отражающей реальность середины IX в., наиболее отчетливо проявляется и его социальное значение. Сопоставление двух вариантов легенды, сохранившихся в ПВЛ и в Новгородской I летописи (далее – НПЛ), недвусмысленно показывает отождествление понятий «русь» и «дружина». Текст ПВЛ: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по соб#всю русь, и придоша»⁴²². В НПЛ текст звучит так: «Избрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, в приидоша к Новугороду»⁴²³.

Взаимозаменяемость выражений «дружина многа» и «вся русь» (ср. ниже выражение «все росы» как обозначение великокняжеской дружины у Константина Багрянородного) указывает на социально-терминологическое значение слова «русь» в летописной традиции XII в.⁴²⁴. Этническое значение его в этом контексте отступает на второй план и нуждается в специальном комментарии летописца – отождествлении «руси» с варягами.

Во второй половине IX – первой половине X в., на протяжении второго этапа восточнославянско-скандинавских связей, оба значения слова сохраняются, но социальное начинает выступать на первый план, оттесняя этническое. В этом контексте вызвавшая много толкований фраза ПВЛ (и соответствующий пассаж НПЛ) о мужах, варягах, словенах и прочих, которые в Киеве «прозвашася русью»⁴²⁵, может быть истолкована как указание на то,

славянскому времени (*Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimow slowianskich* // RS. 1966. Т. 26; 1968. Т. 29; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Киев, 1980).

⁴²⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 11, 13, 15 [= ПВЛ-1996. С. 8, 10–11. —Прим. ред.].

⁴²¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. —Прим. ред.]. Мы не касаемся здесь вопроса о времени включения в ПВЛ этого и других пассажей, содержащих отождествление варягов и руси, которые А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Разыскания о Древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 298–340) считал вставками составителя ПВЛ. Для нас существенно не это отождествление (которое, кстати, вряд ли могло произойти в раннее время, как полагал и А. А. Шахматов), а включение названия «русь» в контекст, недвусмысленно обнаруживающий этническое его содержание.

⁴²² ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. —Прим. ред.].

⁴²³ НПЛ. С. 106.

⁴²⁴ Falk K.-O. Einige Bemerkungen. S. 149. А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Разыскания*. С. 340) считал очевидной искусственность конструкции «вся русь» (как и легенды о призвании варягов в целом), по его мнению, летописец стремился объяснить таким образом отсутствие руси собственно в Скандинавии – «всю русь» якобы переселил с собой Рюрик. Однако, помимо приведенных данных Константина Багрянородного, для средневековых источников вообще и для древнерусских в частности (ср. «Русь вся» в договоре Святослава) характерно обозначение дружины как «всех чехов», «всех данов» и т. д.

⁴²⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [= ПВЛ-1996. С. 14. —Прим. ред.]. А. А. Шахматов считал, что в Древнейшем своде «русью» именовались лишь варяги Олега (словене и прочие – позднейшая вставка), восприняв это название в Киеве, где оно якобы было исконным. Эта гипотеза о южном происхождении названия «русь» основана, однако, на недоказанном предположении

что именно в Киеве полиэтническое войско Олега (или его часть) приобрело статус великокняжеской дружины. В. Л. Янин склонен видеть в этой «руси» дружину, представлявшую прежде всего административный аппарат великого (киевского) князя. По его мнению, как и по мнению Д. С. Лихачева⁴²⁶, противопоставление княжеской дружины (руси) рядовому войску (словенам) отражено и в рассказе о походе на Царьград 907 г.⁴²⁷, хотя Д. С. Лихачев и понимает термин «дружина» шире, чем В. Л. Янин. Но при любой трактовке – наиболее существенно то, что исходное этносоциальное значение термина «русь» стало «размываться» как в этническом плане (включает «мужей» славянского происхождения), так, видимо, и в социальном (в описании похода 907 г. о руси говорится как о войске вообще, а не только как о великокняжеской дружине).

Наконец, в тексте договора 911 г.⁴²⁸ появляется хороним (политоним?) «Русская земля». Показательно, что Аскольд и Дир, согласно ПВЛ, владели не Русской землей, а «польской» (т. е. Полянской): название «русь» в территориальном значении начинает распространяться в Поднепровье с утверждением в Киеве именно великокняжеской дружины Олега, назвавшего Киев метрополией – «матерью городов русских»⁴²⁹. Вместе с тем в упомянутых текстах наряду с расширительным значением названия «русь» присутствуют отзвуки и самого раннего значения: Олег требует дань «на корабль» и «на ключ» (уключину), что подчеркивает особый статус именно гребцов в походе на судах.

Таким образом, в летописных текстах, повествующих о событиях конца IX – начала X в., можно увидеть весь спектр значений названия «русь» с тенденцией к его расширению и переносом названия со скандинавских реалий на восточнославянские. Эта тенденция упрочивается к середине X в., судя по описанию похода и договору Игоря (944 г.), где его войско, состоящее из варягов, руси, полян, словен, кривичей и тиверцев, корсунцы и болгары называют общим именем – «идуть Русь»⁴³⁰, отличая от «руси» только наемников-печенегов. Эта «расширительная» трактовка «извне» подкрепляется «изнутри» словами договора, заключенного «от Игоря, великого князя русаго, и от всякоя княжья и от вс#хъ людей Руския земля»⁴³¹. При этом послы со скандинавскими именами выступают доверителями правителей, часть которых носит славянские имена (в их числе – Святослав, сын великого князя). Договор скрепляется клятвой Перуном, что свидетельствует об отправлении русскими князьями и дружиной славянских культов. Все это наряду с данными археологии и лингвистики говорит о далеко зашедших процессах ассимиляции, изначально сопровождавших распространение названия «русь».

По мере того как название «русь» становится известным соседним с восточными славянами народам, оно появляется во все большем количестве разноязычных источников, причем большинство из них фиксирует уже отмеченную двойственность значения слова.

Этносоциальное содержание названия «ар-рус» в арабских источниках, в отличие от расширительного этнического «ас сакалиба» (под которым подразумевались не только восточные и западные славяне, но часто и другие народы Европы – болгары и даже германцы⁴³²), отмечалось неоднократно, причем этническое значение – под народом ар-рус

самого А. А. Шахматова о существовании государства скандинавов-росов Вертинских анналов в Среднем Поднепровье до 840 г. (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 542; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 53 сл.).

⁴²⁶ ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 253 [= ПВЛ-1996. С. 419. – Прим. ред.].

⁴²⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 24 [= ПВЛ-1996. С. 17. – Прим. ред.].

⁴²⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 27 [= ПВЛ-1996. С. 19. – Прим. ред.].

⁴²⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [= ПВЛ-1996. С. 14. – Прим. ред.].

⁴³⁰ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33 [= ПВЛ-1996. С. 23. – Прим. ред.], ср. комментарий: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 288 [= ПВЛ-1996. С. 430–431. – Прим. ред.].

⁴³¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 35; ср.: С. 38–39 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23; ср.: С. 26. – Прим. ред.].

⁴³² Минорский В. Р. Куда ездили древние русы? // Восточные источники в истории народов Юго-Восточной и Централь-

понимаются скандинавы⁴³³, – как правило, не выражено эксплицитно и устанавливается путем этнографических, исторических и прочих сопоставлений. Доминирование социального значения названия «ар-рус» исторически обусловлено самим характером контактов: знакомством арабов с теми самыми отрядами, которые называли себя *rōps(menn)* и которых западные финны называли *ruotsi*. Один из таких отрядов в 921/922 г. видел в Булгаре Ибн Фадлан, составивший «этнографическое» описание похорон его «предводителя».

Показательно, что сами ар-рус (русийа) характеризовали свой обряд погребения исключительно как сожжение в ладье⁴³⁴, хотя ни в Скандинавии, ни в Восточной Европе этот обряд не был господствующим: видимо, связь «руси» с кораблем как символом социальной группы была еще актуальной. Участвовавшие в похоронах были, вероятно, сородичами и домочадцами умершего предводителя. «Царь русов», в описании того же Ибн Фадлана, постоянно окружен «четырьмястами мужами из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него». И название группы, совершавшей похороны руса в ладье, и название окружения царя русов имеют эквивалент в древнерусском языке – «дружина»⁴³⁵.

Исключительно как воинов и купцов, живущих на острове, изображают ар-рус источники, восходящие к IX в. Ибн Русте пишет: «У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян (ас-сакалиба), подъезжают к ним на кораблях... Они не имеют пашен и питаются лишь тем, что привозят из страны славян... Все свои набеги и походы совершают на кораблях»⁴³⁶. Вероятно, Ибн Русте описывает здесь полюдь – сбор дани княжеской дружиной; близкие сведения об «острове русов» и кормлении отрядов ар-рус (100–200 человек) в земле славян есть у Гардизи⁴³⁷. Описание восточными источниками «профессионального» быта ар-рус как воинов и купцов, для которых характерны походы на кораблях, сбор дани, кормление в стране ас-сакалиба, подтверждает актуальность этносоциального термина «рус», отраженного восточной традицией.

Той же двойственностью значения можно объяснить кажущуюся противоречивость сообщения Вертинских анналов (839 г.)⁴³⁸ о людях, назвавших себя, т. е. род свой, «росами» («se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»), а в действительности оказавшихся свеонами («eos gentis esse Sveonum»). Употребление оборота *accusativus cum infinitivo* позволяет понимать слово «рос» как самоназвание группы (*gens*) свеонов⁴³⁹. При этом основным определяющим данную группу признаком является не их этническая принадлежность (иначе достаточно было бы определения «свеоны»), но их деятельность: выполнение некоего поручения правителя-хакана к императору Византии Феофилу. Как известно, такого рода поручения – дипломатического или иного характера – возлагались в тот и в более поздний период на членов княжеской дружины⁴⁴⁰, в значительной степени заменявшей аппарат госу-

ной Европы. М., 1964. С. 22–23.

⁴³³ Vitestam G. The People of ar-Riis as Merchants According to Arabic Sources // KYHAA. Filologisk-filosofisk serien. 1975. В. 15. Единственным в восточных источниках текстом, отождествляющим народы ар-рус и ас-сакалиба, является вставка неясного происхождения в сочинение Ибн Хордадбега (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 38 сл.; см. также: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 382–385).

⁴³⁴ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 143, 146.

⁴³⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 363.

⁴³⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 397–400.

⁴³⁷ Там же. С. 399.

⁴³⁸ MGH. SS. 1885. Т. 1.Р. 434.

⁴³⁹ Слово *gens* «род» в средневековых источниках имеет весьма широкое и расплывчатое значение, обозначая не только кровнородственные, но и иные группы. Вопрос об этнической и государственной принадлежности «хакана русов» не может быть рассмотрен в рамках этой статьи, тем более что сам текст не содержит данных для его решения.

⁴⁴⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 36 сл.

дарственного управления. Название «рос», таким образом соотносимое, но в то же время и противопоставленное этнониму «свеоны», обозначает членов дружины правителя, носившего титул «хакан» и поддерживавшего связи с Византией.

В отношении интересующего нас названия аналогия сообщению Вертинских анналов представляет упоминание ал-Йакуби о практически одновременном известии анналов нападения на Севилью в 844 г. «кораблей [народа] ал-Маджус, который называется ар-Рус»⁴⁴¹. Термином «ал-Маджус» (буквально «огнепоклонники») восточные авторы обозначали языческие народы Европы, сжигавшие своих мертвых. Показательно выделение (само)названия «ар-Рус» из собирательного иноназвания ряда народов.

К первой трети IX в. сообщения о нападениях росов на византийские владения появляются в византийских источниках (жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского)⁴⁴², к середине IX в. – в проповедях патриарха Фотия 860 г. и его же Окружном послании 867 г.⁴⁴³, наконец, в середине X в. составлено ценнейшее описание «росов» в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного⁴⁴⁴. Если первые три источника содержат лишь характерные для учительной литературы стереотипные описания нападений «росов» на Сурож, Амастриду и Константинополь, то Константин пространно излагает полученные им сведения о росах: их местах обитания, образе жизни и т. д. Показательно, однако, что ни разу он не оговаривает принадлежность росов к какой-либо крупной этнической группе, как он делает, например, по отношению к племенам друговитов, кривитеинов и др., относя их к славянским народам. Лишь на основании анализа «росских» названий днепровских порогов, бесспорно скандинавских, можно полагать, что «росы» Константина являются скандинавами.

Социальный момент в характеристике «росов» у Константина выражен значительно более четко. «Росы» управляют славянскими племенами, им поставляют однодеревки славянские города Немогардас, Милински и др., они совершают набеги на Византию, Хазарию и другие сопредельные страны, плавают в Византию с торговыми целями. Особенно показательно, что «их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия» по землям основных славянских племен. Употребление выражения «со всеми росами», идентичного выражению «вся Русь» в ПВЛ в подобном контексте, противоречит исключительно этническому пониманию слова⁴⁴⁵. В полюдьи принимал участие великий (киевский) князь со своей дружиной, состоявшей в середине X в., однако, не из одних скандинавов. Полиэтнический состав и культура великокняжеских дружин и знати в Древней Руси X в. устанавливаются по договорам с греками, по неоднократным упоминаниям ПВЛ о дружинниках-чужинах и представителях других западнофинских племен, а также кочевых народов Северного Причерноморья, и по археологическим памятникам – в первую очередь дружинным некрополям, инвентарь и обряд погребения в которых обнаруживают контаминацию разнотнических элементов.

Таким образом, в сочинении Константина отмечается важная ступень в развитии названия⁴⁴⁶: с одной стороны, в этническом плане под словом «рос» подразумеваются скандинавы, с другой – его содержание оказывается значительно шире этнического определения

⁴⁴¹ Lewicki T. *Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny*. Wroclaw; Krakow, 1956. T. 1. S. 128, 251, 270–271.

⁴⁴² Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.

⁴⁴³ Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Сент. – окт.

⁴⁴⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 44–51; см. также комментарий к гл. 9.

⁴⁴⁵ Там же. С. 270; ср.: Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Sankt-Petersburg, 1844. S. 104–107; Falk K.-O. Einige Bemerkungen. S. 149.

⁴⁴⁶ Видимо, эту же ступень отражает летописец, рассказывая о дружине Олега.

и включает разноэтничный контингент, составляющий великокняжескую дружину. Слово «рос» у Константина, таким образом, обнаруживает исходную многозначность, но с преобладанием социального, а не этнического значения. Эта многозначность, очевидно, является не плодом размышлений Константина, а отражением сведений, поступавших к нему в середине X в. в качестве донесений о Киеве, а также уже сложившегося в Византии комплекса информации о народе «рос».

Вероятно, к последнему комплексу относится и сама форма названия – ‘### с корневым – *ō-*, а не – *#-*, поскольку именно она встречается во всех предшествующих Константинову источниках. Лишь во второй половине X в. появляется форма с корневым – *#-* – *#ou#-*, которая, однако, так и не стала господствующей.

Традиционный взгляд сторонников южнорусской этимологии названия «Русь»⁴⁴⁷ (начиная с М. В. Ломоносова) в значительной степени основывается на форме ‘###, которая истолковывается как отражение исконно славянского этнонима *русы* (*росы*). При этом априорно принимается тождественность корней *рус-* и *рос-*, второй из которых встречается в гидронимах⁴⁴⁸ и этнонимах⁴⁴⁹, из чего делается вывод, что в середине I тысячелетия Поросье было заселено неким славянским племенем, носившим название «русь» (–«рос(ь)», «рсь»?).

Однако засвидетельствованное в ПВЛ древнерусское название реки отнюдь не *Рось*, а *Рьсь*, где *ь* прояснилось в *о* (будучи в сильной позиции) лишь в XII в. (ср.: *тѣргъ* > *торгъ*, *вълкъ* > *волкъ* и др.), т. е. до XII в. существовала гидронимическая основа не *рос-*, а *рсь-*. Этимологически же общеслав. *ь* восходит к и.-е. *и*, тогда как *#* (также и в слове *русь*) могло развиваться только из и.-е. дифтонгов **ai* или **ou*⁴⁵⁰. Таким образом, корни *рсь-* (> *рос-*) и *рус-* независимы один от другого и не являются этимологическими дублетами, что неоднократно уже подчеркивалось лингвистами, но продолжает игнорироваться историками.

Вместе с тем остается открытым вопрос о происхождении ранней византийской формы ‘###, а также формы *Rhos* Бертинских анналов, отражающей, как принято считать, византийскую традицию. Предлагавшиеся объяснения византийской формы (из названия «русь» через тюркское или хазарское посредство) не были признаны убедительными⁴⁵¹. Надо, видимо, обратить особое внимание на исторические условия, при которых появились первые упоминания этого названия в византийских и других источниках. Если у византийских авторов конца IX–X в. слово «рос» встречается в самых различных контекстах, то в источниках первой половины – середины IX в. оно появляется в рассказах о нападениях росов на Амастриду, Сурож и Константинополь, т. е. в результате непосредственных контактов с его носителями. В Бертинских анналах оно не только прямо почерпнуто от пришедших в Ингельгейм «росов», но и, вероятно, отражает самоназвание этой группы свеонов. Поэтому нет необходимости во всех этих случаях искать посредников передачи византийским авторам или составителю Бертинских анналов названия «рос». Оно могло быть заимствовано

⁴⁴⁷ Тихомиров М. Н. Происхождение названий; Рыбаков Б. А. Древние русы// СА. 1953. Т. 17; Мавродин В. В. Происхождение названия «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958; и др.

⁴⁴⁸ Рось – правый приток Днепра; Роська, Россава – притоки Роси (см.: Словник гідронімів України. Київ, 1979. С. 351). Производные топонимы: Поросье, г. Родня. Исходный гидроним – *Рьсь* – имеет неясную этимологию (Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 237, 262) и засвидетельствован в ПВЛ (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 55, 101, 161 и др. [ПВЛ-1996. С. 36, 65, 104 и др. – Прим. ред.]; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 65, 137, 219, 426).

⁴⁴⁹ Этнонимическая основа *рос-* (также *рокс-*, *рас-*, *ракс-*, *ракил-*, *роки-* и префиксированные *аорс-*, *араке-*, *арси-*) имеет иранское происхождение. Ее ареал от V в. до н. э. до V–VI вв. н. э. охватывает Среднюю Азию, Северный Кавказ, Северное Причерноморье.

⁴⁵⁰ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 253–261; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951 (автор специально оговаривает невозможность развития и.-е. *и* в др. – русск. *ъ*; ср.: Соловьев А. В. Византийское имя России// ВВ. 1957. Т. 12. С. 135). Следует указать и на то, что против древности слова «русь» в древнерусском языке говорит сохранение звука [с] после гласного у (Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // ВЯ. 1980. № 5. С. 46–47).

⁴⁵¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Washington, 1967. Vol. 2. P. 20–21.

прямо у пришельцев и отражать самоназвание дружин, которые в значительной части состояли из выходцев из Скандинавии и сохраняли то же название с основой *rōþs-*, которое ранее усвоили финны в форме *ruotsi*.

Это заимствование в византийской литературе могло поддерживаться ассоциациями с наименованием мифического народа Рос, появление которого в сирийско-византийской исторической традиции связано с неточным переводом фразы из ветхозаветной книги Иезекииля (Иез. 38.2; 38.3; 39.1), содержащей титул «князь-глава» (др. – евр. *rom*), как «князь Рос»⁴⁵². Представление о варварском северном народе рос, широко распространившееся в контексте эсхатологической легенды о Гоге и Магоге⁴⁵³, было непосредственно использовано патриархом Фотием в связи с осадой Константинополя росами в 860 г.: «Народ вышел из страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим»⁴⁵⁴.

Таким образом, проникновение названия *### в византийские источники IX в. и в Вертинские анналы могло быть обусловлено непосредственными контактами с приходившими из Восточной Европы отрядами⁴⁵⁵. Лишь позднее, по мере расширения связей, установления торговых и дипломатических отношений крепнущего Древнерусского государства с Византией, ее осведомленность о росах увеличивается; под влиянием др. – русск. «русь» в середине X в. появляется форма с корневым – у-, которая, однако, оказывается не в состоянии конкурировать с привычной формой. Одновременно слово *### усваивается греческим языком, вовлекается в греческую парадигматику (появляется склоняемая форма) и образует ряд производных: прилагательное *#ωστικός, хороним *#ωσία и др.

Последний комплекс ранних, IX в., источников – это немецкие памятники: Баварский географ (датировка его варьирует от времени до 821 г. до 880-х гг.) и дарственная грамота Людовика Немецкого Алтайхскому монастырю (883 г.)⁴⁵⁶. Засвидетельствованные в них этноним *ruzzi* и хороним *Ruzaramarcha* отличаются от византийских форм фоно-морфологическим обликом и, очевидно, восходят к иной традиции. Использование в них корневого – и- дает основание связать их с др. – русск. «русь». Но локализация *ruzzi* Баварского географа, которых обычно помещают в Среднем Поднепровье⁴⁵⁷, неясна: данный источник состоит из перечня «народов» (племен), и единственным подтверждением этой локализации является упоминание рядом с ними хазар (*caziri*). Более того, неясно (как бы ни интерпретировать эту часть перечня), почему хазары названы в нем перед, а не после *ruzzi*, если последние находятся в Поднепровье – ведь точкой отсчета в любом случае является Бавария? Существуют и другие локализации этого наименования, в частности севернее, между весью и славянскими племенами Поднепровья, что основывается на интерпретации следующих за *ruzzi* названий и скорее соответствует этногеографическому контексту ранних финно-славянско-скандинавских контактов. Также неясен и источник образования хоронима *Ruzaramarcha*.

⁴⁵² Это обстоятельство отмечал В. Н. Татищев (*Татищев В. Н. История Российская*. М., 1962. Т. 1. С. 288). К этой же библейской традиции восходит упоминание в перечне диковинных народов народа *Hr os* в компилятивной «Церковной истории» Псевдо-Захария (середины VI в.). Поэтому необоснованны попытки его отождествления с «руссам» – славянами, восточной группой антов и т. и. (*Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах* // ВДИ. 1934; № 4; *Пигулевская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. и. э.* // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; *Vernadsky G. Ancient Russia*. New Haven, 1943. Vol. 1. P. 258–259; ср.: *Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова 'roog, 'Pcooia, Россия* // ВДИ. 1940. № 2. С. 121–123).

⁴⁵³ *Флоровский А. В. «Князь Рош» у пророка Иезекииля* // Сборник в честь на Васил И. Златарски. С. 505–520; *Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus' I I Les pays du Nord et Byzance*. P. 175–183.

⁴⁵⁴ Две беседы святейшего патриарха. С. 421. Ту же параллель проводит во второй половине X в. Лев Диакон в связи с походом Святослава: «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”» (*Лев Диакон. История*. М., 1988. С. 79; см. также комментарий на с. 211–212).

⁴⁵⁵ Ср.: *Kunike. Die Berufung*. Bd. 2. S. 108.

⁴⁵⁶ *Назаренко А. В. Об имени «Русь»*. С. 46–57.

⁴⁵⁷ Там же; *Ловмянский Х. Русь и норманны*. С. 193, примеч. 1.

Поэтому вопрос о происхождении этих наименований и их связи с др. – русск. *русь* из-за недостаточной пока изученности этих источников остается открытым⁴⁵⁸.

Итак, обзор основных групп источников, содержащих в той или иной форме названия «русь» и «рос», довольно отчетливо указывает на его происхождение и основные тенденции развития на протяжении VIII – первой половины X в. Спорадические набеги скандинавских отрядов сначала на прибрежные области Восточной Балтики, позднее – вверх по рекам Балтийского бассейна еще в довикингскую эпоху, дополнявшиеся со временем оседанием части скандинавов в таких центрах, как Старая Ладога, Рюриково городище и др., создали устойчивую основу для этноязыковых контактов. Особенности проникновения скандинавов в финские земли – в результате походов на судах, участники которых, гребцы и воины, носили название, производное от *rōþs-*, – обусловили превращение профессионального самоназвания в экзоним (иноназвание) в финской среде. Заимствованное слово изначально получило семантическую двойственность, отражая специфику условий, в которых проходили скандинаво-западнофинские контакты середины I тысячелетия. В северо-западной области контактов всех трех этнических групп оно попадает в древнерусский язык. Вместе с отрядами, проникавшими вплоть до Булгарин на востоке и Северного Причерноморья на юге, скандинавское название (*ropsimenri*) разносится по Восточной Европе и запечатлевается в упомянутых выше византийских источниках и в Вертинских анналах в формах *####* и *Rhos*, сохраняя значение профессионального самоназвания, т. е. исконное значение слова.

На первом этапе взаимодействия скандинавского и восточнославянского миров (до середины IX в.) в обстановке формирования классового общества и зарождения государственности в форме надплеменных территориально-политических структур («племенных княжений») происходит заимствование названия «русь» как этносоциального термина с доминирующим этническим значением. Проникновение скандинавов к югу от Приладожья до второй половины IX в. было эпизодическим и связанным с выходом отдельных экспедиций к Черному морю. Их продвижение по рекам Восточно-Европейской равнины еще не было, видимо, связано с оседанием в славянских поселениях, что обусловило почти полное отсутствие археологических находок скандинавского происхождения, датируемых IX в., вне зоны первоначальных славяно-финно-скандинавских контактов.

На втором этапе, во второй половине IX – первой половине X в., когда формируется Древнерусское раннефеодальное государство, главной его консолидирующей силой становится великокняжеская дружина, куда входили и скандинавы. Успешность их деятельности всецело зависела от соответствия внутренним социально-экономическим процессам государствообразования в славянском обществе. Находники-варяги, собиравшие дань с племен новгородской конфедерации, были изгнаны, скандинавский «князь» был призван «со всей русью», т. е. дружиной, по «ряду», что стало традиционным обычаем новгородцев. Очевидно, что «славяно-варяжский синтез»⁴⁵⁹ основывался на общности интересов князя, его норманнской дружины и местной новгородской знати: варяжские дружины на севере Восточной Европы были не только конкурентами местной знати в эксплуатации местного населения (борьба с этой конкуренцией и вызвала необходимость в «изгнании» находников), но и ее естественными союзниками, представлявшими готовую и не связанную с местными племенами вооруженную силу. Именно такую надплеменную нейтральную силу в противоречивых социальных, политических и этнических условиях и представляли призванные князь и дружина.

⁴⁵⁸ Недавно О. Прицак, основываясь на цитированной статье А. В. Назаренко, предложил возводить немецкие формы типа *ruzzi* к корню *rut-* в этнониме *rut(h)eni* – рутены, кельтское племя в Аквитании, известное по римским источникам с I в. до н. э. (см.: *Pritsak O. The Origin of the Name Rus' // Turko-Tatar Past. Soviet Present. N.Y., 1986*).

⁴⁵⁹ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения. С. 55.

Нейтральным, не связанным с племенными традициями, было и самоназвание скандинавов, отраженное словом «русь»⁴⁶⁰. Видимо, внутреннее тяготение к сплочению, равно как и стремление к внешним захватам, способствовали успеху политики Олега, объединившего Новгородскую и Киевскую земли. Дружина и войско Олега были уже разноплеменными, а в том факте, что Олег легко овладел Киевом (как представитель «законного князя»), Х. Ловмянский усматривал заинтересованность местной знати в сильной княжеской власти⁴⁶¹ (немаловажно, что летописец изображает Олега освободителем восточно-славянских племен от хазарской дани). Дружина Олега прозвалась русью уже будучи полиэтничной. Видимо, этот этап в развитии названия «русь» засвидетельствован и Константином Багрянородным, у которого социальное значение названия доминирует над этническим⁴⁶².

Распространение названия «русь» на полиэтничные дружины вело к быстрому размытию первоначальной этнической приуроченности его к скандинавам. К середине X в. по всей территории расселения восточных славян от Киева до Ладоги распространяются дружинные древности, складывается «дружинная культура», впитывающая и сплавляющая в единое целое элементы разноэтничного происхождения. Ее носителями являются прежде всего великокняжеские дружины, присутствие которых отмечается по археологическим данным на важнейших водных путях, на погостах и в городах Древнерусского государства: в Верхнем Поволжье и Поднепровье, в Поволховье, а также на территории формирующейся «русской земли» в узком смысле – собственно в Киеве и в Черниговской земле. Включение этих земель в сферу действия великокняжеских дружин свидетельствует об их консолидации и формировании территории государства, подвластного «великому князю русскому», как он именуется в договорах руси и греков⁴⁶³.

Отсутствие четкой этнической атрибуции прилагательного «русский» в договорах подчеркивается тем, что имена доверителей, заключавших договор «от рода русского», имеют не только скандинавское, но и славянское, балтское, финское происхождение; при этом славянскими оказываются и имена некоторых представителей собственно княжеского «русского рода». Таким образом, названия «русь», «русский» здесь не связываются со скандинавами, а все территории, подчиненные великому князю, хотя и заселенные разноэтничными народами, называются «Русской землей» («от всякая княжья и от всѣхъ людей Руския земля»)⁴⁶⁴. Так в процессе консолидации разноэтничных территорий под эгидой великокняжеской власти возникает расширительное географо-политическое понятие «Русь» и «Русская земля»⁴⁶⁵.

Наконец, с середины X в., когда в ходе укрепления древнерусской государственности складывается древнерусская раннесредневековая народность, «дружинные» некрополи X в.

⁴⁶⁰ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 218–219.

⁴⁶¹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 140–143, 238–239; ср.: Пацуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство. С. 86–97. Предположение о договорных отношениях древнейшей руси – дружин Рюрика, Аскольда и Дира – со славянами делались еще М. П. Погодиным и А. А. Куником. Константин Багрянородный называет славян «пактиотами» росов; термин «пактиот» имеет ряд значений: от «данника» до «союзника», чему соответствует и характер взаимоотношений росов и славян в середине X в. (славяне поставляют и продают росам однодеревки, росы собирают полюдые и кормятся у славян).

⁴⁶² При этом, впрочем, следует учитывать и особенности византийской, да и средневековой вообще этнонимии, где «этнические термины не являются этниконами в узком и в строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик» (Бибииков М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // СС. 1986. Вып. 30. С. 101).

⁴⁶³ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 25, 34–35 [= ПВЛ-1996. С. 18, 23. – Прим. ред.].

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ О неправомерности выделения первоначального узкого значения хоронима «Русская земля», «Русь», когда «наиболее древним, основным значением» его считается «значение общее, обращенное ко всем русским землям», см.: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 240–241 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 402. — Прим. ред.]; Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. Л., 1985. С. 354–356; см. подробнее в комментарии в кн.: Ловмянский Х. Русь и норманны.

не столько являют собой картину значительного этнического смешения, сколько обнаруживают тенденцию к унификации культуры в отношении как социальной стратификации (выделение дружинных и рядовых погребений), так и обрядности (повсюду распространяется обряд сожжения, полусферический курган). Формирующийся общий древнерусский погребальный обряд отражал процесс этнической консолидации древнерусской народности. Условия такого этнического смешения в главных центрах Руси, где ведущую роль играла дружина, были благоприятны для распространения названия «русь»⁴⁶⁶ и в этническом, и в территориальном плане на огромную подвластную Киеву территорию от Среднего Поднепровья до Верхнего Поволжья, Белозерья и Приладожья, по мере интеграции первоначальных носителей этого названия в состав восточнославянского общества. Этнически нейтральное, не связанное ни с одним из племенных этнонимов, что было особенно важно в эпоху борьбы с племенным сепаратизмом, название «Русь» оказалось наиболее приемлемым для новой восточнославянской этнокультурной общности.

Подобная эволюция названия «русь» не представляет ничего исключительного. Так, И.М. Дьяконов показал, что название «киммерийцы» восходит не к этнониму, а к обозначению конных отрядов иранцев, вторгшихся из Северного Причерноморья в Переднюю Азию в VII–VI вв. до н. э.⁴⁶⁷ Отсюда проистекает сложность выделения археологической культуры и поисков особого народа, хотя к названию «киммерийцы» восходят известные античные топонимы Северного Причерноморья.

Такая эволюция названий, этнонима и хоронимов, особенно характерна для эпохи становления государств и сложения новых этнических общностей (народностей). Классические примеры были приведены еще В. Томсеном: Болгария, славянское государство, воспринявшее название от тюркской группы болгар, и романоязычная (по основному населению) Франция, название которой восходит к германскому племенному объединению франков. История последнего хоронима заслуживает внимания в связи с историей названия «русь». Очевидно, что и название «франки» не имело первоначально значения племенного этнонима: оно обозначало конгломерат германских племен⁴⁶⁸. Этимология его неясна, обычно его сравнивают с лат. *franca* «копье»⁴⁶⁹. С формированием Франкского государства название «франки» распространяется на все население Галлии (с VII в.), а сама Галлия в источниках VII–VIII вв. начинает называться «Regnum francorum»⁴⁷⁰. Наконец, со времен Капетингов название «Иль-де-Франс» («Остров Франции») закрепилось за королевским доменом – историческая параллель «Русской земле» в узком смысле.

Итак, как это ни парадоксально, на всем протяжении своей истории скандинавское по происхождению слово имеет сколько-нибудь прямое отношение к скандинавам лишь в догосударственный период развития восточнославянского общества, а его эволюция отражает этнокультурные и социально-политические процессы становления восточнославянской государственности⁴⁷¹.

⁴⁶⁶ Близкая точка зрения была высказана С. М. Соловьевым (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. С. 119), а затем на основании тщательного анализа летописей А. А. Шахматовым, который отмечал, что еще в XI–XII вв. живо было представление «о том, что имя Руси – это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов» (*Шахматов А. А.* Разыскания. С. 324). «На юге Поляне получают имя Руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник» (Там же. С. 327).

⁴⁶⁷ Дьяконов И. М. К методике исследований.

⁴⁶⁸ Кор су некий А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 132 сл.; Левандовский А. П. К вопросу о возникновении и распаде средневековых народностей // ВИ. 1968. № 11.

⁴⁶⁹ de Vries J. Kleine Schriften. B., 1965. S. 216–217.

⁴⁷⁰ История Франции. М., 1972. Т. 1. С. 48.

⁴⁷¹ Когда предлагаемая статья находилась в печати, появилась работа А. Карпозилова о росах-дромитах (см.: Карпозилос А. Росдромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. 1988. Т. 49). Контекст сообщений Псевдо-Симеона и продолжателя Феофана о росах-дромитах хорошо согласуется с предположением авторов о непосредствен-

(Впервые опубликовано: ВИ. 1989. № 8. С. 24–38)

ном восприятии термина '### в ранних византийских источниках (ср. у продолжателя Феофана: ο! Ρεβγ...οι χα! Αροјііхаі Хеуορεвоі, οі ех узvovq хоov Фрауушу хаВіохавхаі, и славянский перевод: «Роусь... иже скеди глаголем, от рода варяжьска соушим» – *Истрин В. М.* Книги временный и образныя Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 567). В переводе наименование «дромиты» явно связывается с весельными судами – скедиями, или дромонами византийских источников, что соответствует раннему значению слова «русь» (ср.: *Попов А. И.* Названия народов СССР. С. 57).

Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг»

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

Трансформация содержания названия «русь» началась еще в конце IX в., и для летописцев второй половины XI – начала XII в. оно полностью утратило первоначальный смысл, как этнический, так и профессиональный⁴⁷². Это наименование выступает в летописях в этносоциальном и социальном значениях по преимуществу в пассажах, где излагаются «предания», передается архаичная традиция (историко-эпические повествования: сказание о призвании варяжских князей, рассказ о походе Олега на Царьград и т. п.). Его актуальное содержание определялось реальностью второй половины X–XI в.: возникновением и укреплением восточнославянского государства, включившего многочисленные славянские и неславянские народы. Название «русь» использовалось как политоним, а производное прилагательное «русский» – как обозначение новой этнической общности, включавшей славянские племена, жившие на территории Древнерусского государства. В этом качестве оно противостояло как племенным наименованиям, так и названиям неславянских народов, также вошедших в состав государства.

В то же время контакты восточных славян со скандинавами не прерывались, более того, наиболее интенсивными они стали в X в., продолжались они, приобретая в значительной степени характер межгосударственных отношений, и в XI в. Это требовало появления нового наименования для них, отличного от слова «русь». Таковым, как явствует из летописного словоупотребления, стало слово «варяг».

В рамках «норманнского» вопроса происхождение и значение слова «варяг» вызвали значительно менее острые споры, нежели слово «русь» – в первую очередь в связи с очевидностью его скандинавской этимологии и недвусмысленностью отнесения летописцем именно к скандинавам, «норманнам» западных источников. Отдельные, довольно редкие попытки связать «варягов» с прибалтийскими славянами или субстратным населением Южной Балтики⁴⁷³ остались изолированными историографическими казусами⁴⁷⁴. Вместе с тем эта же очевидность определила кажущуюся ненужность специального исследования функционирования слова «варяг» в древнейших летописных сводах и уточнения его содержания: обычная его интерпретация как «скандинав на Руси» казалась вполне достаточной. При этом обсуждались лишь форма и значение исходного для него слова: *vceringi* или *varangr* «группа людей, объединенных взаимными обетами верности»; «военный отряд»; «торговая организация» и др.⁴⁷⁵. Вызывало также недоумение то обстоятельство, что это слово не употребляется в скандинавских письменных источниках для обозначения скандинавов, находящихся или побывавших на Руси. Последнее А. Стендер-Петерсен объяснял случайностью дошедших до нас известий⁴⁷⁶, что, однако, малоубедительно, поскольку корпус древнескандинавских письменных источников огромен и достаточно представительен.

⁴⁷² Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989. № 8. С. 24–38.

⁴⁷³ Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55; Он же. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83.

⁴⁷⁴ Критический обзор см.: Schramm G. Die Warager: osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slaven. 1983. Bd. 28. S. 38–43.

⁴⁷⁵ Подробнее см.: Ibid. S. 38–67.

⁴⁷⁶ Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

Все это дает основания еще раз обратиться к критическому рассмотрению происхождения, развития, содержания и функционирования слова «варяг» и родственных ему слов в византийских, скандинавских и в первую очередь древнерусских источниках.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) не содержит другого обозначения скандинавов, кроме слова «варяг», хотя летописец, составивший космографическое введение к ней (Нестор?), знает и современные ему обозначения скандинавских народов: «урмане» (норвежцы), «свей» (шведы), «готе» (готландцы). Именно эти наименования он и приводит, раскрывая свое понимание слова «варяг»: по Варяжскому морю «с#дять варязи с#мо ко вьстоку до пред#ла Симова, по тому же морю с#дять къ западу до земл#Агнянски и Волошьски. Афетово бо и то кол#но: варязи, sweи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, н#мци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же прис#дять от запада къ полуденю и сьс#дяться съ племянемъ Хамовым»⁴⁷⁷. Это вызвавшее множество толкований описание, согласно которому народы, живущие по берегам Варяжского (Балтийского) моря, достигают на востоке предела Симова (Ближний Восток), а на западе – Хамова (Северная Африка), соответствует в целом описанию в ПВЛ международных путей: пути «из варяг в греки» и из грек по Днепровскому пути и Балтийскому морю до Рима, а оттуда в Царьград, и в еще большей мере описанию Волжского пути в «море Хвалисьское» (Каспий), далее на восток в «жребий Симов» и назад через Двину, Балтийское море до Рима и «племени Хамова»⁴⁷⁸. Это описание соответствует и представлениям восточных географов о том, что Балтийское и Средиземное моря – проливы Океана, а Балтийское море соединяется с Черным.

Это маршрутное описание сочетается в списке народов с этнографическим, которое композиционно состоит из нескольких групп наименований народов («языцев»), объединенных по единому принципу – перечисление начинается собирательным этнонимом (например, «чюдь и вен языци») ⁴⁷⁹. Список иафетидов разделяется на две части: «варяги», к которым отнесены sweи, урмане, готе, русь, агняне, галичане⁴⁸⁰, и «волхва» – римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и пр., т. е. народы «римской империи» Каролингов (а затем германской), которые названы традиционным собирательным именем «волохи»⁴⁸¹.

Б. А. Рыбаков, считавший исследуемый фрагмент космографического введения «механической» вставкой, полагал, что ее автор очень точно знал расположение норманнских владений в Европе, установившееся после битвы при Гастингсе и завоевания Амальфи и Апулии; варяги-норманны «сидят к западу до Английской земли и до Итальянской». Следовательно, – заключал Б. А. Рыбаков, – это описание составлено не ранее 1066–1077 гг.⁴⁸². Однако «механически внедренной» в текст летописи вставкой этот пассаж считать невозможно, так как, во-первых, он, вопреки мнению Б. А. Рыбакова, имеет прямое отношение к судьбам славянства: далее в ПВЛ говорится о волохах, притеснявших славян на Дунае; во-вторых, он непосредственно связан с вопросом о происхождении руси, включением ее в число варяжских народов.

В сказании о призвании варягов информация космографического введения повторяется как комментарий летописца об этнической принадлежности руси: «ся зваху тыи варязи

⁴⁷⁷ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 10 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 8. – *Прим. ред.*].

⁴⁷⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 11–12 [= ПВЛ-1996. С. 8–9. — *Прим. ред.*].

⁴⁷⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чюдь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. // Балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей. М., 1990. Ч. 1. С. 28–34.

⁴⁸⁰ Учитывая это, более убедительной представляется интерпретация «галичан» как жителей Уэльса – гэлов-валлийцев (ср.: ПВЛ-1950. Ч. 2. С. 212 [= ПВЛ-1996. С. 384. — *Прим. ред.*]) см. также: *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху средневековья. М., 1985. С. 170).

⁴⁸¹ Ср.: *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы. С. 168–171.

⁴⁸² *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 122.

русь, яко се друзии зъвутся свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте, тако и си»⁴⁸³. Из контекста летописи следует, что чудь, словене и прочие обратились к тем варягам, которые звали себя русью, но не к тем, которые собирали ранее дань (в Новгородской первой летописи [далее – НПЛ], где слово «русь» опущено, это противопоставление исчезает). Таким образом, наряду с отождествлением руси и варягов в этническом смысле, при котором русь понимается как один из варяжских народов, ПВЛ тут же противопоставляет русь как род и дружину князей, призванных по «ряду», прочим варягам. Слово «варяги» в этом контексте выступает как собирательное обозначение скандинавов.

Наметившееся в легенде противопоставление руси и варягов, а позднее местного населения и варягов постепенно усиливается в летописных рассказах о событиях IX–XI вв.⁴⁸⁴ Войско Аскольда и Дира, которые «много варяги съвокуписта», еще называется русью⁴⁸⁵, как и войско Олега, но последний, согласно летописцу, ведет на Царьград уже не только варягов: «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киев#, поя же множество варяг, и словень, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны», и т. д.⁴⁸⁶ В НИЛ тот же список выглядит усеченным, так как в нем нет мери и чуди: «Игорь и Олег пристроиста воя многи, и Варягы, и Полян# и Словен# и Кривичи»⁴⁸⁷. Знаменательно, что в обоих списках не упомянута русь, в то время как при описании самого похода и в той, и в другой летописях русь противопоставляется словенам: от имени «всей руси» заключен и договор 911 г. Кого же называли русью? Судя по летописным текстам, варягов и словен новгородских, осевших в Киеве: «б#ша у него (Игоря. – *Авт.*) Варязи мужи Словен#, и оттол#[прочии] прозвашася Русью»⁴⁸⁸; «и б#ша у него (Олега. – *Авт.*) варязи и слов#ни и прочи, прозвашася русью»⁴⁸⁹. «Прочи» (ПВЛ), по А. А. Шахматову, – позднейшая вставка. Видимо, эта русь и противопоставлена прочим словенам (неслучайно в списке Олегова войска в ПВЛ словене упомянуты дважды), как княжеская дружина – рядовым «воям». Вероятно, это объединение варягов и новгородских словен побудило летописцев отметить, что «суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»⁴⁹⁰ («преже бо б#ша слов#ни», – добавлено в ПВЛ⁴⁹¹). Соединение варягов и словен проходит во всех списках ПВЛ, но составитель НИЛ, видимо, разделил их упоминанием полян, что больше соответствовало его представлениям о размещении руси на юге, в Среднем Поднепровье⁴⁹².

После неудачного похода руси в 941 г. Игорь «нача совкупляти во# многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки»⁴⁹³. Здесь впервые после призвания князей говорится

⁴⁸³ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. – *Прим. ред.*].

⁴⁸⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.

⁴⁸⁵ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. – *Прим. ред.*].

⁴⁸⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 23 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 16. – *Прим. ред.*]. Словене здесь названы дважды: так читается в Лавр., Радз. и Моек. – Академ.; в Ипат. и Троицк, они упомянуты один раз, вслед за варягами. См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 16.

⁴⁸⁷ НПЛ. С. 108.

⁴⁸⁸ Там же. С. 107.

⁴⁸⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 20 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 14. – *Прим. ред.*]. При анализе этих текстов со времен А. А. Шахматова почему-то считается, вопреки обеим летописным версиям, что имя «русь» варяги и словене получили с тех пор («оттоле»), как они обосновались в Киеве. Между тем, аналогичный пассаж ПВЛ об угрох проясняет смысл этой фразы: угры «прогнаша вольхи, и насл#диша землю ту... и оттоле (курсив наш. – *Авт.*) прозвася земля Угорьска» (ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 21 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 15. – *Прим. ред.*]) – завоеватели дают свое имя земле.

⁴⁹⁰ НПЛ. С. 106.

⁴⁹¹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 18 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 13. – *Прим. ред.*].

⁴⁹² Это представление, свойственное эпохе раздробленности, стало формироваться ранее, с утверждением руси в Киеве, о чем свидетельствует и ПВЛ в описании последующих походов на греков.

⁴⁹³ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. – *Прим. ред.*].

об обращении за море к варягам – видимо, скандинавские дружины Аскольда и Дира, равно как и Олега, считаются летописцем русью, осевшей в Восточной Европе.

Противопоставление «заморских» варягов «местной» руси впервые со всей очевидностью явствует из описанного в ПВЛ состава Игорева войска в 944 г.: «Игорь же совокупив вой многи, варяги, Русь, и поляны, слов#ни, и кривичи, и т#верьц#, и печен#ги наа... поиде на Греки»⁴⁹⁴. М.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что и здесь русь выступает отдельно от варягов, вместе с полянами, в отличие от словен и кривичей, но далее спутал списки, стремясь обнаружить полян в войске Олега, идущем из Новгорода в Киев, и, естественно, не обнаружив их там, отождествил полян с русью⁴⁹⁵. Между тем, это первое реально засвидетельствованное противопоставление местной руси пришлым варягам не носит еще абсолютного характера, ибо далее, согласно ПВЛ, все войско Игоря называется русью – от нее отличаются лишь печенеги: «Идутъ русь, и наяли суть к соб# печен#ги»⁴⁹⁶. Договор 944 г. заключается от имени «всех людей Русской земли» послами, носящими, в основном, скандинавские имена, а «росский язык» у Константина Багрянородного сохраняет скандинавскую лексику. Однако разделение варягов и руси уже произошло, и заморские варяги все более определенно воспринимаются в источниках как чужеземцы.

В 977 г., после того, как Ярополк, унаследовавший престол князя Святослава, убил своего брата Олега, Владимир бежит из Новгорода за море, а в 980 г. возвращается с варягами и идет сначала на Полоцк, где при помощи одних варягов расправляется с другими – Рогволодом, княжившим в городе, и его родом⁴⁹⁷. Состав войска Владимира традиционен: «варяги и слов#ни, чюдъ и кривичи»⁴⁹⁸. Однако, захватив Киев, варяги на этот раз не обретают название «русь». Напротив, назревает конфликт между ними и князем. Варяги называют Киев «своим городом» и требуют откупа. Владимир обещает собрать деньги, но сам обманывает варягов. Части «добрых и смысленых» скандинавов он раздает «грады»; другую часть отправляет в Византию с сопроводительным посланием, в котором советует императору также не держать варягов вместе, а разослать по разным городам⁴⁹⁹. Этот эпизод содержит, по крайней мере, два новых момента: во-первых, здесь отчетливо проявляется отношение к заморским наемникам как враждебным чужакам, которых можно «кормить» в русских городах, но держать вместе не следует, во-вторых, также впервые говорится о поступлении варягов на службу в Византию.

В начале XI в. происходит наиболее известный конфликт между варягами и местными жителями. Княжащий в Новгороде Ярослав в 1015 г. отказывается платить дань отцу и приводит из-за моря варягов. Новгородцы, возмущенные «насилиями» варягов, «собрашася в ночь, ис#коша Варягы в Поромон# двор#»⁵⁰⁰. Из рассказа об этом событии явствует, что, во-первых, новгородцы в начале XI в. никак не могут считаться людьми «от рода варяжьска», во-вторых, варяги в критический момент оказываются для князя чужими: собираясь в поход на Киев, «любимой дружиной» он называет новгородцев, на их поддержку рассчитывает в первую очередь.

⁴⁹⁴ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 33–34 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. – Прим. ред.].

⁴⁹⁵ Тихомиров М.Н. Происхождение названия «Русь» // СЭ. 1947. Вып. 6/7. С. 70.

⁴⁹⁶ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 34 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 23. – Прим. ред.].

⁴⁹⁷ Использование норманнских наемников против викингов и других отрядов норманнов характерно и для правителей в Западной Европе.

⁴⁹⁸ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 54 [Цит. по: ПВЛ-1996. С. 36. – Прим. ред.].

⁴⁹⁹ ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 56 [= ПВЛ-1996. С. 37. – Прим. ред.].

⁵⁰⁰ НПЛ. С. 174; ср.: ПВЛ-1950. Ч. 1. С. 97 [= ПВЛ-1996. С. 62. – Прим. ред.]. «Поромонь двор» – от др. – исл. *farmaðr*, мн. ч. *farmenn* «путешественник; купец, ведущий заморскую торговлю». Исследователи сходятся в интерпретации названия «Поромонь двор» как обозначения двора, усадьбы, где останавливались приезжие купцы и где находился контингент скандинавских наемников Ярослава (Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности//Новгородский край. Новгород, 1984. С. 130).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.